

ВЕЛИКИЕ ЖЕНЩИНЫ великих мужчин

Удивительные
истории
взаимоотношений
известных пар

ВАЛЕНТИН БАДРАК

Брайт * Букс

Аннотация

В книге рассматриваются жизни и хитросплетения судеб многих известных представительниц прекрасного пола. Понимание и умелое применение этих образов, постижение способа мышления выдающихся предшественниц не только позволят женщинам научиться быть счастливыми и успешными одновременно, но и подскажут, как сделать своего избранника сильным, влиятельным, успешным.

ISBN 978-966-2665-08-6

© Брайт Стар Пабблишинг, 2017

© Валентин Бадрак, 2013

Валентин Бадрак

ВЕЛИКИЕ ЖЕНЩИНЫ ВЕЛИКИХ МУЖЧИН

Любимой жене Татьяне посвящается...

ОТЗЫВЫ

Книгу интересно читать не только женщинам, но и мужчинам. Очень глубокий психологический анализ различных типов женщин и их поведения. Я советую людям находить для себя успешные «модели» для изучения. Эта книга дает невероятный материал для «моделирования» (изучение великих личностей для собственного развития).

Ицхак Пинтосевич,

эксперт в системном развитии личности и бизнеса, автор бестселлера «Действуй! 10 заповедей успеха»

«Чем дальше вы можете смотреть назад, тем дальше вы сможете увидеть впереди», — говорил Черчилль. И Валентин Бадрак помогает нам приоткрыть завесу времени и заглянуть в истории необыкновенных женщин, изменивших мир! С мудростью мужчины он проводит нас по лабиринтам их судеб, позволяя глубже понять стратегии их успеха, провала и любви, увлекая блестящим языком, точными образами и глубоким пониманием того, что стоит за этими историями. Как пишет Валентин об Эвите Перон: «Эва благодаря собственной идее проведения радиоспектаклей о прославленных женщинах постигала многие знания, которых ей не хватало. Фактически она организовала для себя сеансы генийтерапии, причем эффективность их получилась максимальной за счет необходимости радиоведущей проникать в их образ. Она работала с их легендарными образами, впитывая их черты, образ мышления, оценивая и переваривая поступки. Неповторимая Екатерина Вторая, хитроумная Жозефина, величественная Анна Австрийская, непревзойденная леди Гамильтон, эпатажная Сара Бернар, утонченная Элеонора Дузе

— это только некоторые образы, у которых отчаянная Эва училась жить на ходу». И благодаря блестящим и аналитическим книгам Валентина, похожим на эти сеансы гений-терапии, мы тоже можем учиться жизни у великих женщин, постигая их успех, но не повторяя их ошибок.

Лариса Ренар,

популярная писательница, известный тренер по развитию личности

Женское предназначение — созидание человека. Извечные инструменты: любовь и терпение. Для созидания Личности — нужен неординарный мужчина и особый женский талант. Книга Валентина Бадрака «*Великие женщины великих мужчин*» — занимательный анализ того, чему невозможно научиться, но может произойти в жизни каждой женщины, если постараться, как Жаклин Кеннеди или Вера Набокова.

Юрий Белецкий,

издатель, главный редактор журнала «Личности»

Замечательный мир личностей Валентина Бадрака содержит то познавательное зерно, которое полезно как мужчинам, так и женщинам. Его психологические аналогии приближают к пониманию истинных отношений.

Олег Пинчук,

известный украинский скульптор

Женщина, смотрящаяся в глаза мужчины, всегда красавица. Женщина, идущая шаг в шаг с любимым мужчиной, оставляет одни следы на двоих, но это самые глубокие следы... История пишется губной помадой. Не верите? Читайте новую книгу Валентина Бадрака «*Великие женщины великих мужчин*».

Елена Рог,

писатель, сценарист

Вместо вступления. Гармония женщины в зеркале известных образов

Каждый человек наделен способностью мыслить, оценивать, анализировать, и это создает множество возможностей. Именно на этом проверенном временем фундаменте базируется идея, изложенная в этой книге. Она звучит так: *преломление гармонии женщины в историческом зеркале образов*. Умелое использование этих образов, постижение способа мышления выдающихся предшественниц позволяют женщине не только научиться быть счастливой и успешной одновременно, но и сделать своего избранника сильным, влиятельным, богатым. А также избежать ошибок, которые приводят к коллапсу гармонии, разрушению женщины изнутри.

Почему материалом для книги избраны многие известные женщины? Просто это что ни на есть реальные образы. Среди них можно отыскать успешных, но негармоничных, знаменитых, но несчастливых. Или, напротив, не совершивших ничего великого, однако «сделавших» своих мужей прославленными и таким образом добывших свое женское счастье. Учиться у известных исторических персонажей не зазорно, особенно когда речь идет об ошибках. Тут перед нами все многообразное, пестрое, выпуклое представление о картине мира, включая сложные узловые станции человеческих отношений, безбрежные вариации решений и поступков.

Казалось бы, нынешняя женщина добилась всей мыслимой полноты свободы, позволяющей ей делать самостоятельный выбор относительно самореализации и построения жизненного сценария.

Но эволюция взглядов на роль женщины в обществе все же не поспевает за сексуальной волной, нахлынувшей на просвещенный мир после известного доклада Альфреда Кинси «Сексуальное поведение самки человека» 1953 года. Можно даже говорить, что к началу XXI века произошел определенный сбой программы — и в восприятии женщинами самих себя, и в восприятии женщин мужчинами. Мужчины под определенным давлением некогда слабого пола стали женоподобными и, как следствие, испытывают атрофию ответственности. Тогда как женщины в короткие сроки расширили сферу применения своих обновленных качеств до невероятных размеров и продемонстрировали в этом невиданные достижения. Но в какой-то момент они обнаружили, что победы обернулись против них самих. Одиночество и отчужденность на поверку оказались не лучшими рецептами организации жизни. Часто, вступая в борьбу за признание, женщина перемещается на сугубо мужское поле, осознанно лишая себя женственности, убивая свое природное очарование и разрушая энергетику пола. В результате погоня за формальным успехом и внешней блистательностью лишает ее счастья и гармонии — в этом мире у всего есть своя цена. И не потому ли оказались «отлученными от счастья» знаменитая женщина-скульптор Камилла Клодель, замечательная писательница Франсуаза Саган, видная и результативная женщина-политик Беназир Бхутто, выдающаяся женщина-педагог Мария Монтессори, одна из ярких актрис XX века Мэрилин Монро? С другой стороны, история оставила уникальные харизматичные образы женщин, которые оказались счастливыми вместе со своими мужчинами. Выбирая при этом различные роли — союзницы, партнерши, помощницы. Елена Рерих, Агата Кристи и Галина Вишневская принадлежат к первой когорте, Мария Склодовская-Кюри и Вирджиния Вульф — ко второй, Раиса Г орбачева, Вера Набокова

и Эвита Перон — к третьей. Однако далеко не все «устроительницы» побед своих мужчин оказались такими счастливыми и прожили жизнь гармонично, с радостью. Оттого-то и родилась у нас идея заглянуть в тонкий мир отношений двух половин человечества.

«Аюрведа», одна из священных книг индусов, более пяти тысяч лет назад сформировавшая свод действенных законов о гармоничной жизни, представляет женщину в виде энергии, приложенной к единице — мужчине. Без точки приложения могущество женской энергии рассеивается, а единице редко удается расправить крылья без поддержки. Потому миссия великого женского в переломные моменты человеческой эволюции преимущественно заключалась не столько в защите достигнутого обществом, сколько в способности пробудить и направить великий потенциал противоположного пола. Для дальнейшего движения.

Нашей же книгой можно пользоваться, как живым тренингом. Это концентрированный материал для создания удачных образцов отношений, который предназначен для моделирования с учетом индивидуальных особенностей мировосприятия. Уверен, что каждая пытливая натура отыщет тут необходимые ингредиенты для собственного неповторимого эликсира счастья. Той, которая пожелает однажды стать и оставаться на всю жизнь счастливой, беглое посещение музея человеческих отношений непременно пригодится, ибо все это прежде всего чей-то урок, конвертируемый в ваш опыт. Ведь именно достоверность или минимальная искаженность фактов жизни выдающихся и просто известных личностей, чья приватная жизнь оказалась на всеобщем обозрении, дает возможность создать не гипотетические схемы успешных или безнадежных отношений двух индивидов, но совершенно четкие, легко узнаваемые

изображения. Соскабливая бронзовый налет, мы лишь очеловечиваем исторических персонажей, познаем их отношения и мироощущения. Сильные импульсы выдающихся личностей помогут нам, моделирующим свои жизненные стратегии, выработать приемлемые ориентиры, опорные точки для внутреннего равновесия. Несомненно, что каждый человек обусловлен рамками уже сформированного многими факторами судьбоносного коридора. И все же все мы в любой точке жизненной траектории имеем возможность меняться, корректироваться, совершенствоваться. И намеренно выходить из зоны комфорта, превращаясь в принцесс и королев. А глобальной проблемой современной женщины, как и сто лет назад, остается осознание собственного предназначения, формирование собственной роли. Те, кому это удавалось, проживали жизнь счастливо и гармонично. А удавалось это чутким натурам, готовым слышать и слушать свой собственный голос.

Наша книга — это книга-опыт, рассказанная самими женщинами и записанная мужчиной. Книга для честного и откровенного разговора с собой. Не стоит игнорировать прошлое — оно содержит грандиозный опыт, применимый для формирования будущего. В нем заложены неисчерпаемые и порой неожиданные ресурсы.

Книга отнюдь не является руководством по соблазнению, обольщению и очарованию мужчин с целью приобретения власти или мещанско-ханжеского устройства своей жизни. Она отвечает на извечные вопросы: как привлечь, как удержать потенциально сильного мужчину, как сделать его значимым. Но еще больше она посвящена поиску гармонии самой женщиной, потому что женщина обустривает в первую очередь свой собственный жизненный проект. В соответствии с индивидуальным пониманием красоты и гармонии, в

соответствии с избранным предназначением. Но правда и в том, что эта книга является попыткой намекнуть современной женщине: она способна стать не только хозяйкой своей судьбы, но и тайным менеджером собственного мужа. Лучшие женщины уже сумели доказать, что это интересно, радостно и имеет прямое отношение к персональному счастью.

Наша книга — это книга-опыт, рассказанная самими женщинами и записанная мужчиной. Книга для честного и откровенного разговора с собой. Не стоит игнорировать прошлое — оно содержит грандиозный опыт, применимый для формирования будущего. В нем заложены неисчерпаемые и порой неожиданные ресурсы.

Мы уже давно знаем: именно женщина создает, формирует и окончательно лепит мужчину. Только правильный взаимообмен Инь и Ян, только взаимное энергетическое обогащение, объединение усилий мужчины и женщины способно придать реальному миру оттенки Рая. А может быть, и создать его автономные островки на конкретных участках планеты. И если так, то разве не задача мужчины пробудить в каждой женщине принцессу, богиню третьего тысячелетия?!

Валентин Бадрок

**Часть первая. Поучительные подсказки
состоявшихся принцесс и королев**

Глава первая. Великий секрет супружества

Упомянутый образ: Вера Набокова

Существует впечатляющий нетрафаретный тип женщины, величие которой состоит в том, чтобы, оставаясь вне публичности и всеобщей узнаваемости, тихо и незаметно создать абрис могущества своего партнера. Как неповторимый узор на ковре, выткать который способны лишь мастерицы, обладающие редким терпением. Такие женщины осознанно избегают появления на переднем плане, предпочитая, впрочем,

держат ситуацию под контролем как бы из глубины пространства созданного ими же союза с мужчиной. Они только внешне хрупки и податливы, внутри же — каменисты и тверды, как горная гряда. В них есть небывалой прочности стержень, которого обычно не хватает их выдающимся мужьям и силу которого женщины ловко, с молчаливого согласия партнера, выдают за его неоспоримое достоинство. Им доставляет особое удовольствие «создавать» своего мужчину, наслаждаясь собственной архитектурой и зная, что муж в знак бесконечной благодарности проявит невиданную преданность семье. Именно так по большей части и случается, ибо мужчина, если только в нем есть хоть капля интеллекта, осознает, что судьба в лице такой женщины посылает ему внушительный бриллиант, самый драгоценный из всех на земле. Взамен за великий успех и мирскую славу своего мужа такие женщины получают семейное счастье, потому что семья — их самая значимая, абсолютно непревзойденная профессиональная деятельность. Именно к таким в наше время редким натурам, незаменимым помощницам, дающим необыкновенную силу своим мужьям, относится наша первая героиня — Вера Набокова.

Великий секрет Веры Набоковой... Существовал ли он? С одной стороны, этот вопрос — риторический, поскольку великое терпение, помноженное на необходимые знания, невиданную гибкость мышления и непрестанную деятельность, с добавлением ежедневной порции ободрения для партнера да еще приправы из искусно выдвинутых требований, — на это как будто способна каждая женщина. Вообще всякая женщина способна на подвиг, если только это соответствует ее представлениям о своем предназначении.

У Веры, в девичестве Слоним, связавшей судьбу с начинающим писателем, взгляд на свою женскую роль оказался именно таким: быть женой-подругой, помощницей, матерью.

Владимир Набоков уже умел высекать фонтаны искр из слов, но ему не хватало чего-то очень важного, без чего невозможно войти в большую литературу. По сумме качеств и действий Вера, которую на склоне лет называли не иначе, как «миссис Владимир Набоков», действительно обладала уникальной стратегией, отличительная характеристика которой — динамичность. Что бы ни происходило в жизни Набоковых, Вера никогда не оставалась статичной. В сравнении со многими другими женщинами своего времени это один из ее принципиальных козырей. Конечно, таинства семейного строительства вряд ли возможно копировать, так как всякий раз оно срабатывает как нечто индивидуальное, применимое исключительно в определенном контексте, только к данному человеку. Но некоторые идеи, особенно в той туманной области, где женщина способна вылепить из мужчины гения (ну или хотя бы ощутимо усилить и раскрыть его талант), вне всякого сомнения, окажутся полезными.

В том, что счастливую пару «Владимир и Вера Набоковы», а также «гения Владимира Набокова» в значительной степени создала именно способная и терпеливая Вера Слоним, уверены очень многие. И прежде всего сам Владимир Набоков. Может быть, в этом и есть самое настоящее, священное таинство Веры. Ведь разве не примечательно, что даже принятый в литературном мире, но не признанный повсеместно Сири (ранний псевдоним Набокова) свой первый роман «Машенька» завершил через год после женитьбы (да и начал его лишь после оформления отношений с Верой). А затем в течение последующих одиннадцати лет он написал восемь романов, и многие красочные эпизоды ему «подбросила» именно жена. Американская писательница Стейси Шифф, превосходно отобразившая жизнь Веры с автором «*Лолиты*», весьма метко назвала ее «собакой-поводырем» и подробно описала «эффект

бабочки» самого Набокова, свершившийся под непосредственным надзором Веры. «Без жены я не написал бы ни единого романа», — честно признавался Владимир Набоков, и это признание — вовсе не запоздалый реверанс. А искреннее благоговение перед человеком, которому он был обязан, может быть, даже больше, чем собственному таланту. Ибо только такая пронизательная натура, как Вера, могла самоотверженно спасти «*Лолиту*» от сжигания автором, стоически перепечатывать ее в течение нескольких лет, называя шедевром (а ведь она запрещала сыну читать даже «*Приключения Гекльберри Финна*», полагая, что там слишком много непристойностей). Наконец, осознавая всю подноготную сексуальной сублимации мужа, она боролась за него самого во времена отвержения его лучшего произведения.

Итак, никто не станет сомневаться, что многое было скрыто в самой личности Веры Слоним. В поле зрения Владимира она попала уже самодостаточной, сильной и многогранной личностью. Иначе и быть не могло! Сына видного аристократа и богача, с трех лет говорившего на нескольких языках, «английского ребенка» попросту не могла заинтересовать «серая мышка». Молодой человек, который не так давно получил миллионное наследство и издал на свои деньги первый сборник собственных стихов, конечно, мог бы увлечься симпатичной куколкой (что, в принципе, случалось), но сделать выбор в пользу блеклой личности, пусть и с шикарным набором физических качеств, — вряд ли. Вера же училась в престижной частной школе княгини Оболенской, с обучением на французском, с бальными танцами, теннисом и классической литературой. Со свободными взглядами на роль женщины и, соответственно, с очень высокими притязаниями. Девочкой она могла с ходу, «прочтя два раза», запомнить стихотворение, в упомянутую школу была зачислена, будучи на три года младше

одноклассниц, а в 15 лет без излишнего напряжения она штудировала «*Принципы психологии*» Уильяма Джеймса. Это был живой, активно развиваемый интеллект, жаждущий применения. Но в то же время это была девушка, которую в рамках традиции начала XX века готовили прежде всего к полноценному замужеству, ибо в ее семье среди занятых, с эмансипированным оттенком, идей и всяких новых веяний установка на создание союза с женщиной все же доминировала. Вся ментальная грация, вся внутренняя сила характера намеревалась в силу с детства впитанных представлений насытиться одним — созданием гармоничной семьи.

Важно, что и сам писатель, признававшийся во множестве добрых связей, тем не менее раздражался утечкой сквозь пальцы творческой энергии, — первый признак жажды стабильности в личной жизни. Несмотря на свою популярность среди неискuschenных молоденьких особ, избалованный и несколько щеголеватый жених столкнулся с пренебрежительным отказом родителей той, которой хотел подарить постоянство. За то, что вопреки патентованной образованности и утонченным манерам аристократа он все еще не мог найти сносную работу в свои 24 года. А вот проницательная Вера, милая и невесомая при первом приближении, проявила поразительную цепкость и последовательность в отношениях с молодым литератором. Всем своим существом она вселила в Набокова уверенность, что отныне стабильность души и плоти остановит рассеивание во все стороны его фонтанирующего таланта. На самом деле она с юных лет имела правило — четко и неуклонно двигаться вслед за своими убеждениями и представлениями. В несколько расхлябанном ловеласе Набокове она рассмотрела перспективность, а нехватку душевной гарантии рискнула восполнить собственной внутренней силой, которой — она это

хорошо знала — с избытком хватит на двоих. Что касается обращения на себя пристального внимания, то безупречная гуманитарная подготовка Веры быстро дала ей в руки необходимые ключи: восхищение стихами Набокова с бесподобно точным цитированием, умелые впрыски иностранных словечек и мудрые суждения о жизни в неправдоподобно короткие сроки сделали свое дело. Был еще один, так сказать, внешний стимул: на ее глазах как раз в это время распадалась семья родителей, и она, что весьма показательно, больше поддерживала отца, считая мать непоследовательной и недопустимо слабой. То есть она считала, что женщина обязана быть по-своему сильной. Потому правильно было бы предположить: предусмотрительная Вера слишком крепко обвила шею возлюбленного, чтобы уже не отпускать ее ближайшие полстолетия.

Сама Вера всегда оставалась предельно смелой и необычайно решительно действующей, что особенно проявлялось в нестандартных и экстремальных ситуациях. В тяжелые, почти нищенские берлинские годы начального периода совместной жизни с Набоковым она не только работала стенографисткой во французском посольстве и адвокатском бюро, но и успевала учиться и даже давать уроки сама (кстати, никогда не признаваясь в том, что порой ей приходилось одной содержать семью). Ухитряясь сохранять женское очарование и идеальные формы тела, скрывая беременность так ловко, что она стала заметной практически перед самыми родами. Вера, с ее незаурядными лингвистическими познаниями и тонким ощущением оттенков языка (при почти безукоризненном знании нескольких языков), часто несла на своих тонких покатых плечиках всю финансовую тяжесть молодой семьи. В этот период Вера в какой-то степени балансировала на грани риска, — отдавая себя всю, почти жертвуя собою ради

литературной реализации мужа, она едва ли не походила на Татьяну Михаила Булгакова. Но ключевая разница в том, что Вера рядом с набирающим силу писателем была непревзойденной. Она не просто образованна, но обладает несопоставимыми способностями, которые делают ее единственно необходимой мужу. Если Татьяна Лаппа, которая никогда не занималась собственным развитием, быстро истощилась, духовно исчерпалась и стала Булгакову неинтересна, то Вера ничуть не теряла своей силы и интеллектуального соответствия. И если великое жертвоприношение Татьяны заключалось в обеспечении быта мужа в ущерб себе самой, то Вера не просто трудилась с мужем на равных, — она жила с ним в одном ритме вибраций. И уж взыскательный Владимир хорошо знал, что другой такой ему не найти. Впрочем, был у Веры один момент потери силы, но не бессилия. Это случилось тогда, когда всякая женщина становится уязвимой: оказавшись с маленьким ребенком на руках, вдохновительница великого писателя все же познала горечь измены.

«Никогда не отказывайтесь от того, что любите». Это девиз Веры Набоковой.

Но и тут Вера достойна уважения: методическая осада заблудшего сознания, не уступающая напору легионеров Цезаря, и еще более впечатляющее вытеснение всякой обиды из своего сознания. «Никогда не отказывайтесь от того, что любите», — заявила Вера в этот период, открыв второй раунд борьбы за необходимого ей мужчину.

Она рассудила верно и по-мужски логично: что могло быть завоевано однажды, может стать добычей и второй раз. Но исполнила она захват увязшего в неожиданном любовном

романе мужа чисто по-женски — изящно, ажурно, как вышивку тончайшего узора. И в результате потерявшийся мужчина из двух женщин снова выбрал ту, что сильнее, обладает более тонким умом и проявляет большую стойкость. К тому же в возвращении к жене была двойная прелесть: подрастающий сын, и то, что Владимир Набоков называл «райской каторгой», — творческая идиллия, в которой добровольно участвовала Вера. Ни с какой иной женщиной этого не получилось бы, и уж тем более ничего путного не могло выйти в союзе с прелестной соблазнительницей, занимавшейся «профессиональным» выгулом собачек. Пусть даже ей и удавалось отменно играть с Владимиром в ролевые игры, в палача и жертву, например. Но похоть преходяща, и вслед за пресыщением телесными уладами душа писателя все равно восстала бы. Он уловил посыл времени: сгнить заживо в земных объятиях или взмыть ввысь крылатым ваятелем слова. Ангелом или демоном, не важно, — радости физического наслаждения он предпочел ментальную силу. Это важный ключ для любой женщины: настоящий принц и будущий король не падок на ласки, — такому всегда нужно нечто большее. Впрочем, так бы поступило большинство мужчин, ориентированных на весомые достижения; и напротив, только потерянный навеки самец уходит в крестовый поход за любовью, ибо никогда не породит он бессмертный шедевр. Для таких сексуальное долголетие только и служит доказательством, что они еще живы, но с физической смертью наступает и распад земной энергии, ибо ничего не остается после... В глубине души двойственный, ненадежный, как его однажды назвали, Набоков это хорошо понимал, и Вера сумела своей настойчивостью заставить мужа пройти самую критическую точку их совместной жизни.

Отстояв мужа и отца своего сына, Вера применила одну из самых древних и действенных женских формул успеха: «Убрать

раздражители!» Замечательный принцип, во все времена применяемый мудрыми женщинами: смена места обитания, продолжительное путешествие или просто оформление уникального образа жизни в насыщенной сказочными звуками и символами раковине. Мужчина, если только он со своей ветреностью и более острыми полигамными позывами является слабым звеном в паре, когда лишается раздражителей, лишается необходимости. Разумеется, эта формула срабатывает не всегда и не для всех. Даже более того, она срабатывает лишь в тех редких случаях, когда женщина способна все брешу мужских (совершенно ясно, что далеко не только эротических) желаний закрыть собой, своей сообразительностью и своей мудростью. Для окончательного подавления мятежей женщине придется думать: что уникальное она способна предложить своему партнеру, какую миссию может сформировать у него и на какое предназначение отважится сама? Не факт, что все совпадет...

Но Вера сумела. Арсенал воздействия Веры на мужа начинается с самого ее присутствия в его жизни. Только с ее появлением Владимир сумел сосредоточиться настолько, чтобы из-под его пера вышел роман. Ее ежедневного ободрения хватило, чтобы он произвел на свет шедевр (именно так она и твердила, запрещая Владимиру заниматься переводами, ибо он предназначен для шедевров). Приход в его жизнь Веры ознаменовал не просто стабильность, но отвлечение от импульсов, соблазняющих многих молодых людей и уводящих их от цели к сумбурному непостоянству. Низкие вибрации Набокова были ловко стянуты Верой в узду, взамен он получил весомый капитал, составленный из двойного интеллекта. Она со временем, осторожно и со всей тщательностью медсестры, перевязывающей глубокую рану, оградила мужа от людей, незаметно пресекла возможность его нахождения в кругу привлекательных соблазнительниц. А когда это было

невозможно, например во время преподавания мужа в университете, она выступала его сметливой и неразоблаченной ассистенткой. Она стала его неотъемлемой частью, как локомотив поезда. За это ее и прозвали «миссис Владимир Набоков». Она никогда не стояла на месте, никогда не останавливалась, но все, что она делала, касалось либо семьи, либо непосредственно Владимира. И самое главное: в этом она находила истинное удовольствие особого свойства, дающее усталость и удовлетворение одновременно, как от занятия йогой.

Борьба за *«Лолиту»* — отдельная история Веры, потому что поражение было возможно, и оно означало бы крушение всего Набокова, писательский коллапс. Все остальные написанные им книги могли лишь подтвердить и усилить его выразительный литературный талант, но ни *«Машенька»*, ни *«Защита Лужина»* не обеспечили бы бессмертия — того, к чему он стремился. Это превращение совершил двенадцатый роман, но годы спустя, в XXI веке, мало кто обращает внимание на такой заковыристый факт, как наличие значительной временной дистанции между окончанием романа и началом полосы беспримерной славы писателя. Согласно Стейси Шифф, роман был завершен в конце 1953 года, но несколько последующих лет были подобны для автора приближению цунами — такой исполинской волне депрессии, которая, обрушившись на него, могла бы поглотить навсегда. Цепная реакция отказов сопровождалась ужасными комментариями, а один издатель даже предостерегал писателя не посылать рукопись почтой, поскольку «распространять непристойности посредством почты считалось преступлением». Многие после ознакомления с рукописью заговорили о сумасшествии Набокова. Вера тоже была охвачена лихорадкой беспокойства, но, кажется, именно ее стойкость стала нерушимой опорой для Владимира. Она не изменила своего

мнения даже тогда, когда для мужа возникла реальная опасность утраты работы в университете. Без Веры Набоков наверняка отступился бы от желания опубликовать всеми отвергаемый роман, и тогда не было бы счастливых лет закрывшегося от всего мира гения, окутанного финансовым благополучием и беспредельной лаской толпы в своем беззаботном швейцарском Монтрё. *«Лолита»* была опубликована почти через два года после написания, но до триумфа было еще слишком далеко. И только в 1957 году, спустя три тревожных года, Набоковы могли выдохнуть неприятно сковывавшее напряжение: скандальный роман оказался в списке бестселлеров, а издатели ряда европейских стран наконец решились на его публикацию.

Итак, что приоткрывает нам Вера? Ее «работа женой» на самом деле была не из легких. Она умело, бескомпромиссно вела переговоры с издателем, а для этого следовало отменно знать множество юридических нюансов. Миссис Владимир Набоков пристально, с неослабевающим вниманием следила за соответствием переводов (с этим уж точно не справился бы никто) и даже выучила ради этого еще один иностранный язык. Она, кроме того, взяла на себя все заботы о доме, о переездах, о вождении автомобиля, наконец. Вера была более чуткой к миру и изменениям в нем, — именно она нашептала мужу, что нечего делать за границей писателю русскоязычному — следует переходить на английский. В результате первый роман на английском Владимир Набоков начал писать еще в эмигрантском Париже. Она со временем превратилась в вездесущую женщину-фею и женщину-дьявола одновременно и умела быть то тем, то другим — в зависимости от необходимости. Разумеется, как женщина она многое совершила для мифологизации их семейной жизни. Но вряд ли будет преувеличением сказать, что последние сорок из

пятидесяти двух лет совместной жизни были если не идиллией, то безоблачностью. Не стоит сомневаться — благодаря ей. Дважды на швабру Вера никогда не наступала; получив ожог однажды, она навечно окружила мужа невидимой, однако неприступной стеной. Владимир Набоков, начиная с американского периода жизни, не сделал, не посоветовавшись с Верой, ни единого шага. Специалисты по творчеству Набокова утверждают: образ «недоступного, недостижимого» писателя создала именно Вера, и этот пиар-ход вполне может быть вписан в качестве одной из действенных технологий продвижения создателя любой оригинальной идеи. Эта пара к какому-то моменту стала мыслить одинаковыми критериями и образами; гостившая у них шведская поэтесса впоследствии заметила, что была потрясена тем, как четко Набоковы понимают друг друга с полуслова, с мимолетного намека.

Когда через двенадцать лет после мужа Вера Набокова отошла в мир иной, «Нью-Йорк таймс» назвала ее многозначительно: «жена, муза, агент».

Конечно, не будет новизной и то, что Вера всегда стояла на страже интересов мужа. Это характерно для большинства верных и преданных жен, однако далеко не каждая, подобно Вере, умеет столь досконально знать предмет. В мире литературы она была подлинной акулой, зная и умея аргументировать любое заявление. А заявлений хватало. Например, когда ее спросили о лучших книгах русских писателей, еще не переведенных на английский, Вера в позе мушкетера отстаивала святое убеждение в том, что это самые достойные вещи Белого, Булгакова и Набокова. И при этом миссис Набокова возмущалась, если кто-то осмеливался назвать ее ярой защитницей мужа. Она умела бороться, пользуясь

самыми острыми клыками — основательными знаниями, последовательностью и нерушимостью своей позиции.

Она была абсолютно надежна и предсказуема для партнера. Могла написать за мужа лекцию и, кажется, если бы было необходимо, то написала бы и книгу. Она умела излучать тепло, сияние, распространяющееся вокруг в виде энергии. И загадочная, ангельская сила этой энергии предназначалась в первую очередь мужу. С ней Владимир Набоков просто не мог не победить. Когда через двенадцать лет после мужа Вера Набокова отошла в мир иной, «Нью-Йорк таймс» назвала ее многозначительно: «жена, муза, агент». Вера Набокова оставалась всегда только лишь женой и помощницей, хотя многие утверждали, что Вера могла бы сама стать недюжинной писательницей и даже составить Владимиру конкуренцию. Не стоит гадать об этом, — она сама избрала роль. И доказала, среди прочего, что такая судьба ничуть не менее почетна, чем у самостоятельных и почти всегда одиноких женщин, спорящих за успех с мужчинами.

Глава вторая. Необыкновенная сила: Союзы самодостаточных личностей

*Упоминаемые образы: Ариэль Дюрант, Мелани Саш,
Кристина Гроф, Натали Дрозен, Майя Плисецкая, Галина
Вишневская, Диана Акерман*

Вильям и Ариэль Деррант

Наталья Дрозд

Майя Плисецкая

Галина Вишневская

Диана Амерман

Ничто так не сближает людей, как общие интересы, увлечения, которые становятся весомой частью самой жизни, а порой и совместным делом всей жизни, высшей миссией. Но кто станет отрицать, что совместные интересы не появляются из ничего? Их предвестником становится глубина понимания какого-либо дела отдельной личностью. Иными словами, каждый из двоих должен демонстрировать зрелость задолго до

того, как однажды сформированный союз создаст двойную миссию. А значит, стать самодостаточной личностью^[1], весомой фигурой на шахматном поле жизни еще до того, как такой же зрелый мужчина обратит свой взор в сторону такой женщины. Это так и называется: *привлекать собственной глубиной*. Не стоит кивать на некоторые пары: мол, они обрели друг друга, когда еще ничего не было создано, ни один значимый поступок не совершен. Действительно, от мудрецов мы все давно знаем поучительную истину: человек оценивает сам себя по собственному потенциалу, по тому, что он способен сделать, окружающие же его оценивают по тому, что он уже сделал. Но эта мудрость становится несовершенной при оценке потенциала своей будущей половинки. Потому что на самом деле целостная, потенциально плодовитая личность формируется задолго до того момента, когда она начнет плодоносить. Опыт замечательных союзов свидетельствует: прозорливость будущих партнеров является не чем иным, как результатом отменного улавливания глубины встреченного человека. А это, в свою очередь, есть следствие собственной глубины. Все помнят древнюю поговорку: «Рыбак рыбака видит издалека». Так и тут: глубокое тянется ко глубокому, тонкие вибрации готовы соединиться с подобными себе; примитивное движется в объятия к поверхностному, низкие вибрации охотно соединяются с такими же. Секрет очень прост в понимании, хотя сложен в исполнении.

Грациозный союз-миссия супругов Дюрант также вырос из совместного увлечения, ставшего делом всей жизни. Будучи ученицей, Ариэль привлекла внимание своего преподавателя, состоявшегося мужчину, но еще далеко не короля (да мало ли в мире просто успешных преподавателей?). Интересно, почему пятнадцатилетней девушке, родившейся, кстати, в украинском

городе Хмельницком, удалось влюбить в себя зрелого учителя, и зачем она это сделала? Конечно, свежесть и очарование юности сыграли свою аттрактивную роль. Но также представляется, что ее физическая привлекательность не являлась первоосновой для такого целеустремленного искателя, как Вильям Дюрант. В избраннице он ощутил то, в чем нуждался: раннюю мудрость, увлеченность, готовность быть подругой, спутницей в делах значительных. Она же увидела в нем смесь нежного романтизма с непреклонной ответственностью. Он в своих книгах воспроизводил ее образ под именем Ариэль, взяв его из пьесы Шекспира. Они росли вместе, прожив двойную жизнь-путешествие и написав в ее течение одиннадцать томов *«Истории цивилизации»*. К седьмому тому женщина из помощницы превратилась в соавтора, и Пулитцеровскую премию авторы-супруги получали вместе. Идеи пары сплелись и срослись настолько, что отделить его идеи от ее подсказок не представляется возможным. Даже автобиографию они написали вместе — *«Двойную»* (это название). Эта уникальная пара не стремилась к богатству, но мир был у их ног, — изучая его, они жили в разных уголках планеты, наслаждались работой и друг другом. И даже умерли почти одновременно, с разницей в две недели. Разве могло что-либо инородное проникнуть сквозь поры закрытого для всего мира коккона семьи, живущей своим увлечением, увлеченной своей жизнью?

Похожая история и у другой литературной пары. Начнем ее с не лишнего любопытства и пряности признания поэтессы и писательницы Дианы Акерман о знакомстве и привлечении в свою жизнь будущего мужа, романиста Пола Уэста. Он читал лекции в магистратуре, где она была студенткой. «...Когда Пол дежурил у себя на кафедре, я храбро вступала с ним в беседы о жизни и литературе. Он даже благосклонно отозвался о моих стихах. В течение нескольких семестров я то и дело

сталкивалась с ним в кампусе и в городе. Во время нашего первого настоящего свидания у него дома мы пили и разговаривали до рассвета — и, в конце концов, я задержалась там на сорок лет». Весьма информативные строки, не правда ли?

Студенткой Диана продемонстрировала понравившемуся мужчине особенные качества своей личности, шарм все той же пресловутой самодостаточности, готовность развиваться, расти. Нашлись неиссякаемые темы для бесед — им вместе стало интересно. Они говорили на одном языке, соответствовали друг другу — это своеобразный пароль самодостаточности. Можно говорить о начавшемся энергетическом обмене, о взаимном обогащении, об одном уровне вибраций. Они прикоснулись к сознанию друг друга, ощутив приятное тепло и уют. Вот откуда проистекают решения. И тут уже абсолютно не важно, что «мы принадлежали к различным культурам, странам, поколениям». А в «своих мечтах мы уносились в абсолютно разные вселенные». Они были принцессой и принцем, ибо излучали желание двигаться к достижениям. И они не разочаровались друг в друге, несмотря на сугубо человеческие недостатки каждого. Как женщина сумела усилить блеск короны своего партнера? Довольно любопытным образом. В какой-то момент, спустя четыре десятилетия счастливого и вполне размеренного творчества, случилась трагедия — инсульт уже престарелого мужа (ему было около восьмидесяти лет). Отважная муза и подруга совершила исключительные поступки, — на такое способны лишь принцессы и королевы. Она выходила мужа, вернула его из неменяемого состояния да еще и написала об этом книгу. «Сто имен любви» стали не просто бестселлером, но настоящим даром, предназначенным многим женам, коим выпали нелегкие испытания. А еще монументальным изображением избранника, себя, совместной жизни, любви.

Потому отношения этой пары, запрессованные в страницы, действительно обладают чудодейственной силой. О них, об их борьбе и победе над болезнью узнали тысячи людей, которые понятия не имели ни о романах Уэста, ни о стихах Акерман. Это, несомненно, оригинальный ход, и сам Дейл Карнеги, советовавший делать лимонад из подброшенного жизнью лимона, был бы в восторге от находчивости женщины.

Назидательным примером для ищущих свою модель отношений можно назвать союз Роберта и Мелани Саш — пары, которая из совместного изучения аюрведических знаний выросла до уровня пропагандистов планетарного масштаба, авторов книг и систем адаптации восточного учения к условиям западной культуры. Путь от общего интереса до крупной идеи — научить делать аюрведу образом жизни — составил три десятилетия. Сначала возникло желание разобраться с правильным питанием, — супруги стали приверженцами микробиотики. Они смело, без оглядки на мнения окружающих делали такое в организации здорового питания, что в конце 70-х годов XX века коробило снобов и просто консервативных наблюдателей. Многие считали их сумасшедшими или чудаками, но безоговорочная поддержка друг друга помогала им отстаивать свою точку зрения. Легкие на подъем, они часто меняли место жительства, а ради обучения, приобщения к древним практикам без труда преодолевали расстояния между континентами. Главное — все делать вместе, и даже рождение трех дочерей и смерть одной из них не только не разобщили этот союз, но, напротив, сплотили его. Эти мужчина и женщина казались склеенными подобно тому, как две пластинки намертво схватываются под воздействием эпоксидного клея. Любовь и непрестанная поддержка мужа позволила Мелани, переживающей потерю дочери, преодолеть даже такую страшную болезнь, как рак. Более того, как это бывает с людьми

пытливыми и активно действующими, из потерь супруги вынесли свои уроки.

«Питание, упражнения и медитация могут изменить качество жизни, но не всегда могут повлиять на ее окончание», — этот важный вывод подвел черту этапу «юношеского энтузиазма и восторженности по отношению к новым знаниям». Наступило время зрелой переоценки пройденного, что вплотную приблизило пару к созданию своей системы. Они еще немало времени потратили на учебу, прежде чем стали проповедовать искусство омолаживания. Вместе супруги организовали немало соответствующих центров по всему миру. Когда накопленный опыт Мелани и Роберта улегся в книгу *«Аюрведические секреты красоты»*, было фактически положено начало их новой, двойной миссии. Мелани стали приглашать преподавать в специализированных аюрведических центрах, а Роберт, по ее словам, стал «ключевой персоной» их собственной аюрведической компании. Таким образом, совместное путешествие по жизни оказалось увлекательным, наполненным смыслом, любовью и радостью. Счастливая пара переехала в Калифорнию, а их сын, рожденный через восемь лет после смерти дочери, стал «первым аюрведическим ребенком в Америке».

Нам кажется, что такой опыт может воодушевлять многих на реализацию самых дерзостных замыслов. А что касается распределения ролей, то, действуя вместе, мужчина и женщина как бы находились каждый на своем отдельном участке. Они выступали союзниками, но очень тесно связанными направлениями деятельности. Они осознанно делали так, чтобы направления эти дополняли друг друга, однако ни одно из них не было выше другого.

Еще одна пара превосходных союзников — это Станислав и Кристина Гроф, люди, вне всякого сомнения, духовные и

ищущие. Станислава считают одним из основателей трансперсональной психологии, вместе с женой он разработал так называемое холотропное дыхание, которое слывет уникальным методом самопознания и развития личности. Кристина выступила соавтором ряда книг, вместе они подошли к идее некоего мостика к исцелению души, назвав его «психологией будущего». Мило и несколько сентиментально они посвящали друг другу книги, хотя их жизнь протекала не без осечек и промахов. Но, помимо общей идеи — этого величайшего стимула активной, осмысленной жизни, — они продемонстрировали замечательный уровень поддержки друг друга и стойкости. Кристина — доктор философии, крупный специалист по трансперсональной психологии. А еще — жена и мать. Ее можно сравнить с ценной рамкой оригинальной картины с именем ее мужа. Есть уверенность, что Станислав Гроф не воспринимался бы столь однозначным новатором, не будь рядом с ним такой подруги. А ведь в свое время она пережила развод и алкогольную зависимость, но все потрясения были преодолены не в последнюю очередь благодаря «ласковому поощрению и неистощимому терпению» партнера. Ему она написала патетическое посвящение в предисловии к одной из главных своих книг — *«Жажда целостности»*.

Жизненный силуэт Натали Дроэн — еще один пестрый и неординарный образ самостоятельной, самодостаточной личности. Личности, не пренебрегающей традицией, избирающей такую форму самореализации, где семья не выносится за скобки. Эту женщину заслуженно считают очень прогрессивной, и она действительно, как минимум, на полвека обогнала свое время. Ее независимость не противопоставляется мужской, скорее она дополняет ее, оттого и подкупает и мужчин, и женщин.

Натали построила свою замечательную систему на идее священности тела. Это один из истинных инструментариев женского лидерства, атрибут власти и влияния пола. А еще то, о чем молоденькие красотки не задумываются, а дряхлеющие матроны льют горькие слезы. До преклонного возраста Натали с мужем сохранили взаимный интерес. «Если человек перестает быть внимательным к себе, ничего не знает о внутреннем содержании своего тела, о целительной силе дыхания, тогда старение в конце концов берет его в плен — как изнутри, так и снаружи. Старение — нормальное явление для всего живого, но оно не должно приводить к скрюченности и некрасивости. Женщина не должна стареть и истощаться, не управляя собой, без защиты здоровья физического и духовного. Иначе с годами повседневность совсем прижмет ее к земле, и старение уничтожит ее окончательно. Женщина может постоянно возрождаться! И после 40 лет, и после 50, как и в мои 86 лет — может быть новый виток и расцвет!»

В этих словах — козырный туз самодостаточности самой Натали Дроэн, которая в 65 лет разработала и оформила так называемую *«Сакральную архитектуру тела»*. В 88 лет она чувствует себя превосходно, наслаждается жизнью, как и в молодости, живет на высоких скоростях. Натали Дроэн — живой образец для женщин. Она неправдоподобно стройна, элегантна и феноменально легка в движениях. С любимым мужчиной сохранены завидно ровные отношения, полнота уважения и взаимопонимания. О Натали точно выразилась одна из сподвижниц: «Она искренне верит, что истинная женщина может передать своим достоинством и честью всю ту силу Веры, которая подвигает мужчин и вдохновляет их». Это вовсе не пустые слова, потому что самодостаточная женщина не должна и не может жить вне контекста. Мужчина — ее первый и основной контекст; окружение и социальные связи — всегда на

втором плане. У Натали семеро детей и почти два десятка внуков. Сделала ли она из мужа короля? Трудно сказать. Серого кардинала — наверняка. Но главное — он счастлив с партнершей, он ею гордится. А она живет в умиротворении и глубокой эмоциональной привязанности. «Ни религия, ни наука, ни медицина не могли объяснить мне конкретно, что происходит в этом чуде, в этом храме — человеческом теле, — говорит Натали. — Из этого выросло понимание, что нынешний век требует нового знания, новой науки, рассматривающей человека в совокупности его физических и духовных проявлений. Я называю это знание метафизиологией».

«Старение — нормальное явление для всего живого, но оно не должно приводить к скрюченности и некрасивости. Женщина не должна стареть и истощаться, не управляя собой, без защиты здоровья физического и духовного. Женщина может постоянно возрождаться! И после 40 лет, и после 50, как и в мои 86 лет — может быть новый виток и расцвет!» Так считает Натали Дрозн.

Знаменитый, обласканный многочисленными публикациями и почти канонизированный союз — Майя Плисецкая и Родион Щедрин. Нет смысла набрасывать общие контуры отношений — они известны всякому, кто хоть раз проявлял интерес к танцам, балету, красоте женщины, способности людей создавать и оберегать счастье в союзе Ян и Инь. Их имена подчеркивают значимость друг друга, они, несомненно, настоящие монархи любви. Их секреты и сложны и просты: поклонение древним семейным традициям, исповедование человеческих ценностей и все та же патентованная (и, может быть, приевшаяся некоторым) самодостаточность. Вначале была жажда стать и быть Кем-то в этой жизни. Потом была любовь и понимание

необходимости содействовать друг другу — такие партнеры всегда заговорщики. Но обратимся лучше к деталям.

Попробуем бегло проанализировать слова немецкого писателя Норберта Кухинке, автора скандальной книги *«Элита в России»*: «Как-то Щедрин мне сказал: «Посмотри, Норберт, Майя сегодня впервые мясо пожарила. Мы оба разочарованы. Готовить она не любит и, кроме чая, ничего не может сделать. Сама ест как птичка: при росте сто шестьдесят пять сантиметров уже двадцать лет весит пятьдесят один килограмм». Тут речь идет о чем-то несомненно большем — о выборе системы ценностных ориентиров, о создании внутренней, для отдельно взятой пары, системы координат (или набора правил). Здесь Майя Плисецкая проявляет свободу и мудрость. Понимая, что она не может гармонично развиваться сразу в нескольких плоскостях, она принимает четкое решение: не включаться в бытовые процессы, не становиться матерью. Однако намеревается компенсировать это крайне жестким подходом к своему образу, что предусматривает ужасающий любого смертного ежедневный труд. Она, похоже, рассуждает приблизительно так: если мой мужчина меня любит, значит, он должен принять меня такой, как я есть. Что ж, ей такой подход удался: 2012 год ознаменовал прохождение парой 54-летнего совместного пути.

Однако немецкий писатель оставил еще одну, как кажется, крайне важную для понимания арсенала лидерства ремарку: «В доме Плисецкой — Щедрина было не принято устраивать праздники. Они жили сдержанно и аскетично. Хотя супруги одно время курили, гостям этого не разрешали. «Даже Богу я не позволила бы курить в квартире», — заявляла Майя. В доме, кроме цветов, которые балерина обожает, висели работы Марка Шагала. «Мы дружим. Каждый раз, когда я приезжаю к Шагалу во Францию, он дарит мне картину», — объясняла Майя». О чем

тут идет речь? Во-первых, защита энергетики семьи, которую довольно решительно взяла на себя женщина. Во-вторых, избирательность окружения, которое, среди прочего, должно (в ее восприятии и интерпретациях) играть роль блестящего обрамления. Наконец, чистота экологии. Цветы, отказ от токсинов, благотворное воздействие полотен — все это так или иначе действует. А также не лишенная интриги игра: «Мы дружим с Шагалом». Интуитивно Майя знает: могучий, уже принятый историей имидж прекрасно выполнит задачу усиления другого, растущего имиджа.

Все, что человек предпринимает, воздействует либо со знаком плюс, либо со знаком минус. У Майи Плисецкой находим достаточное количество плюсов, хотя никто, разумеется, не идеален. Образ великой балерины является превосходной иллюстрацией действия закона «За все нужно платить!» Но у закона есть и вторая часть: «И вам за все воздастся!» Высокий профессионализм, достигнутая годами напряженного труда самодостаточность позволяют и вести себя в социуме по-иному, то есть навязывая свои правила и стандарты, выдвигая свои требования. «Ежемесячно Плисецкая получала 550 рублей. Средняя ставка простого советского гражданина была 120 «целковых». Рядовым солистам театра платили 220 — 350 руб. При этом на сцену они выходили чаще, чем примы. Балеруны с окладом 140 руб. выступали 18 раз в месяц. 200-рублевые имели по 10 выходов. Примадонны, как Плисецкая и Максимова, являлись публике от трех до шести раз». В этой нехитрой арифметике заключены все чудеса упомянутого закона: Вселенная, как правило, отвечает на труд золотом — славой, вниманием, признанием и иногда... деньгами. Однако нельзя не отметить и умение правильно относиться к материальным ценностям. В ответ на замечание о том, что муж никогда не дарил ей бриллианты, Майя Плисецкая

с гордостью и каким-то даже превосходством ответила: «Зачем? У меня их нет — и не надо. Однажды я сказала Славе Ростроповичу, что Родион подарил мне «Даму с собачкой». Он говорит: статуэтку? Я говорю: нет, балет!» Тут вообще комментариев не нужен!

Кстати, упоминание о Ростроповиче вовсе не случайно. В связи с его замечательной половинкой — Галиной Вишневской. О том, что знаменитая оперная дива произвела мужа-музыканта в короли (даже козырные), в разных книгах написано много и подробно. Эта решительная женщина фактически спасла мужа, инициировав выезд из СССР, когда развиваться и реализовываться в стране было вовсе невозможно. Но хотелось бы акцентировать внимание на другом — на способности самодостаточной личности преодолевать негативное притяжение родительских моделей. Не секрет, что темный шлейф поведенческих реакций матерей может бесконечно долго тянуться за дочерьми. Но рост личности, развитие сознания, оказывается, может радикально изменить ситуацию, поскольку человек в таком случае начинает все больше обращаться к себе, исследовать суть своих неверных решений и, как иногда сейчас говорят, кармических ошибок. Опыт Галины Вишневской служит прекрасным свидетельством таких преобразований. Первый неудачный брак Галины завершился через несколько месяцев, второй условно успешный брак дал ей спокойствие, но лишил возможности развиваться на профессиональном поприще. И именно четкое понимание необходимости двигаться дальше, самовыражаться как певица вынудило ее крепко задуматься о будущем. И в том числе поискать причины неудачного выбора, сопоставить их с результатами жизни матери. Решение было однозначным, и, самое главное, оно было рождено разумом, а не эмоциями. Решение как переосмысление жизненной траектории дало

певице новый взлет, а с ним — новую встречу достойного, понимающего, такого же самодостаточного партнера. Так что негативная родительская модель — вовсе не проклятие, а просто навязанная форма построения отношений. Ее можно изменить — при наличии знаний, желания и воли. Образы победивших фамильные стереотипы могут не только вдохновить, но и указать принципы такого скачка. А порой — даже и способы.

В этой главе слишком мало слов об интимной жизни пар, о сексуальной привлекательности. Но это только кажется. На самом деле как в момент привлечения партнера, так и на следующих этапах жизни наши героини относились к своему телу столь же бережно, как и к духовно-личностному росту. Более того, большинство из них осознанно рассматривали тело как неотъемлемую часть собственного «Я», состоящего из духа, души и материализованной оболочки. Такие женщины, как Майя Плисецкая, Натали Дроэн, Ариэль Дюрант, Мелани Саш, сохранили потрясающую женственность, неповторимое обаяние и в зрелые годы — в них жило такое намерение, они занимались собой. Женское очарование исходило в них от ментальной силы: деятельный разум, избравший верное направление приложения энергии, придает красоту телу, ибо напрямую связан с ним.

Но все-таки физическая привлекательность — не главное для таких женщин. Дело в том, что самодостаточная личность сама по себе представляет ценность, которую не замечает лишь поверхностный человек с мещанскими устремлениями. Потому-то своей цельностью и богатством внутреннего мира такая женщина становится желанной однажды и на всю жизнь. И важно добавить: в самодостаточности такой женщины нет эгоизма. Конечно, она осознает, что ее жизненный проект принадлежит только ей одной. Но семья и избранник являются частью ее жизненного проекта в силу осознания принципов

гармонии, оттого она готова искренне служить и делу своего мужчины. Речь не в том, что женщина «разрывается» между собой и мужчиной; напротив, ее растущий потенциал усиливает мужчину, делает его достижения звучнее и весомее на социальных весах. В своих высших проявлениях самодостаточная женщина способна формировать стандарт. Само по себе стремление к самовыражению и реализации проистекает, говоря словами уже знакомой нам Кристины Гроф, «из ощущения своей принадлежности к чему-то большему». Если женщина начнет жить с мыслью, что она — часть Вселенной, причем ее, может быть, самая драгоценная часть, идея собственного самовыражения откроется ей непременно. И с нею так же обязательно откроется выбор достойнейших из мужчин, ибо яркие звезды на небосклоне не заметить невозможно. Именно о таких лучезарных женщинах и рассказано выше — их образы могут служить отличными ориентирами. Кстати, еще один, как кажется, немаловажный штрих: деятельность каждой из них (для достижения самодостаточности) является сугубо женской, не посягающей на поле мужских баталий и их острой, подчас немилосердной и губительной для женщин, конкуренции.

Самодостаточная личность сама по себе представляет ценность, которую не замечает лишь поверхностный человек с мещанскими устремлениями. Потому-то своей цельностью и богатством внутреннего мира такая женщина становится желанной однажды и на всю жизнь.

Глава третья. Женщины, ваяющие гениев: Способность сформировать миссию

*Упоминаемые образы: Елена Рерих, Тала (Елена Дьяконова),
Лу Андреас-Саломэ*

Сальвадор Дали и Гала

Елена Рерих

Лу Андреас-Саломэ

Есть на свете редчайшая категория женщин — скульпторы гениев. Беспокойные и честолюбивые, на меньшее они не

согласны. В их природе порой можно с изумлением отыскать неподвластный пониманию симбиоз жрицы и богини. Жрицы, служащей идее мужчины, и богини, почти властно указующей путь. Их вулканическая, подчиненная космическим законам природа вынуждает их служить избранным мужчинам, но вовсе не так, как это делают жертвенные женщины. Их служение почти всегда призвано окружить их самих ореолом неземного сияния — в виде неповторимого отблеска от «вылепленных» ими мужчин. Чаще — божественного, но порой — лукавого, пронизанного иронией ко всему миру, коварного, самодовольного блеска. Они сами — титаны, но предпочитают величием и знаком породы наделить тех, кого избирают быть с ними рядом. *Именно они избирают!* Будто говорят: «Этому камню быть гениальным». Берут инструмент и с упорством термита вытесывают уникальную форму, возвышающуюся фигуру очередного титана в человеческом облике. Разумеется, в большей степени они создают иллюзии, виртуозно оперируя образами. Но коль скоро эти образы внедряются в массовое сознание, для большинства людей не представляется возможным отделить магию искусной игры от реальности. А нам и не нужно: ведь предмет нашей заинтересованности — в механизмах, технологиях, не отделенных от индивидуальной природы самих мастериц.

Конечно, все эти женщины разные. Одни желают оставаться неприметными, перенося энергетический центр на дело мужчин. Другие тихо, но настойчиво подчеркивают свою роль. В любом случае они знают, чего хотят, и действуют, пока не достигают цели или пока не уходят сами. Любопытный штрих к общему портрету: они не воспевают своих мужчин, не поклоняются им, не уступают им в развитии — они просто шаг за шагом исполняют задуманное. Исполняют по-разному.

Жрицы семьи плетут свою замысловатую паутину от имени союза, они создают великие миссии для избранных мужчин, и только наметанный глаз всегда будет видеть их могущественное женское. Лучшие из них успевают, словно попутно, создать и свое послание, успевая перейти на возрастной уровень мудрости. Как Елена Рерих, слывшая в юности увлекающейся красоткой, барышней, жаждущей, подобно многим другим, восхищения и поклонения на светских приемах. Но переход к духовному развитию позволил ей не только сформировать миссию для спутника (именно Елена всегда была в семье генератором новых сильных посылок, которые преобразовывались в идеи), но и с точностью провидца провозгласить приход новой эпохи *великого женского*. С 44 до 58 лет Елена Рерих писала «Агни-йогу», в которой немало предсказано о трансформации сознания будущего, — то, что можно реально наблюдать в начале XXI века. Николай и Елена Рерихи создали из своего семейного союза феноменальный энергетический центр, служащий маяком очень многим. Каждый из двоих достиг разного просветления, каждый дал миру уникальную духовно-интеллектуальную продукцию. А вместе они утверждали знаковое уравнение союза мужчины и женщины в миссии.

Начать стоит с того, как девушкой Елена, дочь архитектора Ивана Шапошникова, сумела заинтересовать такого перспективного молодого человека, как Николай Рерих. Мало ли девушек из аристократических семей, вращавшиеся в так называемом высшем свете, проваливали свой жизненный проект? Гораздо важнее всех навыков, умения танцевать, блистать знанием литературы и языков оказалась выработанная с детства внутренняя сила. Она выражалась в таланте поощрять мужчину и непрерывно действовать, развиваясь вместе с ним. Эту феерическую энергию не могли не чувствовать окружающие

Елену молодые люди, ведь богатый мир души, если только он существует, прозорливому взгляду виден тотчас. В значительной степени Елена сама себя воспитывала, безбоязненно впитывая все те изменения, которые происходили в женском сознании к началу XX века. Именно своей решимостью, готовностью пройти с избранником путь любой сложности она и привлекла Николая, на тот момент имевшего ясное представление о направлении жизненного вектора. Они почувствовали друг друга. Но гораздо важнее — трансформации в ходе пути. Елена стала не просто генеральным советником, но специалистом по выработке наиболее привлекательных для современников идей. Все самые сильные идеи Николая Рериха — это головоломки, сконструированные Еленой. Делая короля из податливого материала, или, правильнее сказать, содействуя принцу в том, чтобы стать королем, Елена не осталась в тени своего мужа. Кстати, нередко в современном мире мужчины со слабо развитой ответственностью за прекрасные идеи жены «благодарят» уходом к более молодым женщинам. Елена же оставила уникальный рецепт постоянного внимания избранника, причем далеко не только созданием закрытого семейного пространства (организовав замкнутую жизнь на спине высочайшего хребта Каракорум, на высоте около 4000 метров).

Естественно, не каждой женщине по силам и по душе такой путь, и пример Елены Рерих, пусть и очень яркий, выразительный пример, — лишь один из редких выборов женщины. Скажем, превращая жизнь в непрерывную духовную практику, Елена согласилась жить в домике без удобств, предпочитая общение с природой взаимодействию с людьми. И это позволило ей прочувствовать, что на высоте более 11 тысяч футов начинаются области действия тонких энергий. Инструментарий ее воздействия на массовое сознание схож с

мужским. Создание и распространение знаменательных символов (от использования мистических знаков до основания музея), создание групп учеников, приверженцев, обществ поддержки, неуклонное распространение идей в виде продукции на различных носителях (книгах, полотнах, статьях), формирование специальных информационных посылок, как-то: заявлений-воззваний к мировому сообществу или обращений к лидеру государства. Эти и другие технологии более детально описаны нами в предыдущих книгах, фокус же этой направлен на несколько иной аспект — формы и результаты влияния женщины на мужчину.

Хотя первый сигнал девушки — ее привлекательность, Николай Рерих, ищущий подругу жизни, с первых мгновений был потрясен зрелостью суждений, ранней мудростью и широтой мышления Елены Шапошниковой. Несомненно, в значительной степени это было результатом воспитания, окружения, участия в серьезных беседах весомых мужей того времени. Воспитание девочки в кругу социально авторитетных и духовно развитых мужчин с известной нацеленностью на традиционные ценности (предполагающие подчеркивание в девочке ее женственности и исполнение ею определенной роли) порождает тип сильных, уверенных в себе женщин. Но далее — ее собственная «работа». Участие в предприятиях мужа в роли полноценной помощницы, небывалое терпение в экспедициях, трансформация сознания и духовный рост, старательность в постижении того, с чем случалось сталкиваться. Если обозначить это одним емким словом, лучше всего подойдет *соответствие* мужу. И в том числе соответствие его ожиданиям, то есть надежность в движении по жизни. А если к этому добавить, что обостренное, сугубо материнское чувство безопасности вынуждало Елену быть особенно чуткой к обстановке, станет понятно, как Рерихи оказались на

внушительном удалении от советской власти и отчего им удавалось демонстрировать гибкость в отношениях с нею. Создается впечатление, что Елена была на шаг или полшага впереди мужа, и это позволяло ей видеть грядущие события. Возможно, она обладала специфическим талантом медиума, подобно Елене Блаватской. А может быть, ей открывался духовный простор от непрерывных размышлений. Так или иначе, свой отточенный талант она направила на развитие семьи — начиная от способности быть равноценной собеседницей мужу и указывать ему на определенные возможности до воспитания потомства. И то, что Святослав Рерих в конце концов достиг даже большего успеха, чем отец, безусловно, в большей степени заслуга Елены. Не стоит сомневаться, ее духовное влияние на мужа было почти безоговорочным. Хотя она лишь подсказывала возможные решения или идеи — глашатаем выступал мужчина. Это — немаловажный элемент здорового взаимодействия мужчины и женщины, отвечающий, кстати, тысячелетия назад сформулированному ведическому принципу: женщина — энергия, а мужчина — единица, к которой эта энергия прилагается. Просто Рерихи — своеобразный эталон соответствия распределения ролей и взаимообмена между «единицей» и «энергией», оттого их жизнь вызывает неподдельный интерес многие десятилетия спустя после окончания их двойной миссии.

Похожими по типу, но, может быть, менее заинтересованными создать и зафиксировать собственные символы были другие известные женщины: Ирина (Ингигерд), жена киевского князя Ярослава Мудрого; Раиса Горбачева (Титаренко), жена первого президента СССР; Элеонора Рузвельт, супруга 32-го американского президента Франклина Рузвельта.

Все они в большей или меньшей степени создавали или «шлифовали» образы своих мужчин.

О русской женщине, которая вошла в историю с именем Гала, написано, кажется, больше, чем о какой-либо иной. О Елене Дьяконовой Сальвадор Дали, возвращенный в теплице гений, уже в преклонном возрасте заявил следующее: «Без Г алы Дали был бы таким же гением, но жил бы в свинарнике, завшивевший и покрытый коростой грязи... Она заставила меня выйти навстречу моему триумфу». В принципе, это секрет всех женщин, создававших гениев. Заключается он в лозунге, который знает каждая: *посеять в голове у своего мужчины небывалую, непреходящую, неземную уверенность*. И только! Все это знают, но не многим хватает желания и усердия возделывать это поле. Елена Дьяконова развила в себе такое желание. Не умея писать полотна или стихи, она произвела саму себя в объект поклонения. Превосходная идея для обладательницы только одного таланта — ваять выдающихся личностей.

Как она это делала? Начать следует с того, что она не была красивой даже в молодости и отлично знала это. Мать преподавала ей неплохой урок выживания: когда семья осталась без отца, женщина без колебаний переехала из провинциальной Казани в манящую перспективами Москву — к богатому адвокату, бывшему товарищу умершего мужа. Пожалуй, в тех событиях следует искать сердцевину миропонимания Елены, включая невоздержанную, мятежную сексуальность. С одной стороны, росло ее понимание вторично-сти, второсортности своего пола, с чем девушка никак не желала мириться. С другой, наблюдая за матерью — симпатичной, вполне обаятельной, привлекающей мужчин, — она никак не могла взять в толк, почему та привыкла довольствоваться малым при наличии столь широкого горизонта. И в связи с этим у нее зародился

рецепт: если женщина не может пользоваться всеми благами мира самостоятельно, то она должна делать это посредством мужчин. Но далее — самый главный ингредиент в так называемом эликсире счастья. Нет смысла хвататься за уже преуспевших мужчин, потому что в их глазах ее ценность не будет высокой. Нужно брать в качестве материала слабых, неуверенных, подверженных внушению представителей так называемого сильного пола и усиливать их психологическую конструкцию — заговорами, мантрами, манипуляциями, сексуальной аффектацией. Одним словом, стать для них священной матерью — и падшей, развратной кокеткой одновременно. Вот тогда можно сиять звездой — на полотнах ли, в стихах ли, или как-нибудь иначе. И, разумеется, пользоваться материальными благами. В общем, делать все, что пожелаешь, потому что мужчины никогда не забывают тех, кто даровал им уверенность.

Елена Дьяконова просто досконально разобралась в мужской психологии, заметят некоторые взыскательные читатели. Но такая оценка была бы слишком простой, тогда как мышление девушки при всей поверхностности ее устремлений становилось на редкость практичным, уложенным в строгие схемы манипулирования окружающими. Вообще, персональная формула успеха органично вписывалась в ее жизнь, как это часто бывает у людей, столкнувшихся с витальным вызовом. Способность выжить порождает мысль о своей исключительности, создает идею высшего предназначения и высекает запредельные желания, намерение прикоснуться к вечности. Она ничего не умела создавать сама. Ну и что ж?! Она сумеет компенсировать это способностью вычислять подающих надежды мужчин и говорить с ними на их языке — посредством мистических символов. Это как высокоточный станок, запрограммированный на ряд действий, отточенных до

микрона. Производство солдат в генералы — часть ее запутанной каббалистики. Когда мысли и слова такой собеседницы пронизаны столь героической идеологией по отношению к встретившемуся мужчине, он немедленно подпадает под действие таких чар. Ведь он подсознательно ждет признания, а тут добрая фея берется положить под его ноги весь мир.

Семнадцатилетней девушка заболела чахоткой и по этой причине оказалась на швейцарском курорте. Там ей попался под руку некий молодой стихотворец Эжен-Поль Грандель, впечатлительный, слащавый, хлипкий, сентиментальный, в меру даровитый и с засевшей в сердце занозой — неперенным условием добротного поэта. И Леночка, как звали ее подруги по гимназии, решила испробовать на нем свои силы, отточить магию. Возможно, это была влюбленность, не будем гадать. Но весь жизненный путь, чем-то напоминающий поход крестоносцев, Елена Дьяконова прошла со щитом цинизма, потому не стоит строить особенных иллюзий в отношении ее чувств. И это тоже понятно — сама она имела слишком тусклые перспективы. А ей необходимо было прикосновение к славе, ее манил мировой масштаб сияния.

Любопытно отличие «технологии» Елены Дьяконовой от более стандартной стратегии побеждать, скажем, Коко Шанель.

Последняя искала сильных, могущественных мужчин с креативным мышлением, чтобы напитаться их идеями, но все делать самостоятельно, оставаясь одинокой и недоверчивой к мужчинам. Наша же колдунья опиралась на мужские слабости и комплексы, шагая по ним, как по ступенькам. Будто бы оставаясь в тени, но воздействуя глобально, пользуясь правами истовой королевы — обязательно с королем. При определенной несуразности ее установка не может не поражать: «Я никогда не буду просто домохозяйкой. Я буду много читать, очень много. Я

буду делать все, что захочу, но при этом сохранять привлекательность женщины, которая себя не перетруждает».

«Я никогда не буду просто домохозяйкой. Я буду много читать, очень много. Я буду делать все, что захочу, но при этом сохранять привлекательность женщины, которая себя не перетруждает». Это секрет Елены Дьяконовой, которая вошла в историю под именем Гала.

Поэт Поль Элюар появился на ее горизонте в тот самый момент, когда девушка, представившаяся ему как Гала, сама поверила в такое чудо. Не стоит описывать приобретение Еленой статуса жены, переезд в предместье французской столицы, рождение ребенка — все эти детали можно легко отыскать в любом биографическом очерке. Важно другое: как только перед Еленой стали маячить перспективы прилежной домохозяйки, революционная натура славянки тут же восстала.

В ходе поиска, который — в этом не стоит сомневаться, достаточно лишь изучить «послужной список» контактов Елены Дьяконовой — длился несколько лет, женщина отыскивала новый объект. С прежним было все ясно — потолок был достигнут, но ее ненасытная натура жаждала большего — немеркнувшей славы, которую Поль Элюар и его богемное окружение дать не могли. Нужна была свежая личность, столь же уникальная, как и она сама. Таким оказался женоподобный любитель белых брюк и украшений, как будто способный на выходку, но слишком скованный, забитый и неуверенный, подверженный панической фобии перед общением с женщинами. Сальвадору Дали нужен был освободитель от оков, и Гала это сразу осознала. Кроме того, 25-летний Дали был молод и неопытен, а в этом присутствовал привкус желанного для пресыщенной 36-летней женщины. В «противном, невыносимом типе», каким показался

ей бедный художник, Елена разглядела за нескладностью и страдальческими порывами исполинский потенциал. И она решила стать ему наставницей, матерью, музой, женой, чтобы заставить его поверить в собственное божественное предназначение. Впрочем, решительность — одно из ключевых качеств этой невоздержанной русской. Сначала в 17 лет она уверенно околдовывает перспективного парня из состоятельной семьи. В 21 год она сама уезжает в Европу, чтобы женить на себе Поля Элюара, беззастенчиво поселяется в его доме как невеста. И в 36 лет решается оставить успешного, богатого, знаменитого и любящего ее мужчину. Что ж, ее чары действовали тем сильнее, чем увереннее она делала крутые жизненные повороты. «Я слепо верил всему, что она предсказывала мне», — признавался через годы покоренный, поставленный под каблук жены Сальвадор Дали. В самом деле, только такая отрешенная, страдающая гигантоманией женщина, как Гала, могла преобразовать сумасбродство и инфантильность художника в доходную конструкцию из бизнеса, поклонения и насмешливого созерцания стереотипного мира современников.

Триумфальная магия Елены Дьяконовой — это мышление, изначально направленное на массы, на создание за счет эпатажа и идеи превосходства колоссальных вихрей для манипуляции всеми теми, кто жаждет необычного. То есть почти всем человечеством, потому что мудрецов на планете все еще ограниченное количество. И Гала научила самого Дали манипулировать сознанием масс, создавать мифы и легенды из своих слабостей и обусловленности мышления. «Я по-настоящему научился владеть кистью только благодаря страху прикоснуться к лицу Гала», — говорил он сам, подтверждая, что женщина освободила его от главного комплекса — страха и неуверенности в том, что он создает нечто стоящее. «Гала возится с Дали, как с ребенком, читает ему на ночь, заставляет

пить какие-то таблетки, разбирает с ним его ночные кошмары и с бесконечным терпением рассеивает его мнительность», — это колоритное воспоминание принадлежит Лидии, сестре великой вдохновительницы сумасбродного живописца. Оно свидетельствует, что материнство, опекуновство женщины для больного принца является неотъемлемым элементом его чудесного перерождения в короля.

В нашей книге *«Как стать успешной в современном мире»* тактическим приемам Елены Дьяконовой уделено немало внимания. Тут ограничимся упоминанием, что эта, на первый взгляд, взбалмошная женщина не лишена была холодного расчета и трезвой рассудительности. Свою систему она тщательно разрабатывала, и ее отношения с авторитетными критиками из уважаемых журналов, подкуп журналистов, организация группы поддержки творчества Дали, создание сувенирной индустрии «от Дали» — все это звенья одной четко выстроенной цепи. Она была последовательной и дисциплинированной в этом союзе; Дали превратился в послушного исполнителя. От организации выставок до контактов с людьми — всем этим в течение 53 лет руководил строгий «ангел равновесия». Восторженный и мазохично-кроткий Дали всякий раз повиновался волевым призывам жены создавать шедевры. «Она велит мне: «Встань и иди, ты ничего не успел!». И я встаю, иду и творю гениальное...»

Конечно, не стоит идеализировать кого бы то ни было, и тем более Елену Дьяконову. Она всего лишь с успехом решила свою задачу — обольстить неопытного, нерадивого и робкого мужчину, деятельность которого она перевела в стабильный бизнес. Обладательница чудесной силы убеждать, она вывела доселе не известного художника в короли живописи. Но сама она ничуть не развилась как личность. Напротив, жадность, ненасытность, недоброжелательность со временем выползли

наружу и стали ее непременными спутниками. Да, Гала с этим мужчиной добилась всего, чего желала: она стала не просто моделью, но единственной женской моделью очарованного живописца (лишь один портрет посвящен Аманде Лир), его фетишем, иконой и финансовым распорядителем. Она увековечена, живя так, как желает, — раскованно, непринужденно и свободно. Она навела порчу и на неискушенного в отношениях с людьми Дали, развив в нем алчность и самомнение, истребив задатки человечности и великодушия. Но это уже детали.

Есть еще один нюанс в столь размашистой деятельности Елены Дьяконовой, который невозможно обойти стороной, — ее необузданная сексуальность. Еще во времена взращивания «великого поэта» из Поля Элюара экстраординарная Гала заметила, что секс может занимать солидное место среди приемов эпатажа. Даже не сам секс, но та часть воображения, которая на него направлена. Потому она пустила в ход уникальный метод, которому можно было бы даже присвоить ее имя. А именно: Гала распространяла всевозможные слухи об их с Полем интимных отношениях, расписывая в деталях то, что обычно составляет тайну двоих. Она откровенно, как маркетинговый прием, предлагала рассказы о невероятной сексуальной изобретательности собственного мужа, чем вызывала шок окружающих. Но в таком хитросплетении есть своя мудрость — все это подчеркивало неординарность, непохожесть поэта, а самым главным достоинством короля Гала считала даже не интеллектуальную продукцию, но способность чем-то выделиться до такой степени, чтобы вызвать шок или изумление. Был тут и тайный пунктик — ее собственное приобщение к щекочущему нервы интиму. Гала едва ли не поощряла выходки мужа, который демонстрировал друзьям фотографии обнаженной жены. Затем эта явная

эксгибиционистка пошла еще дальше, вступив в связь с немецким художником и скульптором Максом Эрнстом. Есть свидетельства, что Эрнст бывал частым гостем в супружеской постели. И, как ни странно, эта ее патологическая склонность к пороку была отнесена творческим сообществом к неким преимуществам, необычности, вызывающей усиленное внимание. Интимная жизнь с Дали носила несколько иной характер: сделав из переспелого девственника некое подобие мужчины, Галя почти открыто использовала для подобных забав других мужчин, а в позднем возрасте не гнушалась и откровенной покупкой жиголо. Но это уже не имеет отношения к технологии, это просто ее личные предпочтения.

Гораздо интереснее оставленное ею высказывание: «Западный человек — это человек, направленный вовне, его талант выражается во внешних проявлениях, а русские женщины всегда смотрят вглубь, главная их жизнь — внутренняя. Именно в этом причина того, что люди искусства с Запада и мы, женщины с Севера, создали столько идеальных союзов». Может быть, и впрямь умение опуститься в глубины души своих мужчин, чтобы разглядеть там их комплексы и сделать из них козыри, и есть главное условие успеха в решении задачи «Выйти замуж за принца и сделать его королем»?

Качества личности еще одной славянки — Лу Андреас-Саломэ — позволяли ей создать лидеров высшего порядка. Интеллектуальный уровень этой женщины заметно превосходил возможности Елены Дьяконовой, а устремления далеко выходили за рамки материализованного мира с его стереотипными правилами. Если бы Луиза дотянулась до духовности, не миновать бы ей огненной судьбы Елены Рерих. Они и прожили почти одинаковые годы (Елена — полные 76 лет, Луиза — почти 76 лет), но очень по-разному, как два диаметрально противоположных полюса. Но, очевидно, всему

есть свои предпосылки и сдерживающие факторы, — тут наша героиня больше напоминает Вирджинию Вульф, да и ее нестандартное партнерство с мужчинами сродни тому, что организовала Вирджиния со своим мужем. Вот качественный пример славянской души: там, где английское викторианское воспитание оставляет для сильной личности только определенный коридор, способная развернуться во всю ширь славянская душа триумфально шагает по пересеченной местности, даже не заботясь о впечатлении, которое производит на окружающих.

Как только ни называли Лу Андреас-Саломэ? Самая исключительная женщина Европы... Самая свободная... Воплощенная философия Фридриха Ницше... Она определенно принадлежит к категории создательниц гениев. Она не ваяла их, скорее — умело провоцировала. И некоторые из избранных ею крупных личностей становились под ее чарами исполинами, но некоторые, не выдержав, погибали. Однако, называя ее одной из самых блестящих и обаятельных фигур своего времени, никто не осмелился назвать ее просто счастливой. Никто не рискнул приписать этой женщине равновесие, к которому на самом деле женщины более всего стремятся. Будто благословенная темными силами, роковая и взбалмошная, она двигалась по жизни грациозной искусительницей, но, как кажется, на слишком большом удалении от счастья и гармонии. Супруг просуществовал формально, отдельно от нее, как бы создавая собой налет благопристойности (а заодно и обеспеченности). Они разговорились лишь однажды, перед ее смертью от рака в клинике, где ей удалили грудь: ей тогда было уже 75 лет, ему — 84 года. Вообще, она прожила жизнь королевой иррационального. Но королевой, опирающейся на имидж королей. Жизнь, будто в параллельном мире, хотя и на виду у всех. Ее странствие в миру походило на одно из безумств

начала XXI века, когда на многолюдных дискотеках кто-то танцует стриптиз в стеклянном ящике — недостижимый, но выставленный напоказ. Эта женщина изначально не была предназначена для жизни в паре и, следовательно, для гармонии. А касательно счастья, которое является результатом внутренних ощущений и самогипноза, то попробуем в этом разобраться.

В какой-то степени она вкусила славы — скорее всего, не связанной с какими-либо профессиональными достижениями. Да, великий Зигмунд Фрейд трижды процитировал одну из ее психо-аналитических работ. Лу старательно приобщалась к психоанализу, но назвать ее крупным ученым или вообще новатором в этой области было бы непростительным преувеличением (а заодно и некорректным по отношению, скажем, к таким известным исследовательницам, как Карен Хорни или Фрида Райхманн). Она писала книги, но назвать ее писательницей без натяжки так же сложно.

Так кем она была, и каковы ее победы? Всякий, кто прикасался к образу Лу Андреас-Саломэ, тотчас вспомнит эпохальную фотографию, на которой она гордо высится в колеснице с многозначительно демонстрируемым кнутом в руке, а впряжен в ту колесницу вместе с прусским философом Паулем Рэ не кто иной, как сам Фридрих Ницше! Конечно, она выжала максимум из своего знакомства и неудавшихся отношений с великим мыслителем цивилизации. О да, маленькая, худенькая и бесконечно горделивая девочка Лу была достаточно умна, чтобы виртуозно общаться с выдающимися личностями. Между прочим, отвечая сокрушительными отказами на их предложения выйти замуж. Очень точно о ее уровне и месте высказалась ее биограф Франсуаза Жиру: «В сущности, ей не могли простить того, что она оказалась женщиной, способной понять идеи Ницше и обсуждать их с

ним». Зачтем это ей в неоспоримые преимущества. Но, забегаая вперед, заметим: для управления моментом этого было даже слишком много, но для достижения счастья — слишком мало. На самом деле эпатажное фото — лишь декорация к образу Лу. Эта насмешница хотела стать роковой женщиной и стала ею — в сотрудничестве с мужчинами, образы которых и подчеркнули ее силу. К подлинным ее достижениям можно отнести то, что Ницше она подарила идею Заратустры, а заодно и загадочную концепцию сверхчеловека, которая со временем увековечила самого мыслителя-динамита. Райнеру Марии Рильке она изменила имя, чем привнесла новый химический элемент в структуру бессмертного поэта. С Фрейдом она была на короткой ноге, не придавая ему блеска короля, но насыщая определенными идеями.

Вот как звучит описание ее величественности: «Такой «коллекции» потерявших голову знаменитостей не встретишь более ни в одной женской биографии. Лу была «Великой русской революцией» в жизни Ницше, ее боготворил и воспевал Рильке, ею восторгался Фрейд, ее собеседниками были Ибсен и Толстой, Тургенев и Вагнер...» Так и хочется вспомнить Ницше: а не была ли она просто актрисой самой себя? Не оказалась ли ее жизнь бессмысленным фарсом, игрой заигравшейся с собой девочки?

Кажется, она испытывала экстатический прилив сил и ликования уже от того, что тот или иной знаменитый человек попадал в ее ловко приготовленный капкан. Можно имитировать влюбленность и чувственность, но это вторично. Главное — зафиксировать отношения в общественном сознании, «застолбить» существующую коммуникацию. Интимная близость вторична. С Ницше еще вернее была дружба, с Фрейдом уже могла быть только дружба; с Рильке была мимолетная страсть, многих мужчин, как, например,

успешного немецкого политика Георга Ледебура или писателя Франка Ведекинда, она попросту использовала. Крайне важно, что для Лу интимная связь неотъемлема от ее пытливо-ненасытного желания получать знания от мужчин. Однако, в отличие от Коко Шанель, она умеет и отдавать идеи, обогащать партнеров. Впрочем, ее доктрина непоколебима и звучит для противоположного пола как неумолимый приговор: «Я буду вечно верна воспоминаниям, но не мужчинам». Суровая и многозначительная. Но многого ли она стоит на склоне жизни, когда хочется оглянуться и узреть позади нечто светлое, наполненное благодатью? Искры ее молодости быстро погасли, партнерство с несколькими гениями придало яркости — не ей самой, но архетипической памяти. Сначала мятежный и решительный отказ от физической близости, за ним — остервенелые животные эксперименты. Был ли образ «бесполой Мессалины» рефлексией на инцест, на что намекает ее биограф Франсуаза Жиру, или то была игра, придававшая сил, неведомо. Да и не столь важно.

Очень точно о силе Лу Андреас-Саломэ высказалась ее биограф Франсуаза Жиру: «В сущности, ей не могли простить того, что она оказалась женщиной, способной понять идеи Ницше и обсуждать их с ним».

Лу трудно обвинить в отсутствии чутья на сенсацию. К примеру, когда труды уже сошедшего с ума Ницше стали потрясающе модными, она совершила чисто журналистский трюк — рассказала в статьях о своих частных отношениях с умирающим философом. Что ж, кто из женщин не хотел блистать?! Пусть даже за счет отвергаемых и низвергнутых судьбой мужчин. Нереализованное материнство — мучительная пожизненная пытка Лу Андреас-Саломэ. Но она по-своему

решила эту проблему, удочерив девочку, которая появилась от связи мужа с экономкой. «Лу страшно привязалась к Марихен, которая преданно ей служит. В конце концов она удочерит ее и сделает своей наследницей», — говорит за нее Франсуаза Жиру.

Попробуем для верности заглянуть в ее глубины как личности. С юных лет Луиза пытается проникнуть в те области, которые сближают ее с мужчинами-интеллектуалами и выделяют из среды женщин. Она слушает университетские лекции (когда еще не существовало высшего образования для женщин), высказывает шокирующие окружающих желания: поступить в Цюрихский университет, учиться у известного во всей Европе протестантского теолога. Одним словом, поднимает планку своего восприятия сразу на высоту мирового уровня, странный нефизический нарциссизм бьет из нее фонтаном. Чтобы беседовать с Ницше о небе и аде, о Боге, религии, смерти, сексе, а с Фрейдом углубляться в пещеры психоанализа, надо обладать недюжинным талантом. Она его оттачивала, направляя энергию на развитие личности и невыносимо долго для ее собеседников отодвигая раскрытие собственной сексуальности. Дивно, но своей недоступностью и недостижимостью как женщина она только больше приковывает к себе тех мужчин, что оказываются рядом. Там, где Лу ничего не смыслит, например в музыке, она играет и лукавит или же помалкивает, впитывая информацию (достойно внимания, скажем, посещение Байройта, где Рихард Вагнер ставил «Парсифаля»). Она нюхом чуяла то достойное в мужчинах, что можно превратить в великое, — это не божественный дар, а результат желания быть в кругу выдающихся личностей. Как писала ее биограф, Лу ведет «прицельный огонь по писателям, социологам, ученым». Но любопытно и то, что Луиза не возводит в догму идею для женщины «быть кем-то» в смысле профессии, она настаивает на

возможности самодостаточности женщины безотносительно ее социальной деятельности. По версии Саломэ, женщина «представляет собой организм, замкнутый на самом себе и в самом себе черпающий счастье существования». Версия противоречивая, да и сама ее автор посещала оазисы счастья большей частью в моменты признания ее мужским сообществом, то есть питалась мужским восхищением. Но на самом деле при строгом суждении она оставалась только женщиной-собеседницей, вне профессии. Хотя и научилась выплескивать то, что не под силу ее современницам, обремененным догмами морали. То Лу пишет о частной жизни с Ницше, то издает книгу «Эротика», которая в Европе выдержала пять переизданий. Но отнести ее к какой-нибудь категории — к писательнице или исследовательнице — представляется затруднительным. Она, эта жрица вдохновения, бродит среди наук и искусств, раздавая лучшим искателям идеи, гипотезы, послышки, подсказки. Лишенная материнства (из-за падения с дерева Лу не могла иметь детей), она передает лучезарную энергию тем, кого сама избирает среди борющихся за признание мужчин...

Так чем же притягивали внимание мужчин все эти женщины? В первые минуты знакомства — вполне уместной прелестью женственности с явным налетом эротизма. Но первое же общение давало понять мужчине их неординарность, широту мировоззрения, панорамное видение мира, собственные незаурядные суждения, и все это — на фоне очень ярко выраженного, четко обозначенного агрессивно-наступательного образа мышления. Мужчина, сталкиваясь с такими личностями, тотчас понимает: это не просто исключительная женщина с прорывным характером, это — роковая женщина. Оттого-то так много приключений и событий вокруг таких с виду милых и хрупких особ. Главное же, что

стоит усвоить женщинам, желающим добиться схожего эффекта: харизма этих амазонок есть не что иное, как результат умножения ежедневной работы с собственной личностью и воинственных, направляемых волей намерений. Мораль их интересовала только в той мере, в какой она может воздействовать на умы современников. Их взгляды всегда были направлены выше — *на установление стандартов*. Такие, как Елена Рерих, были заняты духовными стандартами; демонические фигуры, подобные Елене Дьяконовой или Лу Андреас-Саломэ, — светскими. Но лучи их неистребимой энергии всегда направлялись на мужчин — сквозь их восприятие создавали они храмы собственного имени. Их женская философия довольно стройно укладывается во фразу, однажды высказанную Лу Андреас-Саломэ: «Быть женщиной и смириться с участью эротической доминанты — означает лишить себя всего, на что способен человек в других сферах». Свое женское они рассматривали только сквозь призму служения личности, как фактор воздействия на разум. Кстати, вероятно, стоит взять на заметку такой небезынтересный нюанс: практически все великие создательницы гениев — славянки или носительницы образа мышления, характерного для славянских женщин.

Глава четвертая. Драматическая миссия супруги диктатора

Упомянутый образ: Эвита Перон

Эвита Перон

Каждая яркая судьба — это, прежде всего, выбор. Каждая блистательная женщина — это реализованный выбор,

неповторимый прыжок в бесконечность. Независимо от стоимости входного билета в Пантеон Славы — ведь это выбор индивидуальный.

Сказочную, невыносимо яркую и короткую, как молния, судьбу Эвиты можно было бы обозначить как «переигрывание» самой себя. Эвита Перон, или Эва Дуарте, сыгравшая в реальной жизни драматическую роль святой мученицы, на самом деле была женщиной с целым ворохом страхов и комплексов. Она все время неустанно тащила за собой некий воз ядов, которые хотя и позволили мимолетное счастье длиной в шесть лет, но отравили саму жизнь. Однако среди прочего Эвита оставила по себе замечательный урок по «вращиванию великого мужчины». И вместе с этим результаты другого, мрачного эксперимента — по подрыву самой себя. Сила необычайно искристого свечения этой неповторимой личности говорит в пользу того, что ее история может оказаться полезной и поучительной для тех, кто метит в принцессы и королевы. Правда в том, что она умела побеждать, быть лучшей, самой первой. Но есть и другая правда, которая свидетельствует: победа с надрывом, борьба за преходящие мирские ценности, за возможность выделиться во всеобщем хаосе и суете — как минимум, сомнительна. Ее победы — восхитительный опыт восхождения. Но, откровенно говоря, это история несчастной и заблудившейся принцессы, добившейся титула королевы, но проигравшей игру под названием «жизнь». И конструкция причинно-следственных связей в ее жизни такая жесткая, а детские впечатления подобны таким тяжелым якорям в ее сознании, что вообще хочется говорить о некоей предопределенности... То есть ее не в чем винить, такой она пришла из детства и такой же канула в небытие.

Часто социальное отторжение в детстве оборачивается непоправимым стрессом на всю последующую жизнь. А заодно

и стимулом подняться над ситуацией, доказать свое величие иным путем, не просчитанным большинством, недостижимым для слабых. Душевная боль неумолимо гонит вперед, вселяя силы и мужество. Именно таким мучительно-болезненным мотивом начинался звездный путь Эвы, внебрачной дочери владельца скотоводческой фермы Хуана Дуарте и его служанки. Эва оказалась младшей из пяти одинаково замусоленных, пропитанных нищетой, неизвестно для чего произведенных на свет чад, которым изначально не светило в жизни ничего хорошего. Эва вынесла из детства только скорбь и унижения, которые оставили на душе ничем не выводимую печать обид. Может быть, потому ее двойственности и противоречивости с лихвой хватило бы на десяток женщин; неисправимый дуализм был ее вторым «Я». Эвита жила компенсациями, как бы питаясь отрицательными эмоциями окружающих, которые сама же старательно вызывала. Она ненавидела мужчин, а ее непомерная жажда блистать и выглядеть недостижимой была подобна язвительному уколу окружающим. Она вообще презирала сильных мира сего, и это выливалось в колкие обращения к министрам и богачам на «ты», в едкие замечания послам и чиновникам. Она не любила женщин и по достижении власти мстила им безумными покупками баснословно дорогих нарядов, броских украшений и ни на миг не ослабевающей жаждой затмить всех на свете. Она презирала Церковь, потому что в детстве священник не позволил ей участвовать в причастии — из-за отсутствия у девочки белого платья (эту детскую трагедию Эва пронесла через всю жизнь, помня о ней и на пороге смерти). Но, презирая Церковь, она вожделела получить из рук Папы Римского титул маркизы или Орден Золотой Розы, высший знак Католической Церкви. Зачем?! Она не знала. Просто боготворила саму власть. Она беззаветно была влюблена в роскошь, драгоценности, непомерно дорогие

наряды, вообще в богатство, и это также являлось компенсацией озлобленной прежними тяготами девочки. Она вождедела славы не меньше, чем любви, потому что в славе и признании содержалась удачно выраженная месть, незыблемое доказательство ничтожества тех, на кого она в детстве с ужасом смотрела снизу вверх. Увы, она не научилась отпускать свои обиды, и смертельные эмоции в конце концов поглотили ее, отправив в темную пучину небытия.

Она была рождена одной из тех немногих, которым всю жизнь приходится что-то доказывать. Утверждаться, не смиряясь с уготованной участью. Ведь лучшее, на что могла рассчитывать незаконнорожденная Эва Дуарте, — прозаическое замужество и повторение незавидной роли матери, женщины настойчивой, не лишенной шарма и физической привлекательности, но обреченной униженно перебиваться посреди социального дна, торгуя по дешевке своей женственностью и пристраивая потомство. Будучи самой младшей, Эва отчетливо увидела на примере старших и свои незавидные перспективы, а осознав их вполне, отшатнулась от такой жизни как от чумы.

Закончив учебу в школе, Эва совершила поступок, не лишенный риска и отваги. Ей было около 16 лет, когда она одна отправилась в большой город, полный заманчивых возможностей и опасных подворотен. Как известно, фортуна помогает смелым, и ее бесстрашное хождение в поисках работы вскоре было вознаграждено. Не заостряя внимание на восхождении Эвы, можно лишь заметить: принципы успеха в ее случае те же, что и у остальных победительниц. Она двигалась поступательно, шаг за шагом, не жалела себя, училась на ходу у окружающих, компенсировала ошибки и недочеты невиданной, подкупающей активностью, проявляла смелость и дерзость и, главное, свято верила в свою звезду. Девушка прошла терпкий,

тернистый путь, прежде чем смогла работать диктором на радио. Она была энергична настолько, что неустанно искала и создавала новое, добиваясь своего убеждением и готовностью рисковать всем. Неудивительно, что через несколько лет Эва уже выступила организатором актерской группы для радиоспектакля.

Тут важно отметить, что, будучи еще совсем молодой и несмышленной девушкой, она с редким упорством стала навязывать радиокомпании дело, которое лично ей было по душе. Давно замечено, что человек увереннее всего достигает успеха там, где испытывает воодушевление и вдохновение. И, естественно, эти прекрасные ощущения чаще появляются, когда мы производим на свет свое детище. Так получилось и у Эвы Дуарте — юная и цепкая актриса радиотеатра стала приобретать популярность, а ее фотографии замелькали на обложках многотиражных журналов.

Есть тут еще один немаловажный момент: будучи необразованной, практически невежественной молодой женщиной, Эва благодаря собственной идее радиоспектаклей о прославленных женщинах постигала многие знания, которых ей не хватало. Фактически она организовала для себя сеансы гений-терапии, причем эффективность их вышла максимальной благодаря проникновению самой радиоведущей в образы героинь. Она работала с легендарными личностями, впитывая их черты, образ мышления, оценивая и переваривая поступки. Неповторимая Екатерина Вторая, хитроумная Жозефина, величественная Анна Австрийская, непревзойденная леди Гамильтон, эпатажная Сара Бернар, утонченная Элеонора Дузе — это только некоторые образы, у которых отчаянная Эва училась жить. Этим была сделана внушающая уважение попытка доказать, что невежество — не преграда на пути к успеху, если его заменять вниманием и

волевыми усилиями. Если вести разговор о простых формах успеха, яркая индивидуальность действительно будет важнее и весомее знаний. Подобный путь прошли и некоторые другие женщины, их примеры занимательны: Коко Шанель или Софи Лорен находятся в одной компании с Эвитой. Правда, они предпочитали помалкивать о своих интеллектуальных пробелах, тогда как наша героиня во время европейского турне, отвечая на вопрос журналиста газеты «Монд» о любимом авторе, заявила, что это Плутарх, но она его не читала, а лишь слышала пересказы супруга.

По жизни Эва летела кометой, в мир успешных влетела болидом, сгорела же подобно космическому обломку в губительных слоях атмосферы. Юность любит размах и авантюру, действуя наотмашь, подобно тому, как опускается, рассекая пространство, двуручный меч богатыря. Свежая, выразительная, неумная, жадно впитывающая краски жизни, Эва не могла не привлекать окружающих. Ее жизнь была подобна экстатическому плаванию на всех парусах во время шторма, тогда как остальные суда боязливо ожидают ослабления ветра. После первых успехов еще выше подняла планку, метя только в самые крупные цели. Говоря словами известного специалиста в области эмоций доктора Дона Колберта, Эва пристрастилась к адреналину, в основе чего заложена потребность втянуться в погоню за своими желаниями. У многих людей возникает желание добиться большего, и именно оно порождает выдающихся личностей. Но правда и в том, что способы достижения целей у разных людей существенно отличаются: одни идут спокойно и сосредоточенно, другие переходят на рваный бег, быстро задыхаются, но все же движутся, пока не загонят себя до конца. Похоже, что именно так было и у Эвиты, которую гнали какие-то тайные толчки изнутри, происходящие из глубоких обид

детства. Со временем враждебность стала ее мировоззрением. Стратегия отчаяния заставляла ее действовать активно, захватнически и расширять пространство своего влияния во все более высокие слои общества.

Конечно, ей, как и всякой девочке, лишенной любви в детстве, хотелось прикоснуться к вечному чувству. Насытиться. Но и отдавать, сугубо по-женски. Ходили упорные слухи, что когда актриса услышала о неординарном красавце — полковнике Хуане Пероне, она решила проявить всю свою женскую резвость, очарование и шарм, чтобы обратить на себя его внимание. Он был перспективной мужчиной, именно таким кандидатом в герои, кто движется напролом, никогда не оглядываясь. Она рассмотрела в нем черты победителя, и, кажется, главной причиной такой ее зоркости был личный настрой на победу. Сейчас бы сказали, что они, эти экстравагантные, блестящие и отрешенные мужчина и женщина, оказались на одной волне. На одних вибрациях. Любое определение окажется подходящим, но для нас важно то, что внутреннее состояние женщины позволило ей приблизиться именно к тому мужчине, которого она искала. Осознанно или интуитивно — опять-таки не столь важно. Увидев его, она возжелала владеть им безраздельно, и, кажется, он тоже вспыхнул таким же желанием. Это уже потом были организованный им военный переворот, его смелое решение приблизить к себе актрису с весьма посредственным талантом, но самоотверженную до умопомрачения. Его влияние росло, а она приняла заманчивое предложение превратиться в диктора политической радиопередачи, сделав таким образом первый шаг не только в политику, но и в область властвования своего возлюбленного. Тут она сумела доказать, сколь ценной является для избранника. Он же убедился, что получил в подарок от фортуны настоящий бриллиант.

Экстравагантная участница мыльных опер, умевшая эпатировать публику и не обделенная природной красотой, к которой добавила обаяние и впечатляющую старательность — след неистребимого желания бывшей обитательницы бедных кварталов, — сумела изменить свою жизнь к лучшему. Свою мимолетную известность в суетливом богемном мире она с напористостью хищника сумела конвертировать в роман с перспективным мужчиной. С октября 1945 года, когда Эва и Перон поженились, и до осени 1951 года, когда диагноз стал приговором, длилось короткое безудержное счастье, глиссирующая любовь, фейерверк удачи! Напряженные президентские выборы, война политических кланов, явление миру президента Перона и первой леди Эвиты — все это было как бы за кадром их любви, хотя большинству людей покажется обратное. А ведь Эва вошла в жизнь Перона вовремя — для преуспевающего политика, кандидата в президенты сожителство с актрисой выглядело бы гораздо хуже, чем женитьба. Тем более вся последующая игра его жены в политику была, по сути, «любовью, преобразованной в политику», как заметил много лет спустя один из близких к нему людей.

Эвита Перон взяла на себя ответственную и трудную роль связующего звена, особого «посредника» между мужем-президентом и народными массами. Во власти она сумела выделиться и нащупать путь исключительного самовыражения.

Чем Эва удивила мужчин и особенно того, кого влюбила в себя? Для начала — тем, что она всегда, при любых обстоятельствах оставалась женщиной. Вместо бездумного копирования мужских повадок, включая строгость нарядов и манеры поведения (что часто делают женщины, пришедшие в

политику), она оставила за собой право блистать подобно королеве, выбрасывая на это гигантские суммы. Наблюдательные аналитики утверждают: Эвита и Перон были одного поля ягоды, оба — выходцы из сумрачного детства, «недолюбленные», неутоленные и оттого яростные. И, как следствие принадлежности к тайному ордену брошенных одиночек, отлично друг друга чувствующие, понимающие с полуслова.

Но женственность жены президента — лишь часть образа победительницы. Она осознанно вошла в политику, потому что знала, что так будет более интересна мужу, в такой ипостаси сумеет больше сделать для укрепления его власти. А также закрепит власть свою и свое положение. Она продемонстрировала возлюбленному чудесный акт преданности, когда в ходе политических интриг он оказался в тюрьме; жена приложила немало усилий для его освобождения, достойных настоящей боевой подруги. Наступил и момент, когда Эва взяла на себя ответственную и трудную роль связующего звена, особого «посредника» между мужем-президентом и народными массами.

Через год после избрания Хуана Перона главой государства Эвита предприняла первые попытки выступать перед рабочими на предприятиях. Наконец, она придумала замечательный механизм воздействия на массы неимущих — путем организации фонда помощи, которым стала управлять самолично. Трудно сказать, где ее артистичная натура играла, а где Эвита искренне проникалась ролью святой помазанницы, обнимая уродов, целуя прокаженных и инфицированных больных. С одной стороны, легко превратиться в источник избирательной помощи, раздавая страждущим дома или бесплатное лечение за границей на государственные средства. С другой стороны, визиты в трущобы и больницы, попытки

заботиться о той голодающей и гниющей заживо части людского общества, из которой она вышла сама, — разве это не уникальный инструмент в руках женщины?! Следует, конечно, понимать, что Эвита делала то, к чему была способна. Не будь она потрепана в детстве и не испытай она мучения юности, вряд ли такая деятельность была ей по душе. На публике она, вне всякого сомнения, играла — массы стали огромной аудиторией театра одного беснующегося актера. Ей приписывают слова, которыми она оправдывала свое абстрагированное положение по отношению к обездоленным: «Бедняки любят, когда их всемогущий покровитель появляется во всем блеске. Здесь есть нечто магическое». Возможно, но такая магия вызывает и зависть, а с ним — неизбежные проклятия, которые неимущие калеки импульсивно (порой даже не подозревая сами) шлют здоровым и богатым. Этим они часто платят за снисхождение до милостыни.

Что же до Эвиты того славного для нее времени, то, агитируя за Перона и демократию, она больше всего упивалась собой, получала прилив экстатической эйфории, — предмет был ничто в сравнении с процессом исполнения некоего представления. Во власти она сумела выделиться и нащупать путь исключительного самовыражения («власть давать», согласно удачному определению биографа Абея Поссе), — это позволяло ей не опасаться соперниц. Отдавая дань их пылким любвеобильным телам, она посмеивалась про себя: такие, как Перон, ждут от женщины далеко не только искусной любви.

Что еще в ней было запоминающегося, сделавшего ее образ ослепительным? Бесстрашие, порожденное все тем же отчаянием.

Она напугала даже бездушного испанского диктатора Франко. Не говоря уже о том, как она расправлялась с менее именитыми особами. Правда, тут также стоит оговориться:

Эвита встречалась преимущественно с мирскими личностями, богатеями и политиками, далекими от понимания сути жизни, прожигателями и пустословами. Невежество и исключительный фокус внимания на помощи супругу — государственному деятелю не позволяли ей заводить дружбу с духовными лидерами, мыслителями, устанавливающими стандарты. Эвиту несказанно бесили люди, наделенные внутренней силой, способные ее затмить.

Пропаганда, организованная Эвитой, была само обаяние, женская харизма, облаченная в воздушную нежность и убедительность преданной подруги лидера-воителя. После восхитительно милой свадьбы молодая супруга отличилась еще раз, фактически организовав спасение мужа от тюремного заключения. Когда Перон стал президентом Аргентины, его жена только перешагнула 26-летний рубеж. Молодая женщина сумела совершить еще одну трансформацию образа — к подчеркнуто строгой, взыскательной женщине. Она стала живым воплощением добродетели, она осознанно посвящала себя благотворительности, понимая, что восприятие ее образа будет влиять на восприятия образа мужа-главы государства. За семь лет замужества она перевернула представление о возможности женщины, о способности играть роль святой, чтобы реально воплотиться в святую. Ее беспокойный ум то и дело давал сбои. Уже через год после брака возник тяжелый кризис, причину которого приписывают сорвавшейся беременности. Кажется, она чувствовала себя в шаге от мирского счастья, но из-за гонки за лидерство Перона и его сторонников, из-за неспособности гармонию жизни выдвинуть в число приоритетов она так и осталась на ее пороге.

Эвита приобрела искрящиеся великолепием титулы — игра слов, призванная поддерживать внутреннее воодушевление. Они, как бродящие вслед за нею призраки, отражали внимание

толпы, как и всю мишуру мирского бытия. «Знаменосец угнетенных масс», «надежда и страж революции», «щит Перона», «полномочный представитель», «мост любви между Пероном и народом» — даже умирая, она не осознала эфемерности этих выпретенных слов. Эва Перон успела зафиксировать свою позицию жены-амазонки в автобиографической книге *«Смысл моей жизни»*, пусть написанной и несамостоятельно, но довольно убедительно. Жизненный путь нестандартной женщины, ставшей в возрасте Христа латиноамериканской легендой, прервал всепоглощающий рак. На короткое время ярко вспыхнувшая звезда внезапно погасла, оставив лишь память о своем иллюзорном величии.

Перон и без Эвы состоялся бы как политик, имеющий собственные взгляды и стиль. Возможно, и без нее он стал бы президентом периферийной страны. Но с нею он словно глиссировал по времени, исполняя политическую роль как бы под ее прикрытием, под ее ангельским прикрытием. С нею он вошел в историю — не как политик или государственный деятель, но как спутник, избранник выдающейся женщины. Она же действовала в соответствии с его рекомендациями, была его политической ученицей, говорила его языком. И у нее, как актрисы, это выглядело близким к совершенству.

Но Эвита никогда не была тенью Перона — она оставалась самостоятельной, причем крупной личностью. Просто она, выросшая в недостатке любви, его любила. Это — ключевой нюанс в оценке самой Эвиты. Говорят, однажды эта самоотверженная женщина произнесла следующие слова: «Единственный враг страны — это я, ненависть, которую испытывают ко мне, не должна испортить карьеру Перону». Конечно, он не мог не ценить такой защиты; подобно телохранителю, она закрывала его собой. Может, это великая

любовь. А может, она просто забыла, что ее жизнь — это ее персональный проект?!

Он обсуждал с ней важные назначения. Она с ним осознала вполне всю деструктивную сущность власти. Он вышел из игры таким же эгоистичным, самолюбивым, как и вошел в нее. Она же никогда не любила себя, а встретив и покорив мужчину, отказалась от любви к себе и вовсе — в его пользу. Это ее самое уязвимое место. По сути, феномен Эвиты состоит в том, что *она достигла и поддерживала самодостаточность, так и не научившись любить себя*. Борясь за политические права женщин, работая в своем фонде по 15-20 часов в сутки, она делала все это лишь для банального триумфа своего возлюбленного. Может быть, она просто увлеклась властью, самим процессом властвования?

Кроме продемонстрированного волшебства по превращению любимого мужчины в президента страны и лидера нации, эта женщина оставила еще один немаловажный урок. Он касается первого закона жизни — уравнивания всех мирских достижений. Борясь за успех мужа, Эвита была вынуждена открыться для слишком многих людей. Став публичной особой, она неминуемо утратила зонтик энергетической защиты, под которым следовало прятать от шального взгляда свое внезапно открывшееся счастье. Но ее толкал к краю пропасти трудно понимаемый обычными людьми симбиоз самоотречения и жажды быть на свету, под прожекторами, и даже смутное понимание опасности слишком ярких лучей несколько ее не пугало. Она не знала, что нельзя одновременно жить в двух параллельных мирах.

Эвита никогда, до последнего дня, не позволяла себе статичности — это ее отменно действующая всегда козырная карта. Она всегда находилась в движении, и если не действовала она сама, то поднятые силой ее бушующей мысли за нее

работали другие. «Эва создала территорию параллельной власти — сугубо женской, идущей от сердца, неожиданной и очень прочной», — кажется, есть основания поверить писателю и исследователю ее жизни Абелью Поссе. Эва, отважная до безрассудности, с самого начала стала стимулятором для своего мужчины. Тот же биограф проникновенно замечает: «Перон не отличался слепой отвагой, он был осторожен, природный скепсис часто мешал ему действовать решительно. Эва открыла ему путь, уводящий от заурядной участи. Эва подталкивала его к власти и в то же время была его надежным тылом на случай, если удастся бежать от судьбы и от власти». К этим словам, наверное, нечего прибавить.

Роберт Грин в исследовании *«Искусство обольщения для достижения власти»* выдвигает небезынтересную идею о харизме Эвиты, конвертируемой во власть над любимым мужчиной и частью народа: «Эва Перон познала эту власть рано, еще будучи актрисой на радио. Ее удивительный, вибрирующий, как струна, голос заставлял слушателей рыдать; из-за этого в глазах людей она уже тогда была наделена харизмой. Этот опыт она запомнила и усвоила навсегда».

Была ли она святой? Этот вопрос отнюдь не тривиален, ибо расплата за величие у этой женщины оказалась баснословно высокой. Можно принять, что она занималась благотворительностью искренне. Однако выражение ее любви было несколько странное — оно выглядело не всеобъемлющим океаническим чувством, направленным на весь мир, но чувством избирательным. Она помогала нищим и больным, словно противопоставляя их богатым и власть имущим, как бы в знак особого презрения к последним. В ней отсутствовало то воплощение величия любви, которое можно отыскать у Альберта Швейцера или матери Терезы, ее милосердие не являлось актом самоотверженности, как у Флоренс Найтингейл.

Говоря словами Джека Лондона, выходца из нищенских кварталов, прекрасно разбиравшегося в природе благотворительности, такое милосердие было «костью, брошенной собаке», а не «костью, разделенной с собакой». Альберт Швейцер даже не употреблял вина — из-за мысли о том, что кто-то в этом мире недоедает и бедствует. А мать Тереза Калькуттская начала свое служение, имея лишь одно сари и одну пару сандалий. Потому по сравнению с образами великих мучеников и подлинных святых деяния (пусть и достойные уважения) Эвиты выглядели лукавством. Тем более что действовала она с четко обозначенной политической целью — удержать и распространить как можно — власть своего возлюбленного и свою собственную. Великолепно об истинных целях Эвиты высказался Роберт Грин: «Не сама ее доброта была столь харизматичной (хотя проявления доброты достаточно привлекательны), а умение сделать из своей доброты спектакль, драму. <...> Театральная драматургия отсекает все ненужное и банальное, фокусируясь на моментах сострадания, жалости и ужаса; религия имеет дело с самими жизнью и смертью».

О таланте Эвиты превосходно высказался Роберт Грин: «Не сама ее доброта была столь харизматичной (хотя проявления доброты достаточно привлекательны), а умение сделать из своей доброты спектакль, драму».

Любой из нас, живущих в суетливой реальности, должен помнить о могущественном законе жизни: *одновременно исполнять две роли невозможно*. Нельзя, подобно Эвите, быть блистательной красавицей, носить броские наряды, упиваться роскошью, драгоценностями, жаждать титулов и орденов — и одновременно демонстрировать святость. Похожую роль пыталась играть принцесса Диана, но так же неудачно, ибо не

могло быть по-иному, — ведь мир живет по верно отлаженным законам. Наверное, всем нам стоит осознать необходимость прекращения открытого доступа к своей душе всех желающих. В случае с Эвитой сквозь пробоины в энергетической защите мог просочиться отравленный сок зависти: ведь слишком многим она невольно демонстрировала свое благополучие.

«Главными чертами ее характера были обидчивость и мстительность», — эти слова принадлежат человеку из близкого окружения Эвиты и Перона. Согласитесь, они многое объясняют в ее судьбе...

Глава пятая. Тайнственная простота ободрения

Упоминаемые образы: Оливия Твен, Маргарет Бор, Мерседес Маркес

Оливия Твен

Габриэль Гарсиа и Мерседес Маркес с сыном

Многие женщины откровенно стремятся к довольно простому укладу жизни, не намереваясь достичь каких-либо суетливых высот сами и не очень веря в необходимость исключительных вершин для своего спутника. Они умеют просто и внятно исполнять свою традиционную роль, и в этом также присутствует своя трогательная и глубокая, пронизывающая все существование на земле прелесть. Окружающий мир в глазах таких женщин, скорее всего, не является воинственным и враждебным, понукающим к завоеванию власти и влияния, к захвату добычи в любом ее проявлении.

Может показаться неправдоподобным, но, несмотря на рост агрессии в мире, тенденция созерцания мироздания, удовлетворения любовью и приемлемым уровнем благосостояния в начале XXI века заметно углубилась у мыслящей части человечества. Как и обострилась жажда гармонии. Конечно, гораздо больше людей чувствуют себя хорошо только в процессе забега на предельной скорости, а восторг испытывают лишь на финишной прямой каждого нового достижения. Никто не возьмет на себя смелость утверждать, какой выбор лучше. Но всякий, кто способен остановиться и спокойно поразмыслить о жизни, согласится: истинная гармония находится в противоположном направлении от феерических светских достижений. Слагаемые земного успеха тоже бывают разными, и внутренний душевный баланс в чем-то восприятию может выглядеть не менее весомым, чем достигнутые упорством и кровью власть или богатство. Женщина способна более чутко улавливать эту тонкую грань. Что касается спутника, то женщина, умеющая жить в балансе с окружающим миром, порой лишь ловко подыгрывает мужчине, занятому вечной охотой. Самые мудрые женщины заботятся о том, чтобы домашний очаг не заслонял цели. Чтобы, даря тепло и энергетическую подпитку, дом не превратился в центр притяжения для мужчины, не сдерживал его порывов к солнцу, а лишь временами неназойливо возвращал к простым ценностям, уменьшая риски обжечься и сгореть.

Как ни странно, но порой мужчине достаточно просто веры в него, искреннего ободрения и содействия. Это, кстати, объясняет иногда кажущийся нелогичным выбор некоторых мужчин, когда спутницей обладателя высокого интеллекта, утонченного создателя шедевров вдруг становится простенькая, на первый взгляд, совершенно невзрачная женщина. На самом деле за отсутствием броских черт и манер, за кажущейся

заурядностью может скрываться та неповторимая нежность и чарующая сензитивность, в которой более всего и нуждается рыцарь достижений. Такая подруга подобна сказочной девушке-простолюдинке, которая выходит замуж за молодцеватого принца. Она будто бы не предпринимает попыток создать выдающегося человека из своего избранника, но ее ежедневные усилия, похожие на упражнения в надежности, само ее присутствие в его жизни становятся поражающим воображение ускорителем. Для мужчины — это непостижимое действие тайного женского оружия, помогающего ему вести жизнь укротителя массового сознания. Для женщины — это тот удачный случай совпадения вибраций, когда жизнь в тени мужчины заменяет собственную самодостаточность. Его цель становится ее целью, и остальные факторы уходят на второй план. Обширные знания и образование, изящные манеры, природная красота, сексуальность — все становится второстепенным, черты характера как бы расплываются в женственности, преданности и материнстве.

Но тут нет жертвенности, потому что такая женщина, обладая исключительным талантом формировать легкость походки мужчины, отлично знает себе цену. Начиная с умения любить себя, доверяя к себе, без чего не бывает любви и доверия мужа. Мужчина всегда это улавливает на интуитивном уровне и никогда не расстанется с подобной подругой. А если и расстанется, то горько сожалеет, тогда как женщина такого типа всегда легко находит замену. Ее сила — в чудной эмпатии, в проникновении в самую сердцевину устремлений мужчины, в осознании и принятии его слабостей, в способности созерцать и сопровождать его борьбу едва заметными импульсами-стимулами. Порой таким женщинам приходится проявлять особый вид стойкости — когда лишения напрямую связаны с выдержкой мужчины в достижении цели, создании уникального

продукта. Тогда мужчина сам поражается: «Если подруга способна так терпеть, значит, я на самом деле создам шедевр». Этот уникальный вид женской стойкости позволяет мужчине творить в состоянии, приближенном к спокойствию, не превращаясь в загнанную лошадь. И когда приходит подлинный успех, он становится фейерверком для всей семьи.

К такой когорте женщин с их уникальным сплавом душевных черт можно отнести, скажем, Беллу Розенфельд, ставшую женой живописца Марка Шагала; Оливию Ленгдон, прошедшую по жизни с писателем Марком Твеном; Маргарет Норлунд, избравшую судьбу подруги жизни легендарного физика Нильса Бора; Мерседес Барча, переплетшую линию своей жизни с линией жизни писателя Габриэля Гарсиа Маркеса; Клементину Хозье, рискнувшую выйти замуж за тщеславного политика Уинстона Черчилля. Очень похожую жизненную задачу выполнила Елена Шиловская (Нюрнберг), взявшая на себя роль ангела-хранителя Михаила Булгакова. Важно отметить, что это роль вовсе не невзрачной помощницы, а приближенного, доверенного друга, с которым делятся сокровенным, переживают славу и падения, проходят сквозь богатство и потери. К мнению таких женщин прислушиваются в первую очередь. Женщины с разным уровнем интеллекта и образования, принадлежавшие к различным социальным слоям, они отличались тем, что виртуозно создавали резервуары для пополнения душевных сил своих знаменитых мужей. Те же создали свои шедевры далеко не без участия этих скромных спутниц. Например, об Оливии Марк Твен высказался так: «После женитьбы она редактировала все, что я писал. Более того, она редактировала не только мои произведения, но и меня самого». А чуть позже добавил в своей юмористической манере: «Я бы перестал носить носки, если бы она только сказала, что это аморально...» Эти слова вполне отражают уровень влияния

жены на своего выдающегося мужа. Оливия оставила те примеры женской мудрости, которые так часто необходимы упорным в своем деле, но уязвимым в быту мужчинам.

Когда умер их сын, именно жена (которой, конечно же, было не легче) уговорила горящего, бесконечно подавленного мужа отправиться в путешествие в Европу, чтобы сменить обстановку и хоть немного забыть о происшедшем. А позже, когда Твен организовал собственное издательство, но, незадачливый и наивный в бизнесе, довольно быстро разорился, именно жена оказалась тем незаменимым другом, чей совет заставил писателя махнуть рукой на неудачу и в конце концов начать зарабатывать деньги совсем иным путем — публичными встречами с читателями. Здесь Марк Твен не только блистал искрометным юмором, упражнялся в интеллектуальных задачах, но и приучал массы к своим героям, создавая то, что через полтора века будет называться «паблисити».

«После женитьбы она редактировала все, что я писал. Более того, она редактировала не только мои произведения, но и меня самого. <...> Я бы перестал носить носки, если бы она только сказала, что это аморально.» Это высказывание писателя Марка Твена о своей жене Оливии.

По правде говоря, нелегко разобраться, чем именно привлекали мужчин женщины этой непростой категории. Их несомненная отличительная черта — принадлежность к близким духовным друзьям, которым можно поведать все и в ответ услышать не понимающие вздохи, а действенные рецепты выхода из сложных ситуаций, юмор и неиссякаемый оптимизм, иногда приправленный превосходной иронией. Будучи предельно терпеливыми, они упорно высекали магические искры из столкновения энергий в пространстве. Они

становились незаменимыми и при этом намеренно стояли в тени своих мужей. Какими-то, на первый взгляд, непостижимыми качествами эти женщины порой даже превосходили своих мужчин и как бы передавали им нечто важное, чем мужчины на самом деле не обладали. Принимая столь крупный дар, целеустремленные воители-мужчины поклонялись своим женщинам, как святым. Это чисто женское искусство подвластно немногим, и, как кажется, в его основе заложен конгломерат высокой нравственности, беспредельной преданности и какой-то неподвластной изучению природной мудрости. Хотя, кажется, этому можно научиться — при условии неуклонного желания. Что-то в этих женщинах было такое, что горело или жаждало запылать от одной только искры, чтобы озарить светом чей-то путь. Можно сказать: *«Жажда предназначения, желание большего»*. То, что делает принцессу принцессой и приковывает взгляд принца.

Отношения Маргарет Норлунд с будущим великим физиком Нильсом Бором завязались органично, проистекая не столько из крепкой дружбы, сколько из взаимного понимания надежности. «Надежность» — слово чарующего звучания, с благоухающим ароматом и уникальным смыслом. Применительно к человеку оно отражает всю его систему взглядов, воспитания, веры, устремлений, обозначает границы его предсказуемости в области отношений, нравственности и этики. Те, к кому применяют этот эпитет, имеют все основания для семейного счастья и чаще всего достигают статуса состоявшихся личностей. Предпосылками надежности становятся множество факторов — в первую очередь воспитание в семье, среда становления личности и самовоспитание. К тому же надежность напрямую связана с устойчивой мотивацией.

Когда Нильс Бор впервые появился в доме братьев Норлунд, он представлял собой сформировавшегося человека с твердыми

убеждениями и ясно начертанными на карте будущей жизни устремлениями. Как отмечали современники, в молодом человеке угадывалась одаренность, его называли нетривиальной личностью, но, самое главное, он был по-настоящему очарован своим научным поиском. Физика для него была философией, и девушке, сестре братьев, приятелей Нильса, не приходилось сомневаться в том, что жизнь этого человека уже превратилась в миссию. Он не распыляет свою энергию на незначительные вещи и ко всему, к чему прикасается, относится серьезно. Это стало основой понимания его надежности. Естественно, что и сама она соответствовала этому критерию, и самым лучшим тестом оказалось время от их знакомства до женитьбы.

Маргарет Норлунд выходила замуж за молодого ученого, но уже через десятилетие она оказалась женой нобелевского лауреата, известного на весь мир. Для думающего человека все (или почти все) написано на лице собеседника. А то, что не удалось там прочитать, можно восполнить, задав два-три нужных вопроса. Но опять нельзя не заметить — принцип соответствия супругов друг другу сохранялся. Об этом упоминает биограф физика Даниил Данин: «Резерфорд [в то время наставник Бора] был совершенно покорен красотой, естественностью и складом ума Маргарет Бор». И если внимательно посмотреть на фотографию престарелой фру Бор, то станет совершенно ясно, почему биограф написал, что последний год жизни великий физик отпраздновал золотой свадебный юбилей «с неизменно красивой и всепонимающей Маргарет». С юности и до последнего дня эта женщина пронесла в сердце неиссякаемую щедрость и священный дар отдавать; ее лучистый взгляд потрясет умиротворением всякого, кто задержит на нем внимание.

Трудно сказать, не умел или не хотел ухаживать за женщинами Уинстон Черчилль. Патологический упрямец, заносчивый и честолюбивый до мозга костей, он, возможно, просто не желал уподобляться остальным. Он всегда старался выделяться — всем. Брачное предложение Черчилль сделал уже почти в 34 года, будучи заместителем министра по делам колоний. Последнее, может быть, и являлось заменителем визитной карточки перспективного мужа. А также компенсацией того, что женился он не столько по любви, сколько от осознания необходимости создать семью. Да и Клементина выходила замуж, не пылая костром страсти; в свои 23 года она разрушила три помолвки, и перед нею уже наверняка маячила угрожающая перспектива остаться в старых девах. Зато она владела иностранными языками (свободно говорила на немецком и французском), не лишена была остроты ума и той безвредной иронии, которая часто служит изюминкой любой мало-мальски интересной светской беседы. Тот факт, что Клементина сама давала уроки французского, зарабатывая деньги, скорее обрадовал будущего мужа и сблизил их, — ведь он тоже писал с военных командировок статьи ради заработка, и при определенных, негативно складывающихся обстоятельствах социальная приспособленность жены могла оказаться не лишней. Не только Уинстон Черчилль, но и большинство мужчин при выборе партнерши проявляют чудеса проницательности и предусмотрительности, весьма редко принимая чисто эмоциональные решения. Потому самодостаточность женщины и ее личностные качества отодвигают на задний план физическую привлекательность и сексуальность. А вот она сама, выходя замуж уже за новоиспеченного министра торговли и промышленности, отдавала себе отчет в том, что жить ей придется с неординарным человеком, имеющим неограниченные

перспективы. Ее отличала не только гордость. Потрясенная разводом родителей, Клементина намеревалась совсем по-иному подойти к строительству собственной семьи — никаких публичных обсуждений, на люди должны выставляться только взаимное уважение и поддержка. Деликатность Клементины была вовсе не врожденной и не результатом воспитания — она была выношена в боли и страданиях за семью своих родителей.

Разные биоритмы Уинстона и Клементины (он — безнадежная сова; она — неисправимый жаворонок), различные предпочтения, расположенный далеко на задворках семейного общения интимный мир (спали супруги в разных комнатах) не испортили семейного блюда. Свои силы женщина благоразумно направила на усиление социального потенциала супруга и никогда не изменяла этому принципу. Порой Клементина чувствовала себя брошенной собственным мужем, но особенно не переживала по этому поводу; ей достаточно было признаков своего влияния в организации частной жизни. Возможно, в этом проявлялась ее мудрость. Случалось, что жена критиковала какие-то шаги мужа в качестве чиновника, но это происходило только в частной переписке. Было бы большим преувеличением полагать, будто Уинстон Черчилль как премьер-министр советовался с женой. Он мог подыгрывать в такой семейной игре, ведь и она умела с небывалой артистичностью пасовать ему мяч для стопроцентного гола. Чего только стоит ее письмо из СССР от 9 мая 1945 года, в котором женщина с явным расчетом на будущие поколения написала: «.. .буду думать о тебе и пяти славных годах твоего служения нации и миру».

Первая заповедь Клементины состояла в *приятии мужа таким, каким он есть*, — с грудой недостатков и экстравагантностей. Не предпринимая заведомо безуспешных попыток переделать Уинстона, жена — универсальная смесь

миротворца и монахини — своей позицией уравнивала его. Черчилль никогда не оглядывался на семью, Клементина же только о ней и думала. Черчилль только тем и занимался, что делал уморительные заявления (типа того, что дочь у него красавица, потому что похожа на него), Клементина же действовала. Среди прочего открыла свой индивидуальный подход к мужу — общение посредством записок (младшая дочь Мари впоследствии опубликовала массу писем и открыток).

Преданность делу своего мужчины — вот что утверждали все героини этой главы. Клементина, пожалуй, наиболее выразительная из них, поскольку в какой-то момент получила больше возможностей. Так, согласно информации одного из биографов — Владимира Белова, когда Клементина как-то гостила на яхте некоего старого приятеля мужа, «один из присутствующих стал язвить по поводу Уинстона, и никто, даже хозяин, не встал на защиту отсутствующего Уинстона». Жена политика решительно покинула борт судна и на следующее утро уже вылетела в Лондон к мужу. Другой показательный случай произошел, когда после рождения второго ребенка Уинстон Черчилль попал в больницу с аппендицитом: молодая мама, не раздумывая, бросилась вести избирательную кампанию вместо мужа. Не говоря уже о том, что в периоды опалы (а их у Черчилля было немало) женщина всегда была щедра на поддержку и ободрение. Материнские поступки — один из неотъемлемых элементов воздействия мудрых женщин на своих мужей — Клементина совершала с избытком. Вирджиния Коулс отмечала в своей книге, что «ее отношение к нему было покровительственным, как у матери к своему не по возрасту развитому беспокойному ребенку».

Нельзя сказать, что у Клементины вовсе отсутствовали требования, — просто муж и жена всегда знали граничные возможности своего поведения. Другое дело, что, выходя замуж,

Клементина осознавала (ведь Уинстон Черчилль был сыном своего отца, а значит, пожизненным борцом), что ее будущий муж, прежде всего, будет соответствовать представлениям общества об успешном политике. А раз так, то она определенно чувствовала себя защищенной собственной прозорливостью — надежность мужа была как бы предопределена, ибо являлась неотъемлемой характеристикой претендента на председательство в партии и правительстве. Тем не менее, когда через год после свадьбы у нее возникло подозрение в адюльтере, женщина учинила целое разбирательство, чем продемонстрировала: обходиться с собой таким образом она не позволит. Вероятно, уникальным проявлением позиции Клементины можно считать фразу, зафиксированную во время выступления перед студентками: «Никогда не заставляйте мужей соглашаться с вами. Вы добьетесь большего, продолжая спокойно придерживаться своих убеждений, и через какое-то время увидите, как ваш супруг незаметно придет к выводу, что вы правы». Здесь — подлинная женская мудрость: вести свою линию, несмотря ни на что, и не беспокоиться по поводу мелочей. Было бы преувеличением утверждать, что Клементина выступала неким буксиром, возводящим своего мужа по карьерной лестнице. Но она ухитрилась всячески подчеркивать величие его триумфального шествия, хотя оно то и дело переходило в фарс. Максимально спокойное восприятие всех тех вихрей, которые заводил вокруг себя Уинстон Черчилль, позволило ей прожить долгую и не лишенную лоска жизнь. Из ее 92 лет 57 приходилось на альянс с неугодным политиком.

«Но не будь рядом со мной Мерседес, не было бы никакого романа», - воскликнул однажды Габриэль Гарсиа Маркес по поводу своего нобелевского произведения «Сто лет одиночества». Если он был двигателем, то она стала той

необходимой смазкой, что позволяет натруженным деталям работать бесперебойно, слаженно и системно.

В этом контексте хотелось бы рассказать еще об одной женщине из когорты «серых кардиналов» в юбках. И если слово «идеальная» вообще может быть использовано при описании жены, то Мерседес Барча Пардо оказалась именно такой для писателя Габриэля Гарсиа Маркеса. «Но не будь рядом со мной Мерседес, не было бы никакого романа», — воскликнул однажды писатель по поводу своего нобелевского произведения «Сто лет одиночества». Она не читала его рукописей, ее роль заключалась в ином — всячески поддерживать писателя. Иногда — убеждать. Когда работа над эпохальным романом только начиналась и семью преследовала бедность, Габриэль нередко приплетался на кухню к жене, хныча и жалобно прося помощи. Она предлагала мужу прокрутить мясо на мясорубке и вспоминала по ходу его удачные литературные решения. Затем с поцелуем отправляла его к печатной машинке. Критический момент настал к окончанию работы над книгой. Позже Габриэль Гарсиа Маркес вспоминал: «У меня была жена и двое маленьких сыновей. Я работал пиарменеджером и редактировал киносценарии. Но чтобы написать книгу, нужно было отказаться от работы. Я заложил машину и отдал деньги Мерседес. Каждый день она так или иначе добывала мне бумагу, сигареты, все, что необходимо для работы. Когда книга была кончена, оказалось, что мы должны мяснику 5000 песо — огромные деньги». Символично, что денег осталось на отправку почтой только половины книги. Чтобы отправить вторую половину, женщине пришлось заложить в ломбард фен и электронагреватель. Отправив вторую часть рукописи, Мерседес воскликнула: «Не хватало только, чтобы роман оказался плохим!» Она готова была терпеть крайнюю нужду ради того,

чтобы дело ее супруга продолжалось. Это была поистине фантастическая и всеобъемлющая поддержка, ибо импульсы Мерседес передавались не только писателю, но и издателю, критикам, читателям...

В биографических книгах о Маркесе пишется, что он заметил свою будущую жену еще школьницей (иногда утверждают, будто он решил жениться на ней, когда ей было всего 9 лет). Конечно, это уже элементы некой мифологии. Но небезынтересно, что при всей своей застенчивости и вычурности в поступках, готовности устраивать пиры с друзьями, приправленные обширными возлияниями, Маркес демонстрировал максимальную серьезность по отношению к избраннице. Интенсивность их общения была совсем невысокой, но, кажется, самовнушение, перешедшее на окружающих, имело место. Со временем появились ярые апологеты их связи, и сама Мерседес через много лет признавалась, что ее тетушка, незадачливо кудахча, непременно упоминала при каждом удобном случае о будущем замужестве с Маркесом как о давно решенном деле. Биограф писателя Джеральд Мартин приходит к выводу, что хотя «для него Мерседес была не только платоническим идеалом, этакой дантовской Беатриче», но это «также был практичный стратегический выбор». В чем тут дело?

Маркес, как и большинство мужчин, разделяет любовь и секс (по меньшей мере, в своих произведениях, которые можно рассматривать как проекцию его отношения к женщинам). У него были страстные сексуальные романы, и один из них — это период помолвки. Но вместе с тем и сам Маркес, и его биографы настаивают на том, что он очень боялся потерять девушку, которую в течение десятилетия «считал своей суженой». Для девушки, которая в 22 года дала согласие стать женой вполне удачливого журналиста и писателя, Маркес определенно выглядел перспективнее большинства молодых людей из

периферийной страны. Джеральд Мартин, утверждая, что латиноамериканские девушки более терпимы к любовным похождениям своих мужчин, написал в биографии Маркеса следующее: «Что удивительного в том, что двадцативосьмилетний латиноамериканец завел интрижку в Париже? Друзья ничего другого от него и не ждали. Если б Тачия родила, он, вероятно, все равно бросил бы ее. Он выбрал Мерседес, потому что это женщина из его среды, которая четко понимает, откуда он родом и чем живет». Другими словами, Маркес был как бы избирательно надежен и ответствен. Для некоторых такая ситуация может выглядеть странной и неприемлемой, но если этнопсихологический контекст отношений позволяет паре справиться с существующими противоречиями, нет смысла рассуждать о нравственных нормах. Важно другое: почему он выбрал именно Мерседес, и отчего она решилась выйти именно за Маркеса?

Девушка всем своим скромным, даже пуританским образом жизни демонстрировала, что смысл ее будущей жизни заключается в семье, детях, создании благополучия для семьи. За ее острыми словесными трюками и кажущейся простотой поступков просматривалась ясная линия поведения — в переписке, в спокойном принятии жениха в течение многих лет затянувшегося добрачного периода. Мерседес пребывала в душевном спокойствии, и это для мужчины — лучший сигнал готовности принять его миссию, какой бы тяжелой или непривычной она ни казалась. Ей действительно были чужды смятения, а сам Маркес наверняка знал, что не так уж просто будет делить с ним место у штурвала семейного корабля. Доказательством для обоих стала почти трехлетняя помолвка: несмотря на шероховатости (его влюбленность и сексуальное похождение), перед лицом судьбы они остались

непреклонными и последовательными. Почти как стрелка компаса.

Вряд ли кто скажет, что «притирка» была легкой. Мерседес терпела, стиснув зубы. Она совершенно не умела готовить, и ей было неловко от слишком многого. В качестве временной защиты она избрала молчание, а молодой муж — терпение. Один из товарищей с сарказмом заметил: «Габо женился на немой». Но Маркес верил и ждал. И она верила, постигая лабиринты семейной жизни и ссылаясь с лукавой улыбкой на «биологическую совместимость». Зато потом, как указывает Джеральд Мартин, она привнесла в жизнь писателя рассудочность и рациональность. Она «начала наводить порядок в рукотворном хаосе Маркеса», «разобрала его статьи и вырезки»... Мерседес постепенно проникалась его идеей, напитывалась его жизненным потоком, осознавала избранное им направление. Для чего? Для того чтобы применить магию материнства, потому что каждый мужчина, что бы он ни говорил и ни думал, нуждается прежде всего в женщине-матери — и уж потом во всех ее многоликих ипостасях.

Еще совсем молодым человеком Маркес сказал своей избраннице, что в 40 лет напишет крупное произведение. Убеждая самого себя, он давал и женщине определенные ориентиры. И в самом деле, при кажущейся легкомысленности он все время работал, писал, упорно штудировал великую литературу. Он мог бы не стать нобелевским лауреатом, но состоявшейся личностью точно стал бы. Другое дело, что именно усилия Мерседес помогли Маркесу стать успешным и знаменитым. Ведь для крупной победы человек должен находиться словно в космосе, огражденный многокилометровыми слоями атмосферы от земных проблем. Жена освободила Маркеса от необходимости заботиться о преходящем. Благодаря этому его энергия могла направляться в

одном-единственном направлении, — на осуществление глобальной цели. Если он был двигателем, то она стала той необходимой смазкой, что позволяет натруженным деталям работать бесперебойно, слаженно и системно. Из такой работы проистекает величие творца, такая сила порождает мощь произведения. Иногда такую работу называют божественным вдохновением, но мудрые женщины знают, что немалая заслуга принадлежит им. Она обеспечивается бесконечным терпением, верой и любовью.

В общественном сознании присутствует стереотип: жизнь с гением — плохой выбор для женщины и часто несчастливая судьба. Между тем героини этой главы доказали, что мудрость и сопереживание партнерши часто важнее ее ума, социального статуса, образования, положения и даже умения продуцировать креативные идеи для продвижения дела мужа. Мужчины и женщины — разные в своем восприятии мироздания, предназначения, миссии, и способность женщин непринужденно снять завесу уныния порой становится важнейшим залогом счастья или, по меньшей мере, спокойствия. Главное для таких женщин — просто принять в сердце дело мужа, проникнуться его интересами как своими собственными. Это, кстати, может стать козырной картой любой женщины, причем вовсе не обязательно живущей с гением.

Важно отметить, что, привлекая серьезных, одержимых крупной идеей мужчин, эти женщины сигнализировали им вовсе не любовь-страсть, не сексуальность, не великолепие женской породы (хотя, пожалуй, все они были по-своему привлекательны), не совершенные знания или навыки. *Только надежность как спутницы жизни. Приверженность делу партнера, готовность к терпению и свои усилия навстречу благополучию.* Это позволило окутать мужчин таким защитным слоем тепла, что им уже ничто не мешало двигаться к цели.

Немаловажный нюанс: они, эти простые и предсказуемые женщины, постарались встретить своих героев и сумели донести им *свой* сигнал. Может быть, в этом и заключается шифр их семейного успеха? Точного ответа на это нет.

Еще один общий пункт не может быть обойден вниманием — дети. Они становятся источником радости даже для самых одержимых; они же, если уходят раньше родителей, вызывают наибольшую депрессию. И снова наши примеры показывают, что женщины способны легче и быстрее пережить кризис, — возможно, сама природа благоразумно позаботилась об этом. Только материнство помогает женщине правильно понять самое себя и примиряет ее с миром, этим нескончаемым зеркалом, где мы тратим себя, чтобы снова обрести. Удивительно, что это утверждение принадлежит Пабло Пикассо, который, как известно, сам в отношениях с женщинами был больше неисправимым сатиром-пала-чом, а к детям относился скорее как к мифическим символам, нежели как к живым существам.

Привлекая серьезных, одержимых крупной идеей мужчин, эти женщины сигнализировали им вовсе не любовь-страсть, не сексуальность, не великолепие женской породы, не совершенные знания или навыки. Только надежность как спутницы жизни. Приверженность делу партнера, готовность к терпению и свои усилия навстречу благополучию. Это позволило окутать мужчин таким защитным слоем тепла, что им уже ничто не мешало двигаться к цели.

Глава шестая. Партнерство вместо гармонии: Искусство возможного

Упомянутые образы: Вирджиния Вульф, Фрида Кало

Вирджиния Вульф

Диего Ривера и Фрида Кало

Строя свою жизненную стратегию, мы не должны забывать, что вся наша жизнь обусловлена. А также то, что наша персональная природа возникла из пучка причинно-следственных связей. Если мы поймем и примем нашу собственную природу, нам будет не только легче жить, но и появится прочный фундамент для принятия решений. И, конечно же, шанс принять правильные решения. Образы этой главы, как кажется, интересны своим пребыванием как бы в двух параллельных мирах одновременно: в понятном нам

социальном измерении и в стихии, где всегда штормит, — мире личных страданий. Для них построение привычной архитектуры семьи, любовных отношений по каким-либо психологическим причинам невозможно. Их болеющая или снедаемая сомнениями душа не принимает стандарта, однако судорожно пытается найти ему достойную замену.

Их партнерство, как искусство возможного, следовало бы назвать *альтернативным*. Поскольку это вовсе не то партнерство, что существует в гармоничных семьях. Их партнерство — равноценное, это попытка личностей построить отношения, альтернативные традиционным, но предусматривающие глубокое понимание и взаимное уважение партнеров. Такое партнерство вытекает из осознания невозможности добиться гармонии, то есть сбалансированных отношений во всех сферах жизни. Идеология такого партнерства строится на попытке закамouflировать или проигнорировать порой непреодолимые преграды — отклонения в здоровье, особенности сексуальной самоидентификации, психические проблемы, наконец, просто неисправимые особенности характера.

Для наглядной иллюстрации тут намеренно избраны сильные личности с нетрафаретными отклонениями, — широкий диапазон различных инвариантов порой открывает путь к удачному индивидуальному рецепту. Примерами альтернативного партнерства с вытесненными или стертыми из совместной жизни участками можно считать союзы Леонарда и Вирджинии Вульф, Фриды Кало и Диего Риверы, Жана-Поля Сартра и Симоны де Бовуар. В еще большей степени — браки Лу Саломэ с Фридрихом Андреасом и остальными мужчинами ее жизни.

В альтернативном партнерстве обращает на себя внимание такой примечательный штрих, как организация интимной

сферы. Некоторые из упомянутых женщин игнорировали до презрения свою сексуальность и связанные с нею склонности; некоторые, напротив, выпячивали свои предпочтения, возводя их в категорию визитной карточки — вычурной, уродливой, экстравагантной. Также стоит заметить, что образы таких партнерш контрастны и вызывающи, порой даже ослепительны. А в отношениях со своими партнерами они столь же вампиричны, сколь и уникальны как музы, открывающие перед избранными ими принцами пути к королевскому трону. Потому-то, скажем, Лу Андреас-Саломэ вполне может относиться к категории женщин, создающих гениев. И если бы хоть частичка ее бешеного эгоизма направлялась на партнеров, их ожидала бы участь триумфаторов, а не страдальцев. Так же и Гала, создавшая из миловидного юнца Дали эксцентричного гения в глазах современников, вполне подходит для настоящей главы, ибо мир ее сексуальных воззрений далеко выходил за рамки пусть даже вполне счастливого союза мужчины и женщины.

Каждая из подобных женщин вышла в мир из своего неповторимого сада, где каждое дерево являет собой отдельную, определенно воздействующую личность. Но у всех есть ключевое сходство: *выбирать только самых лучших мужчин*. Это результат самооценки и самомнения, и развить их до необходимых пределов способна любая женщина. Уж если так поступали женщины с явными отклонениями от общепринятой нормы, то и воспитанная в стандартных условиях девушка может рассчитывать снимать сливки, а не довольствоваться остатками чьего-то пиршества.

Начать краткий обзор подобных образов можно с писательницы Вирджинии Вульф, выросшей в атмосфере лондонской интеллектуальной богемы. Знаменитые представители мира искусств регулярно появлялись в семье

известного литературного критика, что, ясное дело, решающим образом повлияло на выбор будущей «наездницы слова». Девушка из такого общества уже вряд ли выйдет замуж за человека, лишённого интеллекта. Четверо детей впитывали утонченную среду со всеми ее противоречивыми особенностями, а чтение и рисование для них были столь же органичной частью жизни, как и чаепитие. Вирджиния, ее сестра, а также два старших брата (как и трое старших детей отца от первого брака с рано умершей дочерью писателя Уильяма Теккерея) с детства непринужденно общались с поэтами, романистами, живописцами. Однако воспитание девочек, тем не менее, было пуританским, направленным на традиционную роль женщины в семье и обществе.

Любопытно, что почти несовместимое сочетание раскованности и свободы для девочек с настойчивой последовательностью отца в приобщении их в ходе домашнего воспитания к семейным ценностям, возможно, дало бы фееричный результат. Если бы не события, предусмотреть которые родители были не в состоянии. А именно: потеря матери в возрасте 13 лет и совращение братьями повлияли на Вирджинию Вульф куда больше, чем уроки рисования, иностранные языки вместе с музыкой, рукоделием и домоводством. Известно, что один из братьев, будучи уже взрослым парнем, страстно ласкал шестилетнюю Вирджинию, настойчиво ощупывая все ее интимные места. Это воспоминание стало сродни крысиной отраве на протяжении всей ее дальнейшей жизни. Другой брат пошел еще дальше, часто проводя время с покорномолчаливой сестрой в ее постели: настойчивый петтинг, тайные ласки и безумные поцелуи продолжались, пока ей не исполнилось 22 года. Подавленное желание противиться братьям прорвалось в тайную ненависть к мужским притязаниям. В довершение к

этому в 13 лет она едва не была изнасилована двумя подвыпившими кузенами. После проведенных с нею бесед на тему нравственности и строгого запрета вспоминать об этом случае у Вирджинии развился комплекс вины, ее с головой накрыл гнетущий сумрак депрессии. В конце концов викторианский разум переиграл пробуждающуюся чувственность, но победа обернулась для женщины поражением, — по всей ее молодости проехался тяжелый каток, асфальтируя сюрреализм ее представлений о любви.

Тяжелый, гнетущий нервный срыв после смерти матери, ставший первым в череде последующих, проявил лакмусовую бумажку ее души: она не такая, как все остальные. С тех пор периодические галлюцинации и видения, дикие головные боли и беспричинные страхи стали частыми гостями ее заболевшей души. Еще одно открытие потрясло девушку: слишком чувствительная, впечатлительная до головокружения, она вместе с тем обладает... ужасающе холодным телом. Осознание, что ее плоть не предназначена для мужских ласк, которые ей противны и вызывают болезненные, полные отвращения ассоциации, еще больше обособляет Вирджинию, отделяет ее от остального мира людей. Она разрывается между необходимостью организации социально понятного союза и его принципиальной невозможностью. Отсюда кажущиеся нелепыми эмоциональные решения типа готовности выйти замуж за мужчину с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Немаловажным в судьбе Вирджинии является понимание социальной значимости женщины. Но наверняка желание достичь социальной свободы становилось некоей компенсацией психологических проблем, как и желание доказать свою «нормальность», выразиться в таком виде деятельности, который принимается обществом. Кроме того, необходимо было победить исполинский, вечно пугающий призрак —

беспримерное одиночество. Вовсе не случайно замужество сестры Ванессы стало для Вирджинии удручающим шоком, еще большим, чем смерть брата от тифа, — она отчетливо ощущала спертое дыхание дичающей, оставленной всеми одиночки. Вирджиния то пытается завести близкое знакомство с женщинами, то флиртует с мужчинами. Она мечется в пространстве околотературного мирка, как маленькая красивая птичка в мрачной клетке. Ей просто жизненно необходимо с кем-то общаться, и осознание этой острой тоски толкает Вирджинию на поиски альтернативы привычному браку. Творческий союз и дружба с мужчиной кажется ей вполне возможным и приемлемым решением этого сложного уравнения.

Для начала молодая женщина обращается к перу — тому, что ей ближе и понятнее всякой иной деятельности. Ведь ей необходимо стать кем-то, слепить из себя нечто оформленное, завершенное в социальном плане. Но, продолжая отцовскую стезю, она желает идти дальше — писать роман. «Этот туманный мир литературных образов, похожий на сон, без любви, без сердца, без страсти, без секса, — признается она, — именно этот мир мне нравится, именно этот мир мне интересен». В душе у Вирджинии остался лишь осадок романтики, потому параллельный мир стал для нее, как и для многих страдающих душевными болями, спасительной нишей, способом жить. Она как бы вступила в договорные отношения с реальным миром, сосуществуя с ним за счет собственных литературно оформленных воображений.

В 30 лет наконец случается то, к чему она стремилась, — Вирджиния выходит замуж за писателя и журналиста Леонарда Вульфа. Другой вариант, учитывая круг ее общения и притязаний, вряд ли мог бы явиться в ее жизни. Вирджиния могла обратить внимание лишь на человека, обладающего

тонким умом, увлеченного какой-либо значимой, близкой ей деятельностью. Что же касается ее самой, то она во всем соответствовала самому взыскательному мужчине. Красива, умна, самодостаточна, обладает редким ароматом женственности, коктейлем из обаяния, элегантности и чарующего дара великолепной собеседницы. Во всем, кроме одного — исполнения женской роли в супружеском ложе. И как же ей с такими противоречивыми исходными позициями удалось удержать подле себя мужчину? Г оворили, будто Вирджиния Вульф обладала таким несносным характером, что общаться с нею было невыносимо, и вообще она казалась человеком с другой планеты. Но все эти обвинения справедливы лишь отчасти, — ей просто не хватало человеческого понимания, участия, сопереживания. А вот почти три десятка лет совместной жизни с мужем, физические контакты с которым закончились вместе с медовым месяцем, — это довольно любопытный результат.

Вирджиния доказала, что может быть очень значимой, ценной для своего мужа, что совместная жизнь без противной ей интимности может оставаться наполненной. Уже через пять лет после брачного старта они вдвоем основывают издательство, а на редкость энергичная женщина берет на себя функции не только автора, но и наборщицы, редактора, корректора. Она старательно создает семейное дело, превращает мужа в значительную фигуру, усиленную ее писательским талантом и растущей известностью. Они закаляются как партнеры. Вместо любви она выдвигает идею делового равноправного партнерства, и ее вклад в общее дело впечатляет. Тут, кажется, стоит подчеркнуть: Вирджиния Вульф, в отличие от братьев, не училась в университете, а основательные, обширные знания почерпнула из книг и от маститого окружения. Издательство разрастается до успешного

предприятия, ее книги расходятся гигантскими тиражами. Взамен ей нужно только общение, и Леонард принял ее правила игры, согласившись добровольно сыграть именно ту роль, в которой нуждалась Вирджиния. Муж оказался тем человеком, который дал ей безукоризненную эмоциональную поддержку. Таким образом, отделив интимный мир от семьи, они создали слаженную, активно действующую команду.

Конечно, отказ от материнства и интимных отношений придавал такому союзу оттенок иллюзии, даже пародии на брак. У Вирджинии, называвшей себя евнухом, были интимные отношения с женщиной. У Леонарда наверняка были связи вне семьи. Не умея быть любящей женой, вычеркнув из семейных отношений чувственность, она сумела компенсировать интерес мужчины за счет своего изящного, тонкого ума — свободного «потока сознания», как она любила говорить сама. Единственное, что она не сумела, — это исцелить себя от душевной болезни: нервные срывы преследовали писательницу в течение всей жизни и добились ее в один из критических моментов. Набив карманы камнями, Вирджиния Вульф в припадочном порыве бросилась в реку и утонула. Ей было 59 лет. «Мне кажется, что два человека не смогли бы прожить более счастливую жизнь, чем прожили мы с тобой», — написала она в предсмертной записке.

Естественно, без физической близости нет смысла говорить о гармонии, но эта женщина сумела создать для себя такой способ организации жизни, в котором она пребывала в согласии со своим хворающим «Я». Разум, как бы доказывает Вирджиния Вульф, может быть одним из самых сильных аргументов в руках женщины, которая стремится укрыться от одиночества в благоприятном пространстве семьи. Она не сделала мужа королем, заменив это созданием из себя самой образа козырной дамы, — достойная замена в ее положении.

Еще одна выдающаяся женщина — художница Фрида Кало — может быть примером создания способа жизни со знаменитым, почитаемым в обществе мужчиной. Ее оружием стала «сверхчеловеческая любовь», но любовь не жертвенная, не самоуничижительная, не разрушающая личности. От такой любви ее избранник шалел, не веря, что подобная всеобъемлющая сила может существовать на земле, и без нее, по словам биографа, он чувствовал себя «уязвимым и смертным». Жан-Мари Гюстав Леклезю высказался в отношении союза двух живописцев — Диего Риверы и Фриды Кало — предельно метко: «Никогда еще творчество не объединяло до такой степени мужчину и женщину». Так же, как Вирджиния Вульф, она жаждала и боялась материнства, и так же пользовалась замещением: детьми Вирджинии были ее романы, детьми Фриды — ее полотна. Творчество — вот способ борьбы и существования, метод выживания.

Вирджиния Вульф вместо любви выдвигает идею делового равноправного партнерства, и ее вклад в общее дело впечатляет. «Мне кажется, что два человека не смогли бы прожить более счастливую жизнь, чем прожили мы с тобой», - написала она в предсмертной записке своему мужу.

Фрида Кало — образ одновременно трагический и стоический. Но тем и вселяющий надежду в обычных женщин, что они достойны большего, чем избирают. Умопомрачительная, нечеловеческая стойкость (отсюда у Фриды все запредельное, безграничное, как океан, и любовь в том числе) вывела ее в категорию женщин, умеющих устраивать свою жизнь. Ее богемно-вульгаризированная экспрессия, выраженная донельзя засоренной сквернословиями речью, сопровождающими ее буйную жизнь непристойностями,

выпяченной сексуальной раскрепощенностью, шокирующей многих бисексуальностью, склонностью к тяжелым спиртным напиткам, являла собой маскировку трепещущей души, дымовую завесу от непосвященных. А также способ подавить физические и душевные страдания, брошенные ей судьбой для испытания на прочность.

Не стоит сомневаться, что у Фриды, как и у подавляющего большинства экстраординарных личностей, все причинно-следственные связи были заложены в детстве. В 6 лет она перенесла тяжелый полиомиелит, напоминавший о себе удручающей хромотой (ее правая нога осталась частично парализованной, несколько тоньше левой, и ей всю жизнь приходилось скрывать физическое уродство длинными одеждами). Обделенная материнской любовью, отчужденная от всего мира, не принимаемая детьми (ее дразнили «Фрида — деревянная нога!»), она витала, как чаще всего бывает в таких случаях, в мире мечтаний. Но чтобы обратиться к кисти и начать творить, потребовалась еще одна ужасающая трагедия: в автобус, которым ехала восемнадцатилетняя девушка, врезался трамвай. По ее словам, автобус «разорвал меня в клочья». Тройной перелом позвоночника, тройной перелом таза, одиннадцать переломов правой ноги, проколотые живот и матка («как шпага пронзает быка») предопределили всю ее дальнейшую жизнь. Но вначале были десятки операций и месяцы мучительных истязаний в больницах. «Вот так я потеряла невинность... <...> Каждый раз, когда меня поворачивают в кровати, я проливаю потоки слез. <...> Одно хорошо: я начинаю привыкать к страданию. <.> Я осталась жива, и вдобавок мне есть ради чего жить. Ради живописи», — это ее поток сознания, обрывки фраз, высказанных в разное время. Итак, для выживания следовало обрести смысл, и таким смыслом стала живопись. Способ самовыражения и

непрестанная деятельность позволили девушке подняться над недугом, превратиться из изгоняемого из социума уродца в жизнеспособную, энергичную и даже привлекательную женщину.

«Теперь ей придется одной сражаться с кошмаром, который стал ее судьбой», — это слова биографа. Нет большей стойкости, чем усилия обреченного человека, не согласного с решением судьбы. Фрида не собиралась мириться с положением вещей. Она вряд ли была интеллектуалкой, но для рожденной в бедной семье девочки поступить в университет в числе 35 представительниц своего пола наряду с двумя тысячами мужчин — это что-то значит. Вообще же, до момента, когда в 22 года она стала женой известного художника Диего Риверы, Фрида уже прожила целую жизнь. И эта жизнь была преимущественно лежачей: в постели она писала первые картины, в постели она проглатывала книги, как пирожки, здесь же сочиняла письма и вела дневник, оттачивая слог. Выпавших ей испытаний с лихвой хватило бы на нескольких человек. Самым трудным было принять решение *жить*, и именно это стало тем искрящимся из нее светом, на который пришел мужчина.

Чем девушка, утопающая в непроходимых болотах собственной тоски, окутанная непроглядной пеленой экзальтации, сумела привлечь незаурядного и уже известного художника? Пусть и несуразного внешне, увальня, похожего на жирного тюленя, но почитаемого в обществе, любимого многими женщинами, устанавливающего определенный стандарт мышления. Наверное, она заинтересовала его вовсе не игривостью, вызывающей фамильярностью и детской непосредственностью, за которыми, впрочем, упрятан целый лес проблем. За хрупкостью и показной веселостью мужчина почувствовал такую сильную натуру, какую ему не приходилось

встречать. Все его прежние женщины представляли и оставались лишь женщинами — тут же была *бездонная личность*. «Впервые на его пути встречается женщина, для которой, как и для него, живопись — насущная потребность», — дает свое объяснение биограф. Но представляется, что суть личности важнее рода занятий, важнее даже живописи. Диего Ривера никогда не испытывал недостатка в женском обществе, не обременял себя моральными нормами, спал с теми, кого внезапно желал, изменял всем, кому признавался в обуявшей его страсти, одним словом — исполнял роль беззастенчивого альфа-самца. Но в случае с Фридой он столкнулся с таким потоком энергии и любви, который способен обогащать мужчину, выносить его на новую высоту, открывать неведомые возможности. Всего этого он не мог не почувствовать. Это то, что Фрида Кало вынесла из своих мученических лет. То, чем только она одна обладала и чем жаждала поделиться, — это угадал демон.

Когда они связали свои судьбы в узел, ему было 43 года, ей — всего 22. Могла ли Фрида надолго удержать подле себя мужчину, не имеющего принципов в отношении семейной жизни? Она старалась, как, впрочем, и ее предшественницы. Пыталась стать матерью, несмотря на смертельный страх и нешуточные проблемы со здоровьем. Стремилась быть подругой и женой, что было для вчерашнего безнадежного инвалида более чем сложно. Она находилась с мужем везде, даже тогда, когда под ногами земля ходуном ходила — во время поддержки его коммунистических воззрений. Никто из подруг художника не был вовлечен в его творческую жизнь так, как Фрида Кало. Однако такие достижения в глазах мужчины-эгоцентриста недорого стоят. Тогда она пытается обратить на себя внимание с другой стороны — своей эксцентричностью. Например, спустя несколько лет семейной жизни Фрида заявляет журналистам, что, как художница, она значит больше, чем ее муж. Не

известно, оскорбился ли Диего. И была ли это непростительная ошибка с ее стороны. В данном случае рискнем предположить, что нет. У их живописи разные цели: у него — сказать миру свое слово, оставить свой след; у нее — выжить, убежать от реальности. Диего Ривера хорошо осведомлен в отношении этого, хотя наверняка ему неприятен мятежный вызов жены. Вообще, Фрида то и дело намеревается продемонстрировать свою бескомпромиссность, и это только один из череды подобных эпизодов. Как будто должно быть наоборот: жене следует искать зацепки в виде уступок, но что делает она? На фоне потрясающего выражения своей любви к мужу она твердит о неких правилах в отношениях с нею. Везде и во всем поддерживая мужчину, она заявляет о недопустимости его привычных внесемейных походов. Как известно, демон не укрощается.

В конце концов через пять лет супружества произошло худшее из того, что могло произойти: у Диего Риверы возникла физическая близость с младшей сестрой Фриды. Последняя обвиняет сестру в предательстве, считая, что та поступила так из банальной зависти. Для Диего, который сексуальную свободу сделал своей доктриной, это уже не первая измена с младшей сестрой жены — точно такой же удар он с садистской методичностью нанес Фридиной предшественнице. Но Фрида Кало — совсем другое! Для вампира с замашками гения она превратилась в подлинный идеал женщины. Необыкновенная сила ее противостояния обстоятельствам была частью очарования, самой привлекательной и обожаемой им частью личности. Ее жизнь превратилась в культ инстинкта, в вечную борьбу за жизнь. И при этом она не отходила от правил.

Разлад отношений тянулся долго, как будто они растягивали некий канат в разные стороны. У каждого возникали свои связи, сумасбродные увлечения, свои эпатажные выходки. Через

десятилетие совместной жизни они все же развелись. Кстати, нельзя исключать, что причиной развода стала ревность художника к успеху своей жены, — именно после сенсационного успеха ее выставки в Париже (когда даже Лувр приобрел одну из картин) Диего заговорил о разводе. Но развод продлился недолго. Дальше — самое интересное в их союзе, потому что он не умер, а трансформировался в договоренность двух разобщенных тел и влюбленных душ. Как Вирджинии Вульф психологические травмы не позволяли испытывать наслаждение в любви, так Фрида Кало была лишена этого из-за последствий аварии. Но, как ни странно, именно проблемы создали предпосылки для появления душевного шарма, духовного влечения к ним мужчин, еще более неотвратимого, чем при близости пылающих от страсти тел. Уже через год после развода Диего и Фрида опять поженились, правда, совсем по-иному выстроив свои отношения.

Кто-то может назвать второй брак бывших партнеров имитацией, жалкой пародией и, может быть, по-своему будет прав. Но в данной ситуации важно, как наши герои сами воспринимали действительность. Для обоих это был способ приукрашивания своей жизни и своих образов. Для чего? Договоренность предполагала отказ от физической близости и самостоятельную заботу Фриды о своем финансовом положении. Эти ее требования только на первый взгляд кажутся странными, но они — воплощение ее представлений о независимости. Партнеры создали только союз творческих личностей, и цель такой, казалось бы, невнятной архитектуры заключалась в посягательстве на бессмертие. Любвеобильный Диего отлично знал: войти в бессмертие можно только вместе с Фридой — женщиной, научившейся раздвигать время и пространство. Ни одна из его пассий, используемых лишь для физической любви, не могла приблизиться к Фриде хотя бы на

дистанцию видимости. Только она одна сама выросла до символа и наделила такой же способностью и его — неисправимого пилигрима похоти. Не потому ли, когда через три года после смерти жены пришел последний час Диего, он завещал, чтобы прах его смешали с прахом Фриды.

Несмотря на то, что героини этой главы не сумели стать полноценными женами для избранных ими мужчин, они сумели оказаться в роли полноценных подруг. И оставили замечательные уроки партнерства и создания для себя приемлемой атмосферы жизнедеятельности. Они реализовывали себя в социально значимых областях, умело совмещая эти области с нестандартными границами своих побуждений.

Образы таких неординарных и во многом маргинальных женщин пролили свет на альтернативные аргументы прекрасного пола. А именно: *важнейшим козырем женщины может быть интеллект*, который часто приковывает внимание мужчин отнюдь не меньше, чем физические достоинства или природное обаяние. Мужчины готовы признать интеллект силой женщины и стремятся дружить с такими особами. И если только дружба входит в планы самих женщин, то это становится одним из действенных способов построения линии судьбы, часто отличной от традиционной. Ведь стоит согласиться: никакой, даже самый славный стереотип не в состоянии превозмочь особенности личной природы. Можно сказать и по-другому: жизнь, организованная не сообразно собственной природе, вредна и вскоре даст сбой.

Эти женщины не создали идеального брака — он был за скобками их природы, но приоткрыл завесу над применением тайного оружия — самодостаточности и духовной силы. Вовсе не случайно Вирджиния Вульф задавалась нетривиальным вопросом о ресурсах: «Без толку размышлять о том, что было

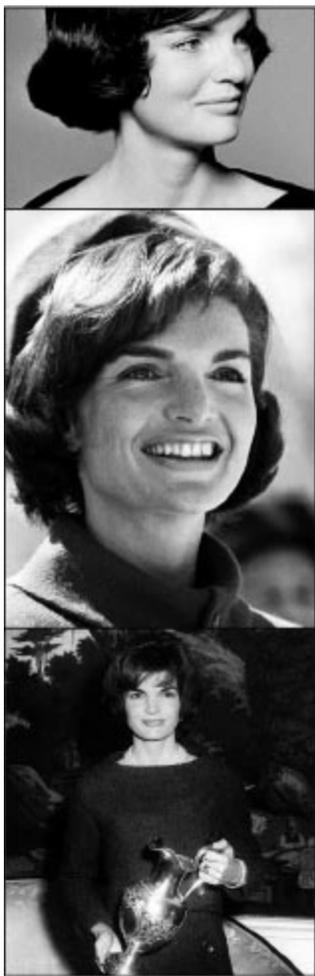
бы, если бы наши матери накопили деньги и вложили их в строительство колледжа или библиотеки: женщинам ведь негде было зарабатывать, а если кому-то и случилось бы заработать, то эти деньги по закону им не принадлежали». Ей вторит и Фрида Кало, когда говорит возлюбленному, что условием их союза будет ее способность заботиться о себе материально. Словно они напоминают современной женщине о том, что всегда, при всяких обстоятельствах ей лучше быть социально независимой. Это, по меньшей мере, сохранит душевную целостность и уважение к своей личности.

Во все времена лучшие мужчины обращали свои восхищенные взоры на женщин, демонстрировавших мощь личности; им они дарили вечную любовь, даже когда предавали плоть. Ничего не меняется, даже если женщина имеет психические или физические изъяны. И та женщина, которая способна дать мужчине нечто большее, чем просто любовь, близость, уют, комфорт, всегда может рассчитывать быть произведенной в королевы, богини или святые.

Что же до мужчин, то тут еще проще: во все времена лучшие мужчины обращали свои восхищенные взоры на женщин, демонстрировавших мощь личности; им они дарили вечную любовь, даже когда предавали плоть. Героини этой главы лишь подчеркивают: ничего не меняется, даже если женщина имеет психические или физические изъяны. И та женщина, которая способна дать мужчине нечто большее, чем просто любовь, близость, уют, комфорт, всегда может рассчитывать быть произведенной в королевы, богини или святые.

Глава седьмая. Триумф и ошибки статусной леди

Упомянутый образ: Жаклин Кеннеди-Онассис

Для многих женщин имя Жаклин Кеннеди-Онассис неразрывно связано со словом «успех». Или даже «сногшибательный успех». А некоторые даже доходят до того, что называют ее одной из наиболее выдающихся женщин XX века. Словом, загадочную и противоречивую Жаклин знают очень многие, и этот факт стал причиной посвящения ей главы. Споры нет, Жаклин показалась на авансцене истории как яркий самобытный персонаж. Однако далеко не все так однозначно в

ее судьбе. На примере Жаклин девушки вполне могут учиться привлекать в свою жизнь могущественных мужчин, решая задачу удачного замужества. И даже брать на вооружение ее действительно мудрые поступки в качестве жены президента крупнейшего по влиянию государства, умение терпеть удары судьбы и жить дальше. Но наряду с этим уроки от зрелой Жаклин содержат и опыт недопустимых, кощунственных поступков. Безрассудных действий, которыми женщина сама себя преждевременно разрушает и уничтожает. В итоге некогда успешная и влиятельная дама не-ожиданно предстает перед внимательным наблюдателем совершенно несчастливой, дисгармоничной, с вполне логическим жизненным фиаско. Причин тут немало, но представляется, что основная кроется в *отсутствии способности перейти на новый уровень* вместе с течением реки времени, уловить, что человек не имеет права оставаться статичным в своем мировосприятии.

Кроме того, для женщины, столь широко известной, в силу сплетения исторических обстоятельств несущей определенный стандарт женственности, игнорирование нравственных символов становится той отравленной стрелой, которую она сама выпускает себе в сердце. Такая личность часто становится открытой и беззащитной мишенью для слишком многих, считающих себя оскорбленными. Но нет ничего более губительного, чем свои собственные разрушительные намерения. В этом контексте опыт Жаклин Кеннеди-Онассис уникален. Таким образом, эта женщина в первой половине своей жизни (до убийства мужа-президента) может служить для женщин моделью, даже неким эталоном успеха, во второй же половине — яркой иллюстрацией самоуничтожения. В любом случае не лишним представляется развеять миф о броской красавице, всю свою жизнь изящно перешагивавшей по пенящимся гребням удачи.

Начать стоит с самодостаточности девушки по имени Жаклин Бувье, что, несомненно, предопределило ее не лишенное божественной расположенности триумфальное шествие. Вселенная, как известно, открывает объятия для ищущих и целеустремленных, а именно такой была Жаклин в молодости. Отец, обожавший своих очаровательных дочерей Жаклин и Каролину (которую чаще звали Ли), постарался обеспечить девочкам образцовое образование. Хотя некоторые исследователи склонны к идеализации сестер и даже твердят об их выдающихся талантах, на самом деле преувеличения тут излишни. Они, правда, являли собой пример хорошо воспитанных, милых, достаточно обласканных девочек, радующих родителей успехами в школе, преуспевающих в социальной среде, демонстрирующих чудесные результаты в освоении гуманитарных дисциплин. Таких встречается много, хотя лишь некоторые научаются конвертировать знания в конкретные результаты. Серьезная литература, отменно подобранное окружение, элитные учебные заведения, постоянное натаскивание со стороны родителей — все это способствовало развитию не столько эрудиции, сколько тонкого, чувствительного ума, незаурядных способностей быть желанными собеседницами и вообще заметными особами в любом обществе. Такие девицы обычно украшают любые вечеринки, и следует особо подчеркнуть, что мать осознанно и последовательно готовила дочерей к выверенному во всех отношениях замужеству, то есть к браку по расчету. Это походило на выращивание искусственных жемчужин.

Если говорить об образовании будущей первой леди Америки, то она по велению родителей бесконечно меняла одно престижное учебное заведение на другое. Ее убеждали, что она должна превратиться в блистательную невесту из так называемого высшего общества. Однако гораздо важнее этих

психологических установок (которые современная девушка вполне способна освоить и без помощи родителей) оказалось самостоятельное приобретение профессии и довольно престижной работы. После успешной учебы во Франции (Гренобль, Сорбонна) и Вашингтонском университете Жаклин стала бакалавром французской литературы и начала работать фоторепортером в солидном издании в Вашингтоне. То есть она самостоятельно зарабатывала деньги на жизнь (отец посылал ей ежемесячно 50 долларов, а ее собственный заработок составлял 56 долларов в неделю), в 22 года уже прослыла перспективной фотожурналисткой и могла самолично строить карьеру и личную жизнь. Это крайне важно, потому что давало ей определенную независимость, временной маневр, свободу выбора.

Хорошим подспорьем в жизни стало и то, что называют «блестящим светским образованием», то есть весьма поверхностное знание множества тем для утонченной беседы. Без преувеличения это была ее точка отсчета — стабильная, взыскательная, позволяющая сделать старт в любом направлении. Но карьера мало заботила напичканную различными установками девушку, — она представляла собой прекрасно тренированный образчик невесты, пусть в чем-то примитивной, но вовсе не наивной, точно улавливающей потребности сильных мужчин, умеющей обольстительно улыбаться, разумно беседовать, подавать многозначительные и вполне естественные сигналы будущей надежной жены. Ну и, конечно, Жаклин излучала саму нежность своими большими влажными глазами, демонстрировала изысканную грацию и загадочность. Она походила в то время на породистую пушистую кошечку, научившуюся волшебным мурлыкать в нужный момент. Пожалуй, имея твердую цель выйти замуж, она недолго задержалась бы в качестве перспективной невесты.

Как Жаклин искала спутника жизни? На первый взгляд, тривиально просто: на всякого рода вечеринках, так называемых пати. Казалось бы, ничего оригинального. Не совсем так. Жаклин сделала своей непреложной задачей войти именно в самое высшее общество и только там высмотреть себе кандидата. Никакое веселье, никакие забавы не захватывали ее — все направлялось на решение глобальной задачи. Не обошлось, впрочем, без взбучек со стороны родителей. Когда Жаклин сделала первую пристрелку, а мать выяснила, что потенциальный избранник не собирается срывать с неба звезд, не очень-то богат да и не особо перспективен, между ними возник неприятный жесткий разговор. Дочери было сделано внушение, причем со стороны обоих родителей (кстати, к тому времени давно разведенных), после чего взгляд ее стал скользить по фигурам высшего уровня. И Жаклин оправдала надежды: через некоторое время на одном из светских приемов она сумела обратить на себя внимание молодого человека из очень богатой и очень уважаемой семьи. То был Джон Кеннеди, бывший морской офицер, а в тот момент перспективный политик. За взбалмошным, довольно эксцентричным молодым человеком стоял целый семейный клан с устоявшимися традициями, выверенными принципами и претенциозными задачами.

Жаклин не составляло труда выяснить, что Джон сам имеет грандиозные планы в политике, да и ресурсы позволяют ему вести крупные игры. Эти ресурсы казались скромной девушке-репортеру несметными богатствами (считалось, что отец Джона Джозеф Кеннеди владел 400-миллионным состоянием). Итак, Жаклин постаралась, и он увлекся. Вот тогда-то и возникла рискованная шахматная партия, — авантюрная натура Джона требовала порой слишком многого, и девушке следовало быть начеку. Он вел себя грубовато и настойчиво — мог, к

примеру, затеять секс в автомобиле (не известно, до чего у них доходило, зато хорошо известен случай, когда их застиг полицейский, к счастью для пары, достаточно деликатный, чтобы не раздуть неприятную историю). Или побаловать девушку виски с сигарой. А может, было и покрепче. Вообще-то, за Джоном еще с армии тянулся шлейф заядлого гуляки, к тому же весьма неразборчивого и рискованного: поговаривали, что в его арсенале были темные похождения, даже оргии. По меркам начала XXI века такого молодого человека назвали бы отъявленным мажором, и он, собственно, таким и был, вовсе не стесняясь своих дурных замашек.

Его тихая возлюбленная по имени Жаклин попросту многого не знала, но, конечно, многое чувствовала. Вообще, малышка Бувье вела себя образцово. С потенциальным женихом она старалась балансировать на грани возможного, не теряя предусмотрительности и благоразумия. Зато очень быстро разобралась с центрами влияния на него. Таким был его могущественный папаша Джозеф, — его-то и вознамерилась покорить юная леди. И когда ветреный Джон привез девушку домой, как говорится, на смотрины, Жаклин весь свой талант и незаурядные способности употребила для того, чтобы продемонстрировать потенциальному свекру, насколько серьезным и взвешенным является ее мировоззрение, насколько благополучно будет ощущать себя его сын, если свяжет судьбу с нею. Направление главного удара девушка избрала верно, и результатом стала помолвка. Жаклин могла петь от счастья — ведь ее жизненно важная задача была решена всего за полтора месяца!

Надо отдать должное, Жаклин не только соответствовала супругу, но во многом превосходила Джона, у которого нередко прорывалась неотесанность бывшего вояки.

С нею он стал сдержаннее, терпимее к окружающим, дипломатичнее в ведении переговоров, последовательнее в обещаниях.

Вероятно, потому, что родители Жаклин жили между собой плохо, непрерывно ссорясь и взращивая взаимную враждебность, сестры тихо вздыхали, мечтая создать свои семьи успешными. Неудача родителей во многом предопределила формат построения семьи молодой женщиной, которая во всех отношениях постаралась закрепить свое положение. Надо отдать должное, она не только соответствовала супругу, но во многом превосходила Джона, у которого нередко прорывалась неотесанность былого вояки. Как хозяйка роскошного дома, Жаклин вполне преуспела, хотя нередко ей приходилось туго. Щедрый супруг позволил ей обустроить все на свой лад, и Жаклин показала, что имеет безупречный вкус. Самой лучшей оценкой Жаклин того времени стали слова-сравнение кого-то из друзей семьи о том, что посещение дома Кеннеди сродни походу в бесподобную галерею. Неспешно и аккуратно женщина пыталась влиять на мужа, — например, увлечь его поэзией или обсуждением заметных событий культурной жизни. Джон иногда подыгрывал, но в целом оставался безнадежно поверхностным. Истинная же заслуга жены состояла в том, чтобы это последнее было как можно менее заметным. И уж, конечно, в том, чтобы никому и в голову не пришло, будто бы она старается переделать мужа. Или порой выглядит выгоднее его.

С точки зрения организации семьи, они были обычной парой, на этот счет не стоит строить иллюзии. Просто парой из мира богачей, к тому же живущей на виду с самого первого дня. Говорят, что Жаклин помогала спичрайтеру Джона Кеннеди выпустить книгу статей шефа, ибо «автор» не обладал

нужными способностями. Возможно, это общее место: многие знают, как создаются опусы известных политиков. Гораздо важнее то, что она по-женски все же повлияла на имидж мужа: с нею он стал сдержаннее, терпимее к окружающим, дипломатичнее в ведении переговоров, последовательнее в обещаниях. Вообще, Жаклин гораздо лучше понимала оттенки речи и сумела привить мужу большее уважение к слову.

Терпение и деликатность Жаклин Кеннеди также следует отметить. Ей, с ее склонностью к уюту и закрытости личного мира от посягательств толпы, нелегко было привыкнуть к невообразимому количеству гостей, причем малознакомых или вовсе незнакомых. Но она привыкла, безропотно исполняя роль хозяйки-распорядительницы большого дома. Тут она становилась важной персоной в политике Кеннеди — ей следовало многое понимать, многое успевать, правильно оценивать, со многими входить в определенные, порой доверительные отношения. Это можно обозначить как «работать женой политика», и с этой работой Жаклин справлялась вполне. Вряд ли кому-либо приходило в голову ее упрекнуть. Зато у нее самой возникали поводы для обид, в частности такие чувствительные темы, как периодические загулы мужа. Джон Кеннеди мог пропадать на пару суток, и, как утверждали злые языки, далеко не всегда это были политические совещания. Однажды после одной из таких поездок Жаклин заразилась от мужа венерическим заболеванием. Но нашла в себе силы молчать. В течение девяти лет совместной жизни с Кеннеди Жаклин стоически выдержала такие страшные испытания, как почти непрерывные потери детей. Из пяти беременностей на свет явились только двое — сын и дочь.

Один случай чуть не оказался летальным: женщина едва выжила, а ее муж-сенатор в это время катался на яхте по

Средиземному морю. Свои трагедии Жаклин строго хранила в себе, и даже сестра Ли не имела представления о нюансах ее интимной жизни. Даже когда ей перешла дорогу надрывная и эпатажная Мэрилин Монро, Жаклин смолчала. Хотя наверняка была хорошо осведомлена относительно интимных связей мужа-президента с актрисой. Это очень похвально — защита семейного пространства, но, к сожалению, со смертью Джона Жаклин постепенно забудет о необходимости неусыпно стоять на страже своих энергетических интересов. К тому же у нее со временем развился нехороший «пунктик» — небывалая, постепенно набирающая силу страсть к пустому мотовству. Это было похоже на финансовую булимию — она «проедала» гигантские суммы, словно в отместку за прегрешения мужа.

Сделала ли Жаклин из своего принца короля? Стал ли бы он без нее 35-м президентом Соединенных Штатов? Разумеется, невозможно доподлинно ответить на такие вопросы. Но ясно одно: Жаклин заметно стимулировала потенциал Джона Кеннеди. Она выполняла эту свою функцию безукоризненно, порой рискуя здоровьем и даже жизнью. Если Джон чем-то и походил на драгоценный камень, то именно она стала его искусной огранкой, которая приковывает внимание ценителей. Именно поэтому Жаклин вошла в историю как неординарная женщина. Довольно средние качества своего супруга она сумела преподнести как выдающиеся, а вездесущие масс-медиа расцвели картинку пышными красками. Авторы, склонные к возвышению Кеннеди, называют его мудрым политиком, отличным семьянином, отцом и символом нации. Если бы это было так! Если бы это было так, то его жизнь не оборвалась бы столь трагически. Мир не оказался бы на грани глобальной катастрофы по вине 35-го американского президента и не менее безумного советского лидера Никиты Хрущева. А история о том, что Америка имела выдающуюся семью, — не более чем

миф для людей, не утруждающих себя самостоятельным анализом. Однако нельзя отнять у Жаклин того времени ее искренние и неустанные старания исключительно позитивно влиять на мужа.

Но, может быть, девятилетняя ноша оказалась слишком тяжелой для потрепанной трагедиями психики? Так или иначе, но после убийства Джона Кеннеди Жаклин стала меняться — и далеко не в лучшую сторону. Она более не справлялась с собой, дала волю многим тайным желаниям, стала поступать вопреки совести, как будто отыгрываясь за поступки своего первого мужчины. Возникла спорадическая связь с младшим братом Робертом Кеннеди, уверенно идущим в политику вслед за Джоном (при этом Жаклин и жена Роберта Этель дружили и, как говорят, вполне искренне). Был и не менее головокружительный роман с известным актером Марлоном Брандо. Не кривящие душой исследователи пишут и о других умопомрачительных приключениях вдовы — с бывшим министром обороны Макнамарой, с его заместителем Гиллпатриком, с испанским послом в Ватикане Г арригесом. Да мало ли еще с кем. Возможно, это был способ преодолеть депрессию, которая переросла в настоящую болезнь после убийства Роберта Кеннеди...

Вот тогда-то и возник Аристотель Онассис, который оценил привлекательность Жаклин еще пять лет назад, во время ее отдыха с сестрой на его роскошной яхте. Стремилась ли Жаклин обольстить богача? Вряд ли, скорее она просто благосклонно приняла его ухаживания, все хорошенько взвесив. При его видении мира она сама по себе являлась капиталом — как женщина, которая была женой президента США. Кажется, что для Онассиса и его прежняя возлюбленная Мария Каллас была, в первую очередь, покоренной великой певицей, а не просто любовью. Вероятно, оттого с его стороны и последовало

незамедлительное предложение для Жаклин. С какой целью она приняла это предложение? Конечно, можно говорить о желании основательно обезопасить себя и детей. Можно говорить о внезапно возникшей симпатии. Хотя вряд ли умная женщина могла искренне полюбить такого, в общем, недалекого мужчину, как Онассис: Жаклин была личностью, Онассис же — просто богатым человеком, нуворишем. Но жизнь личности дала трещину, а тут еще и жажда тратить деньги. И Жаклин согласилась. Это была обыкновенная сделка, хотя и выверенная, помпезно осуществленная, но на деле жалкая, лишенная мудрости, с привкусом вторичности. Так она совершила непростительный обмен — рассеяла магическое сияние вокруг своей личности, бросила под ноги авторитет ради больших денег. Кажется, она просто не хотела думать, — привычка мыслить и брать ответственность за принимаемые решения изменила этой сильной женщине.

Что было дальше, нетрудно догадаться. Жаклин безнадежно утонула в мишуре. В 39 лет она совершила крутой поворот от самой себя. Ей хотелось простого повторения сказки, тогда как время требовало деятельных перемен к развитию и усовершенствованию в духовной плоскости, — но к ним она не приблизилась. К тому же Жаклин косвенно разбила жизнь Марии Каллас, совсем как та — жене Онассиса Тине (к слову, Тина загадочно умерла почти сразу же после второго замужества, в результате чего тень была брошена и на стареющего миллиардера). Очень скоро Жаклин с горечью осознала, что Аристотель Онассис — абсолютно неподходящая кандидатура на роль сказочника. Все, что мог ей дать владелец парашоудов и яхт, — это деньги. Только деньги, не более. Она же некоторое время как бы платила ему... качественным сексом. Известно, что Жаклин даже посещала сексопатолога и тщательно изучала все, что касается мужского удовольствия.

Это говорит еще и о том, что Жаклин в прежней жизни для Джона Кеннеди была исключительно женщиной для семьи (в которой секс оказывался далеко не первым приоритетом, и не исключено, что Джон потому и старался добирать недостающее на стороне), с Онассисом же ей пришлось учиться быть женщиной для любви. В семье Кеннеди она, жена и мать, была на своем месте; тут же, в роли «законной любовницы» чувствовала себя неуютно. Более того, межличностное общение несоизмеримо важнее того, что происходит в постели. И потому очень скоро в обществе Онассиса — этого не более чем богатого дикаря — Жаклин почувствовала себя несчастной. В том, что она купала обувные бутки, драгоценности, меха, было мало смысла. Прозорливые биографы утверждали, будто так она мстила мужу-миллиардеру. Ценность своей личности Жаклин этим браком попросту обнулила. Далее последовали скандалы и даже рукоприкладство. Наблюдатели подсчитали, что из семи лет супруги едва ли прожили вместе три года. Чувствуя свою личностную неполноценность, Аристотель всячески стремился унижить жену. Но и Жаклин опускалась все ниже и ниже: целыми днями валяясь в постели или занимаясь пустым шопингом, она бесцельно существовала, разрушая самое себя.

Когда 75-летний миллиардер умер, Жаклин после довольно некрасивой тяжбы с его дочерью стала миллионершей. Но вряд ли это принесло ей счастье. Овдовев во второй раз, она, как тонущий хватается за соломинку, искала любой возможности глотнуть любви. А она и была тонущей, просто еще не знала этого. Череда влюбленностей, странных связей, безудержных контактов — и бесконечные скандальные публикации с обидными заголовками. В своем судорожном поиске Жаклин разбивала семьи, издевалась над влюбленными, смеялась над чувствами. Это была агония некогда достойной принцессы и

блистательной королевы — агония как следствие непрерывной цепи проб и ошибок.

Хочется сравнить судьбу Жаклин с женской долей матери Джона Кеннеди — Розы Элизабет Фицджеральд. Красавица в молодости, не теряющая очарования в зрелые годы, она после гибели двух сыновей нашла в себе силы вести жизненную линию в однажды избранном направлении. Эта незаурядная женщина, исполненная любви, милосердия и всепрощения, сделала из своей жизни насыщенный, содержательный проект — родившись в далеком 1890-м, она ушла в небытие в 1995 году. Не менее интересной оказалась и судьба сестры Жаклин — Ли Радзивилл. Хотя ее личная жизнь не стала образцовой, ее козырями всегда оставались соответствие уровню высокой аристократки, изысканный, почти безупречный вкус, забота о теле и мысли. И вполне последовательная творческая деятельность как автора нескольких книг. Автобиографическая книга «*Что остается: память судьбы, дружба и любовь*» стала бестселлером на Американском континенте. Она всю жизнь оставалась светской львицей, но именно к этому и стремилась, демонстрируя один из свободных выборов для женщины. С точки зрения собственных, пусть и лишенных величия интересов, ей удалось не потеряться, вовремя находя новые уровни, новые формы самореализации, общения с миром.

Во время своего последнего замужества Жаклин совершила попытку вернуться к себе, обратиться к собственному внутреннему голосу — она стала работать в издательстве редактором. Стала меняться внутренне, очищаться от всей той грязи, что облепила ее за долгие годы. Кажется, именно это дало ей отсрочку; она интуитивно почувствовала, что должна заниматься чем-то важным, что захватывает и увлекает, приносит моральное удовлетворение.

Однако вернемся к Жаклин. Проблеск света в ее жизни все-таки явился, но, пожалуй, слишком поздно. Она обрела последний союз — но вовсе не с мужчиной голливудской внешности, а с тучным лысым женатым коротышкой-миллионером Морисом Темплсменом. Впрочем, ее последний спутник был добрым, заботливым, неунывающим и, главное, любящим. В который раз показав свою хищническую натуру, Жаклин отбила его у семьи, как трофей. Покладистый Морис оказался самым достойным из мужчин, на которых когда-либо падал взгляд этой далеко не святой женщины. Неутолимая страсть Жаклин наконец сменилась тихим общением. Когда пришло время, Темплсмен стойко оставался с нею до конца, борясь за нее, утешая ее и проводив в последний путь — успокоившуюся, но так и не отыскавшую себя.

Во время своего последнего замужества Жаклин совершила попытку вернуться к себе, обратиться к собственному внутреннему голосу — она стала работать в издательстве редактором. Стала меняться внутренне, очищаться от всей той грязи, что облепила ее за долгие годы. Кажется, именно это дало ей отсрочку; она интуитивно почувствовала, что должна заниматься чем-то важным, что захватывает и увлекает, приносит моральное удовлетворение. Это вполне симптоматично: творческая натура отчаянно пыталась самоисцелиться. Но, вероятно, уже было поздно... Однако в этом шаге проскальзывает и другое — скудость идей. Бывшая первая леди не сумела отыскать для себя достойной миссии, даже при помощи больших денег. Ее личностный потенциал подкосили годы бездумных любовных походов и череда недобрых поступков, — к моменту прихода в редакцию женщина тащила за собой целый ворох проблем. Но ей определенно стало лучше. Жаклин даже стала успокаиваться душой, хотя по-прежнему панически боялась увядания —

первый признак неспособности перейти с возрастом на новый уровень. Здоровому образу жизни и духовному развитию она предпочитала скальпель хирурга, стероидные препараты и прочую химию — не слишком верный выбор.

Что же на самом деле произошло с Жаклин Кеннеди-Онассис? Простейший анализ свидетельствует о ее глубоко засевавшей обиде. Она оказалась не в состоянии оказаться выше потрясших ее невзгод и отпустить их от себя. Смерть двух Кеннеди и все последующие сумбурные решения и бездумные связи явились циничным ответом на вызовы судьбы. Стоит заметить, что много позже произошедших с Жаклин событий известный психиатр Редфорд Вильямс определил три сферы враждебных реакций: *отношения, эмоции и поведение*. Так вот, согласно Вильямсу, основу враждебности в отношениях составляет цинизм, который «обесценивает и разрушает добрые намерения». Фундаментом враждебности в эмоциональной сфере является гнев, в поведении — агрессивность. В ситуации с Жаклин здесь полное совпадение. Из ее обиды на судьбу и на весь окружавший ее мир людей вытекают все те циничные, гиблые поступки, начало которым было положено со вторым замужеством. Они-то и привели женщину к информационному сбою, потере себя, забвению личности, а затем и к смертельной болезни.

... Лимфома уничтожила Жаклин Кеннеди-Онассис в течение трех месяцев. «Иконе стиля», как ее нередко называли во время всемирной популярности, было 64 года. Так ушла женщина, которой восхищался и которую не понимал XX век.

Глава восьмая. Феномен асимметричной растяжки

Упоминаемые образы: Аспазия, Софи Лорен

Часто говорят, будто сила женщины заключена в ее красоте. Ничего подобного! Пестрая, с бесчисленным множеством полутонов, история отношений женщин с противоположным полом упрямо твердит о том, что истинная сила женщины проявляется в ее небывалых способностях к асимметричным действиям и поистине сказочной эластичности ума. Это даже не хитрость, потому что хитрость должна направляться против мужчины. Как в истории о силаче Самсоне, лишившемся чудодейственной силы вследствие коварства Далилы.

Асимметричность — это нечто иное. А именно — *свойство направить фантазию в область непостижимого для мужчины, всегда неожиданного и нередко противоположного его ожиданиям*. В итоге прямолинейный мозг мужчины словно перегорает, подобно устаревшей системе управления, не справляющейся с задачами нового времени.

Логическая посылка таких женщин часто рискованная. Но вместе с тем она революционная. Она может иметь приблизительно такое звучание: «Я — лучше, чем любая другая, несмотря ни на что! Я уверена в своем превосходстве, и именно поэтому я отпускаю мужчину, даю ему свободу выбора». Именно в свободе выбора кроется гордиев узел для мужчины. Потому что мужчина чаще всего полагает, что избранница выдвинет особые требования в отношении его общения с другими представительницами противоположного пола на все времена. Но такие женщины, как Аспазия или Софи Лорен, сумели продемонстрировать иную парадигму отношений, которая подняла их до уровня величавых и непостижимых королев. С самого начала они имели дело фактически со сформированными королями, но их задача простиралась гораздо дальше, нежели просто привлечь и удержать весомого в обществе мужчину. *Их идея состояла в том, чтобы мужчина собственноручно приковал себя*. Они продемонстрировали мужчинам такой редкий и действенный инструментарий воздействия, который не применял практически никто. Это стало возможно, прежде всего, благодаря их личностной самодостаточности. То есть они вполне могли бы жить и делать то, что делали, без всякой помощи мужчин, благодаря персональному авторитету в социуме. Но энергия, направленная на возвышение любимых мужчин, позволила им не только тайно или явно покорить их, но и оставить неординарный отпечаток сугубо женского могущества.

Ментальная сила асимметричного воздействия Аспазии настолько впечатляет, что даже через 25 веков остается актуальной для анализа. И применимой. Поистине вневременной интеллект, оставивший всем женщинам планеты яркий поучительный образец отношений с мужчинами. Гетера, которая покорила вождя афинян Перикла непревзойденной силой ума, даже не будучи его законной женой (согласно местным законам их брак был бы попросту недействителен), прослыла «некоронованной царицей» и одной из самых влиятельных женщин своего века. Аспазия жила в эпоху вопиющей несвободы женщин, почти официально признанной в обществе их второсортности. В браке женщины были обречены на затворническое положение наполовину рабыни — наполовину скромной и отрешенной от социальной жизни воспитательницы потомства, что однажды и побудило Сократа посчитать счастьем, что он мужчина, а не женщина. Но Аспазия предпочла скучному прозябанию вызывающую раскованность и свободу жрицы любви, сосредоточившись на приобретении знаний и воспитании тонкого вкуса.

Гетеры, или спутницы в переводе с греческого, были не совсем проститутками, хотя и продавали свое общество за немалое вознаграждение. Главным было то, что их образ жизни отвечал собственному выбору мужчины, при этом гетеры вполне могли реализовываться как личности. Некоторые из них достигли громадной популярности и запечатлелись как лучшие из представительниц прекрасного пола античности. Скажем, Фрина, позировавшая Праксителю при создании статуи Афродиты Книдской. Или подруга знаменитого мыслителя Диогена Лаиса, которая и сама прославилась как женщина-философ с острым умом и тонким пониманием мира. Несколько позже — Таис Афинская, которая некоторое время была подругой Александра Македонского. К достижению такого

положения — шаткого, но многообещающего, великого, но и приземленного, стремилась и Аспазия. Для женщин того времени это было искусство возможного, для современных женщин такой пример может послужить возможностью *перевести отношения в плоскость искусства*, стать женой и подругой одновременно, что мужчина ценит в женщине более всего.

Не лишенная природного обаяния (хотя вряд ли красавица), развившая собственными усилиями свою способность очаровывать, молодая женщина за счет покровителей-любовников быстро создала капитал, вполне достаточный для безбедной жизни. Но вовсе не деньги и тем более не жажда наслаждений привлекали Аспазию, постигшую многие философские истины, жаждущую раскрыться как личность и мечтавшую о подлинной любви с равными отношениями. Она осознанно устремилась в процветающие Афины, где усматривала для себя больше возможностей. Она искала не просто нечто лучшее, но золотonosный прииск. Ловила не просто значительного мужчину — ей нужна была выдающаяся личность или личность, обладающая такими задатками. Она нацелилась не столько на яростную безудержную любовь, сколько на отношения, утверждающие приоритет личностных достоинств.

Чтобы привлечь к себе внимание, Аспазия открыла салон. Это был не просто публичный дом, коих в те времена было предостаточно, поскольку общество признавало их необходимость. А именно салон, в котором, среди прочего, проводились философские дискуссии на самые серьезные темы. Слухи о незаурядной женщине и ее заведении быстро распространились по столице Эллады. Сначала любопытство, а вскоре и желание прикоснуться к уникальному миру стали причиной появления в салоне Аспазии лучших людей того

времени, среди которых был и молодой Сократ. Вскоре бывать у Аспазии стало данью моде, — впервые в истории женщине удалось создать новый стандарт, новый ориентир для мыслящей части общества.

Первый человек в Афинах полководец Перикл достиг почти 50-летнего возраста, когда свою деятельность в столице начала эта женщина с заоблачными амбициями. Аспазия не делала ставку конкретно на Перикла — по обыкновению замкнутый и нелюдимый стратег вообще никогда не посещал подобных мест. И, кажется, просто случай или, может быть, распространившаяся слава салона Аспазии спровоцировали олимпийца, как его величали, изменить своим привычкам. Или философствующий 19-летний Сократ, который к тому времени был тайно влюблен в Аспазию, уговорил Перикла на такой визит. Этого доподлинно не знает никто. Однако известно, что появление главы Афин у Аспазии возымело эффект попадания мощного зверя в хитроумно расставленные силки: чем больше трепыхался Перикл, тем сильнее увязал в совершенно новой ментальной субстанции. Мужчину будто приворожили. И это понятно. Никогда еще он не встречал в одном лице и очаровательную женщину, и неподражаемую собеседницу.

Тут самое время еще раз подчеркнуть, что женская внешность играла и продолжает играть в завоевании мужчин второстепенную роль. Убедительным доказательством в нашем случае может служить тот факт, что в те времена у мужчин не было ограничений в делах амурных, и царствующий Перикл мог получить столько любви, сколько ему было необходимо. Тем более весомым в этом контексте становится отношение вождя к гетере. До нее были просто женщины, с которыми он мог забиться на короткое время. Еще была жена, которая родила ему двоих сыновей, но духовной близости с которой не могло быть в принципе. Область жен — это лишь пространство

добродетели, в лучшем случае. Они мало претендовали на владение искусством любви и еще меньше — на статус подруги, с которой можно было бы обсуждать на равных серьезные вопросы. Тут же явилось нечто иное — волшебство, сводящее его с ума.

Прошло совсем немного времени, и Перикл развелся с женой, впрочем, ловко выдав ее замуж за богатого молодого человека. А Аспизию ввел в свой дом в качестве, как сказали бы сейчас, гражданской жены. Дальше наступил самый главный и самый загадочный период, потому что невозможно сделать короля из короля. Это в обычном понимании. Однако хорошему предводителю можно помочь приобрести превосходную степень, достичь полноты совершенства. За эту сложнейшую задачу и взялась отважная женщина, которой в итоге удалось редчайшее из женских достижений — стать одновременно и женой, и близким доверенным советником. Аспазия с поистине аптекарской тщательностью отфильтровала окружение Перикла, и нежелательные люди попросту оказались отсеченными от пространства их семьи. Она проявила весь свой утонченный талант организатора, чтобы дом Перикла превратился в изысканный форум для виднейших личностей того времени. Тут не просто общались могущественные фигуры, тут осуществлялась большая политика. И неизменно искусная фея из тени управляла этим процессом, умело оказывая влияние на государственных мужей, фактически принимая негласное участие в появлении на свет тех или иных решений. Как отмечает польский историк Александр Кравчук, это привело к почитанию Аспазии как одной из самых мудрых женщин не только ее возлюбленным, но и всем полисом. За исключением, конечно, недругов и завистников, которые в таких случаях появляются всегда.

Немаловажно, что Аспазия выступила законодателем нового стандарта относительно положения женщин. Ведь до этого женщины никогда не участвовали в серьезных беседах наравне с мужчинами, даже не появлялись на мужской половине дома. Но наш смелый новатор в женском обличье то и дело становился организатором заседаний, в том числе в отсутствие мужа. Более того, в ее салон некоторые мужчины стали приходить со своими женами, что свидетельствует о фантастическом росте авторитета женщины в обществе. Стоит ли говорить, что стареющий, но все еще сильный и мужественный Перикл восхищался и преклонялся перед своей возлюбленной? Исследователи писали, что она стала свежим и крепким ветром в парусах стратега, спровоцировав новую волну важных преобразований, активизировав его деятельность как народного предводителя. Существует упоминание об убежденности Сократа в том, что Аспазия заметно подтянула Перикла в области ораторского искусства. И об уверенности Платона в том, знаменитая речь Перикла, произнесенная перед воинами в первый год Пелопоннесской войны, была скроена этой замечательной плутовкой.

Но и это еще не все. Однажды женщина подметила, что ее милый друг, плотоядно облизываясь, все чаще поглядывает на молоденьких девушек-служанок и юных гетер из салона своей гражданской жены. И тут-то Аспазия и проявила свои блистательные качества победительницы. Вместо тихого хныканья или бесполезных разборок она избрала неожиданное решение. А именно: она решила на деле доказать, что лучше любой другой женщины, даже тех, что помоложе. Она лично побеспокоилась, чтобы в доме появились женщины, которые не прочь оказаться соблазненными полководцем. Ю. Лубченков и В. Романов в своем исследовании утверждают, что Аспазия завела «новых служанок, умеющих

играть на флейте и прекрасно знающих толк в искусстве любви». Казалось бы, риск женщины зашел слишком далеко. На самом деле она отлично осознавала, что, во-первых, мужчина, подобный Периклу, никогда не поставит на первое место физическую любовь. А во-вторых, как женщина, она жаждала бросить вызов и по своей воле сделала это. Возможно, ее захватил азарт борьбы за мужчину. А может, она просто отдавала себе отчет, что завоеванный ею мужчина, осознавший ее неподражаемые качества, уж никогда не предпочтет оригинальной личности просто красивое тело. И ее план удался. Пусть он слишком индивидуален и покажется неприемлемым многим женщинам, но если одна женщина сумела победить греховность своего мужчины, то с этой задачей при желании справится и другая.

Аспазия не стала устранять конкуренток: ведь если мужчина решил изменить своей подруге, значит, на то у него появились особые причины. Сила женщины проявилась в понимании того, что для масштабно мыслящего мужчины секс никогда не затмит сокровищ духовной самореализации, что, ценя свою незаменимую помощницу, он никогда не переступит опасную черту. Королям необходимо прикосновение к бесконечности, они хорошо понимают, что сексуальное влечение кратковременно, тогда как партнерство — на всю жизнь.

Главный козырь Аспазии — ее непрерывная деятельность, неустанная работа над собой. Для уверенности в себе недостаточно просто убедить себя в превосходстве. Необходимо соответствовать образу, а следовательно, трудиться над совершенствованием оболочки и укреплением духа. Аспазия не стала устранять конкуренток: ведь если мужчина решил

изменить своей подруге, значит, на то у него появились особые причины. Сигналы об опасности сделали ее собраннее, заставили еще напряженнее думать, действовать и побеждать. Сила женщины проявилась в понимании того, что для масштабно мыслящего мужчины секс никогда не затмит сокровищ духовной самореализации, что, цenia свою незаменимую помощницу, он никогда не переступит опасную черту. Королям необходимо прикосновение к бесконечности, они хорошо понимают, что сексуальное влечение кратковременно, тогда как партнерство — на всю жизнь. Только для этого женщине-принцессе и женщине-королеве необходимо соответствовать своему избраннику. А именно — мыслить широкими категориями, видеть исполинские цели и понимать, что главным богатством женщины может быть только целенаправленно развитая личность. Не сбрасывая, впрочем, со счетов и чисто женский инструментарий очарования. Великая женщина может быть и выше своего избранника, но ее величие в том и состоит, чтобы сам мужчина об этом не догадывался.

А насколько мужчина остается верен подобной спутнице и насколько он ее ценит, свидетельствует окончание истории Аспазии. Когда недруги устроили заговор против этой выдающейся женщины, она отказалась бежать из Афин от надуманного судилища. Тогда Перикл сам взялся защищать свою возлюбленную в суде (женщинам это воспрещалось). И, как отмечают историки, он был столь убедителен, его слезы текли так искренне, что судьи смягчились и оправдали знаменитую спутницу воителя.

Но и это еще не вся история. Через несколько лет Перикл умер от эпидемии. Добрая слава и признание Аспазии оказались столь внушительными, что ее незаконнорожденного сына от Перикла признали его официальным наследником (правда, во время эпидемии умерли два сына стратега от первой

жены). Сама же Аспазия попыталась буквально «вылепить» великого мужчину из другого кандидата. Некий торговец скотом Лизикл, ее последняя любовь, должен быть упомянут лишь по одной причине — чтобы убедиться, что женщина, которая научается создавать мужчину, достигает такой превосходной степени понимания мужской психологии и социального контекста, что способна ваять героев буквально «из подручных средств». Говорили, будто Лизикл обладал незаурядными талантами и к тому же имел достаточные ресурсы. И что благодаря Аспазии он скоро поднаторел в риторике и логике, превратившись в великолепного оратора. И уже через год никогда не занимавший никаких должностей Лизикл неожиданно для многих был избран стратегом. Однако в том же году новоявленный полководец пал в бою. Последнее основательно разочаровало Аспазию, подорвав ее желание продолжать эксперименты с мужчинами. Но слава ее распространилась в даль истории, достигнув и века роботов...

Несколько иная асимметричность действий была характерна для современной победительницы — Софи Лорен. О ее глубокой приверженности традиционным ценностям, равно как и о способе отстаивания их нельзя не упомянуть. Дело в том, что Софи покорила перспективного мужчину самым обычным «бабским» способом — приглянувшись ему как самка и как самка ему уступив. Однако далее начинается этап асимметрии.

Прежде всего, имея средний (чтобы не сказать посредственный) потенциал, девушка не просто стала актрисой, но благодаря неустанному труду и терпению превратилась в высокооплачиваемую признанную кинозвезду. Восторг от покорения успешного мужчины очень скоро сменился осознанием возможности открытого выбора. И она без сомнений взялась за сложную задачу собственного преобразования, хотя подавляющее большинство иных женщин

праздновали бы триумф. А через несколько месяцев или лет столкнулись бы с суровой реальностью, которая раздавила бы хрупкую победу в порошок.

Софи сумела преодолеть притяжение родительских ролей (несомненно, благодаря участию бабушки в ее воспитании). Это крайне важно, потому что именно такая способность позволила ей избежать обиды на мужчин вообще (пример мерзавца отца давал ей на это право) и, как следствие, сосредоточиться на собственном развитии. Софи интуитивно понимала: она всерьез заинтересует принца только тогда, когда сама достигнет уровня принцессы. Это осознание — ключевой момент ее восхождения.

Еще один немаловажный вопрос: стоит ли считать Софи Лорен разлучницей Карло Понти с первой семьей? Вряд ли, ибо шальная жизнь ветреного продюсера показывает, что его система ценностей хромала на обе ноги, а семья как таковая его не очень-то удерживала и до появления юной Софи. Вокруг избалованного коммерческим успехом продюсера всегда вились стайки искательниц счастья, не особо беспокоящихся о морали.

А вот Софи была склонна уважать принципы, потому что только они позволяют выйти на новый уровень. Именно Софи придала паре Понти — Лорен ауру особенной успешности, отрыва от обывательщины, к которой они оба поначалу были привязаны. И в первую очередь в этом успехе следует отметить ментальную трансформацию женщины. Отказ от благоговения перед драгоценностями, приход к правильному пониманию всего материального, защита энергетического пространства семьи, преобразование связи, основанной на денежных прибылях и сексуальных контактах, в союз двух самодостаточных личностей — все это совершила Софи. И только потом, много позже, в качестве ведомого за ней последовал Понти.

Как же именно Софи Лорен сумела придать блеск своей семье? В какой-то степени ответ может оказаться предельно простым.

Достигнув узнаваемости и почитания как актриса, она не уставала повторять, что семья для нее — главное, что маленький лысый неприглядный человечек по имени Карло — самый лучший мужчина на свете и самый главный мужчина в ее жизни. И делала она это, расставив точки над «Ь». А именно: заметив однажды, что она, как свободная женщина, которая живет с любимым человеком, способна жить очень хорошо и без него и может оставить его в любой момент по своему желанию, но не хочет этого. Это был важный сигнал, который усилил симпатию наблюдателей к этой нестандартной женщине и выровнял ироничное отношение к ловеласу Понти. Чтобы стать весомым в обществе, Карло Понти нужны были не деньги — их они вместе с женой заработали предостаточно. Ему необходим был особый блеск, и только мудрая женщина могла справиться с такой незаурядной задачей. Софи Лорен справилась! Она создала из обычного, пусть и преуспевающего продюсера подлинный символ. Это — эффект натирания до блеска заплесневевшей в неблагоприятной среде монеты, и поскольку немного золота в монете присутствовало, появившееся сияние в конце концов подтвердило ее ценность.

Важнейшими уроками женщин-победительниц можно назвать то, что примененные ими нелинейные шаги и одержанные победы были в итоге использованы вовсе не для личной славы или возвышения, а для *поддержания традиционных ценностей*. Будучи женщинами низкого социального уровня, они силой своего старания организовали поиск мужчин, отвечающих высоким социальным стандартам. Выражаясь фигурально, замахнулись на принцев и королей. То есть они произвели себя в принцессы, не дожидаясь чьей-либо

поддержки. Расположение авторитетов не имело для них значения, его заменяла собственная целеустремленность и последовательность. Но это на некоем внутреннем уровне восприятия жизни. Внешне они всегда отличались от всех остальных конкуренток — отрешенностью, рискованностью, раскованностью, порой даже склонностью к авантюре ради большего.

Наибольшая сила Аспазии — в утверждении принципа «отпускания обиды». Женщина глубокой древности интуитивно поняла, что искать истину следует бесстрастно, без утраты любви, без обиды на мужскую природу, с пониманием и принятием сути вещей. Это и позволило ей победить. Чудодейственная сила Софи Лорен — во включении воли для достижения самодостаточности. Как только из тривиальной актриски возникла личность, да еще и способная игрой зарабатывать немалые деньги, мужчины взглянули на нее по-иному.

Чудодейственная сила Софи Лорен -во включении воли для достижения самодостаточности. Как только из тривиальной актриски возникла личность, да еще и способная игрой зарабатывать немалые деньги, мужчины взглянули на нее по-иному.

Главная идея асимметричных действий состоит в смелом создании нового стандарта. Для этого необходимы усилия, уверенность и динамичность — то, что под силу далеко не каждой. Сила асимметричных действий женщин заключается в их фантастической вере в себя, уверенности в том, что личностная ценность женщины значительно выше, чем ее сексуальность. Их обескураживающие победы так и вынуждают воскликнуть: такого явления, как привлекательность красивой

женщины, не существует! Или, другими словами, если женщина привлекательна, то причина тут в ментальной энергии, которую мы почему-то привыкли воспринимать как бесспорную красоту.

Глава девятая. Исключительная сила духа

Упоминаемый образ: Лени Рифеншталь

Лени Рифеншталь

Нередко в своей жизни женщина сталкивается с ситуациями, которые можно обозначить как критические или экстремальные. Сильный стресс, лавина отрицательных эмоций, возбужденные кем-то обиды и враждебность, — одним словом, все то, что требует от нее порой непростого выбора. Неверная оценка происходящего может вызвать смертельные эмоции, критические состояния психики, спровоцировать продолжительную депрессию или вообще подвести жизненный сценарий к краю бездны. К счастью, наш мир устроен конструктивно, и выбор всегда существует. Для этого стоит в первую очередь в мыслях и намерениях оставаться творцом

своей судьбы, не терять самообладания, твердо держа бразды ответственности за свою судьбу в собственных руках. Конечно, с одной стороны, это всего лишь слова, и перейти от них к решительным действиям в состоянии устойчивого ощущения приближения катастрофы очень непросто. Но как раз в этом случае настроиться на волну активной деятельности более всего помогают образы, воплотившие в себе стойкий дух, олицетворяющие гармоничный подход к жизни.

Светлых образов женщин, преодолевших свои критические состояния (в том числе смертельные болезни, уход любимого человека, страх одиночества и др.), немало. Всякий желающий даже при беглой ревизии скрижалей истории отыщет примеры образцовой стойкости, близкие по духу, по мировосприятию, по состоянию сознания.

В качестве одного из эталонов силы духа вполне может послужить образ Лени Рифеншталь — женщины бесконечно отважной и до фанатизма деятельной, сумевшей повторно вырастить однажды подрезанные крылья. Чтобы подняться в своем полете еще выше, за облака, утвердиться в желании ярко, содержательно жить и творить. Ее биография, при всей противоречивости судьбы, способна вдохновить даже человека, стоящего на краю могилы. Казалось бы, миссия этой женщины заключалась в том, чтобы вызывать энтузиазм потомков, стать источником вдохновения отчаявшихся и разуверившихся. Судите сами: Лени Рифеншталь к 33 годам достигла творческой самореализации и признания, а уже в 47 лет ей пришлось начинать жизнь сначала, искать новые резервуары энергии и источники вдохновения, искать цель и смысл, без которых человеку очень трудно удержаться на этом свете. И она, презрительно оставленная всем миром, преданная забвению как творческий талант, не только отыскала необходимые ингредиенты для построения гармонии и счастья, но ослепила

современников и потомков своими изумляющими идеями и своей неподражаемой судьбой.

Книг и статей о Лени Рифеншталь написано так много, что их сложно даже перечислить, — могущественный и яростный мир ее представлений, диапазон ее загадочных превращений неизменно вызывает интерес живущих. Усилием воли выпрямив собственную судьбу, она убедила потомков в возможности каждого отыскивать смысл новой жизни в пепелище сожженной, — не случайно в своей автобиографии эта простая и одновременно великая женщина писала о своих пяти жизнях. Ее манипуляции с собственной судьбой походят на то, как японский мастер цигун силой благотворного намерения направляет энергию на исцеление пораженного органа.

Хотя жизненная философия Лени Рифеншталь могла бы относиться к общему перечню асимметричных методов женского воздействия на мир, ее история столь знаменательна и исключительна, что заслуживает особого внимания. Мужчины — что крайне важно в контексте главной цели нашей книги — в жизни этой женщины присутствовали всегда, но они лишь оттеняли ее образ, никак не влияя на ощущение счастья, на баланс ее отношений с окружающим миром. *Она шла по жизни принцессой, не создавая королей.* Она этих королей собирала, будто бы коллекционируя, с тем, чтобы воспользоваться их преходящей силой, — и это также следствие особого индивидуального выбора. Такое случается редко, но поскольку все-таки случается, должно быть с предельной внимательностью рассмотрено.

Набросок образа Лени Рифеншталь следует начинать с ее острого чувства независимости, словно врожденного, с генами влитого ощущения. Оно на всех жизненных отрезках вело ее к непреложной самодостаточности и обособленности и выразалось двумя формулами: «Я должна зарабатывать сама» и

«Я должна создавать нечто достойное восхищения». Эти формулы взаимосвязаны, а «нечто» могло представляться в виде ее образов или продуктов интеллекта. Искусная балерина, характерная актриса, беспредельно привлекательная личность. И наряду с этим — создательница оригинальных кинофильмов, уникальных фотоснимков, поучительных и завидно популярных книг.

Не останавливаясь на деталях воспитания нашей героини, все же отметим некоторые важные нюансы ее взросления. Фактор свободы в детстве имел если не решающее, то важнейшее значение. Попытки матери увлечь дочь прекрасным — игрой на фортепиано и танцами — были удивительно сбалансированы с приобщением к физическому совершенствованию. Плавание, гимнастика, коньки, лыжи — все это девочка осилила в раннем возрасте, и такое многогранное закаливание характера оказалось сродни обжигу гончарного изделия. Со временем список увлечений дополнили живопись и балет. К совершеннолетию Лени достигла того внутреннего психического состояния, которое современные специалисты называют саморегулирующей системой. Недаром ее привычное послушание в семье закончилось (это при отличных-то результатах в лицее и пансионе, на фоне всеобщего восхищения преподавателей) с празднованием 18-летия. Дальше последовало собственное планирование жизни в соответствии с ее представлениями о достижениях.

Не станем разбираться, чье влияние оказалось важнее и больше — отца или матери. Поскольку интересует нас не полный анализ личности, а лишь та его часть, что касается отношений с мужчинами, отметим: несмотря на перманентный конфликт с отцом в период взросления и формирования личности, между ним и дочерью существовала тесная теплая связь и почти полное взаимопонимание. Почти — потому что

образ отца был призван сформировать традиционные представления о роли женщины-жены, женщины-матери. У Лени же на этот счет сложились совсем иные убеждения — уже под воздействием образа матери. Она отлично чувствовала, да и знала по горьким, полным неудовлетворенности рассказам матери, что эта женщина имела грандиозный нереализованный потенциал и оттого тайно страдала.

У юной Лени росло намерение организовать свою жизнь по-другому и свой потенциал не растерять ради мужчины, пусть даже и такого достойного, как ее отец. Росло ощущение боли и необходимости противопоставить нечто свое безысходности кем-то запланированного сценария. Чувство, очень схожее с испытанным Еленой Блаватской в период вхождения во взрослую жизнь. Но колоссальная разница между ними (настолько важная, что вынудила Елену совсем по-иному, чем Лени, выстроить свою судьбу и отношения с мужчинами) заключалась в более остром конфликте отца и матери, более ярко выраженном протесте матери и, наконец, в ее ранней смерти в 28 лет (Елене было 10 лет в аналогичный момент). Протест Лени имел более мягкую форму, а отношение к мужчинам не переросло в неприязнь. Это сравнение сделано для понимания того, что грань между ориентиром на личное счастье тонка, как паутинка, однако всегда имеет свои четкие предпосылки (естественно, в сравнении двух женщин использованы только важнейшие события, тогда как влияние оказывало громадное сплетение факторов).

Итак, на путь достижений Лени Рифеншталь все же вступила, совершив шаг решительный и бесповоротный, мятежный по отношению к консервативным представлениям своего родителя-бюргера. Кстати, если независимость начинается с территории, то немаловажным в жизни Лени может явиться такой факт, как покупка собственной квартиры в Берлине в

возрасте 22 лет. Стоит согласиться с тем, что этот поступок отражает не только самоуверенность девушки, но и высоту изначально поднятой планки результатов будущей деятельности.

К 21 году после всего лишь двух лет профессионального обучения Лени стала признанной балериной. К 24 годам — заметной киноактрисой. В 26 лет написала первую статью. В 29 — сняла первый фильм. В 32 года фильм «Триумф воли» стал явлением, небывало возвысившим ее, но потребовавшим впоследствии суровой расплаты годами забвения. В 33 — на Международном кинофестивале в Венеции за ленту о нацистах Лени получила приз за лучший документальный фильм.

Небольшая пауза в биографии Лени Рифеншталь требуется для пояснения двух нюансов периода ее неуклонного восхождения: отношений с мужчинами и отношений с идеологией. Кто бы ни изучал Лени в частной жизни, обязательно отмечает два ее умения: *говорить и выбирать*. Несомненно, эти умения взаимосвязаны и являются отображением ее внушающего уважение самообразования, выросшей из первых достижений самооценки и желания получить от жизни большее, сотрудничать только с лучшими. Характеристики подающей надежды принцессы. Занимаясь на теннисном корте, остроумная и на редкость обаятельная девушка привлекла внимание известного теннисиста Отто Фройнцхайма и даже успела обручиться с ним через несколько месяцев знакомства. Непреодолимой преградой стали традиционные взгляды будущего мужа на семейное строительство — вместо намеченных вершин Лени светили три извечных маяка немецкой домохозяйки: *Kirche, Шоке, Kinder* (церковь, кухня, дети). Конечно, смириться с этим она могла, но стоило ли уходить из-под опеки одного мужчины в тиски другого? Здесь содержится важнейший момент: полюбив,

девушка не научилась призывать рациональное мышление в помощники при принятии решений. Пораздумав, она все оценила верно: если основные ценности и главные жизненные цели не совпадают, о какой счастливой семье может идти речь?

Зато, посмотрев новый кинофильм режиссера Арнольда Фанка «Гора судьбы», Лени тут же отправилась в Альпы. Она мгновенно поняла, что это одна из нитей, которые могут открыть новый путь, новые цели. Вселенная благосклонна к ищущим, потому что Лени почти сразу же совершенно случайно встретила исполнителя главной роли из понравившейся киноленты. Ничуть не смутившись — самооценка, достойная царицы Клеопатры, — Лени сама подошла к нему... Ее обаяния оказалось достаточно, чтобы они стали добрыми друзьями. Через актера настойчивая девушка передала письмо для режиссера, — разве это не пример вопиющей дерзости? Но, как оказалось, Фанк знал Лени как заметную танцовщицу. Скажем прямо: не встретить она артиста и не выйди таким образом на режиссера, она все равно бы устроила свою жизнь схожим образом. Девушка, лишенная застенчивости (но не благоразумия), казалось, не смутилась бы от встречи с самим Великим Творцом.

Итак, режиссера Фанка она проняла словами восхищения и убеждения, что он-де самый гениальный из создателей современных фильмов. Мужчины с удовольствием питаются похвалами и ободрениями, а восхищение для них сродни эликсиру счастья. Не говоря уже о том, что эти слова исходили из уст очаровательной девушки. Неудивительно, что Фанк взялся даже писать сценарий «под Рифеншталь», специально для новой кинозвезды, — она его в этом убедила. Горные лыжи, альпинизм и скалолазание стали следующими спортивными науками, с легкостью освоенными проворной девушкой, чтобы

сняться в фильме. Результат предсказуемо превосходный: Лени Рифеншталь стала киноактрисой.

Небезынтересно, что на фотографиях того периода взгляд молодой Лени Рифеншталь отрешенный и одержимый — ничто не способно ее поколебать, встать на ее пути. И уж тем более такая переменчивая штука, как любовь. Чувство для нее, как и для многих целеустремленных мужчин, — забытье и передышка между достижениями. Жизнь столичной богемы, поклонники-красавцы типа Ремарка, соперничество с Марлен Дитрих, продолжающийся поиск себя. Говорят, что всему свое время, или все следует успеть сделать вовремя. Лени попала в самую топь суеты, но молодость легко переносит несовершенство светского существования. Для изменения сознания ей понадобятся крупные потрясения, — они ее едва не уничтожат, но и спасут одновременно. «До начала лета 1932 года я тоже жила в мире грез...» — призналась она позднее. А в то время Лени считала себя циничной — и была права. Ведь только циники движутся к Олимпу уверенно и без оглядки. К тому же она не знала еще, что светская суета только создает иллюзию возвышения, на самом же деле медленно убивает, отрезая пути к счастью.

Поразительно, но ей удавалось переигрывать свое окружение. Во-первых, она не только снималась, но и на ходу изучала весь процесс производства фильма — от идеи до окончательного монтажа. Фанк, покоренный ее неординарностью и силой натуры, не противился. А во-вторых, во время съемок второго фильма Лени добилась еще одного судьбоносного знакомства — с кинооператором и актером Гансом Шнеебергером, которого называли в то время непревзойденным мастером. С ним она прожила в гражданском браке три года, и этот кратковременный союз небезосновательно можно считать взаимообогащающим для

пары. Лени старалась дарить любовь и радость отношений, взамен же с привычной жадностью впитывала знания. Коренным образом изменились ее окружение, содержание разговоров, цели, задачи, устремления. Она шла вверх со всем своим упорством, и, пожалуй, не существовало мужчины, который мог бы увлечь ее раз и навсегда. Это — суть данного типа женщин, но в них нет ветрености или взбалмошности, — весь мир воспринимается ими осознанно и глубоко, однако сквозь призму своих завышенных (с точки зрения обычного человека) целей. Могла ли Лени Рифеншталь связать свою судьбу с Гансом Шнеебергером навсегда? Без ущерба для собственного миропонимания — вряд ли. Почему она такая? Такой она вышла из детства, и попросту не пришло время менять свое мировоззрение, поскольку ей такая жизнь была по вкусу, она чувствовала себя в ней комфортно.

Прежде чем взяться за собственные фильмы, Лени удалось пройти еще один виток подготовки, получить еще одну порцию знаний. Она приобщилась к журналистике, и это принесло ей неожиданную пользу — она сумела статьями напоминать о тех картинах, где снялась. А заодно набивала руку для создания будущих сценариев. Для своего режиссерского дебюта Лени даже пришлось основать собственную фирму. А еще убедить продюсера вложить в производство первого фильма круглую сумму. Не говоря уже о том, чтобы написать для себя сценарий, собрать команду для съемок. А когда фильм стал давать прибыли, Лени добилась интернирования соавтора сценария — венгерского еврея Бэлы Балаша. Цинизм стал перерастать в откровенную подлость. Сама Лени уже находилась на тонкой грани своего балансирования — уже ослепленная стремительным восхождением Гитлера и еще не подозревающая о пропасти для подобных себе заблудших. Дальше было сотрудничество с нацистами и кажущееся возвышение. Успех

сделал ее нечувствительной, подвел к черте, за которой теряют себя... Она искренне пыталась жить творчеством: через два года после выхода фильма о нацистах Лени написала книгу о себе как режиссере.

Был еще период увлеченной и страстной работы над фильмом об Олимпийских играх, который, несмотря на всеобщее осуждение Лени за связь с нацистами, в 1956 году (когда ей было уже 54 года) голливудское жюри признало одним из десяти лучших фильмов мира о спорте. Так или иначе, Лени Рифеншталь заметно продвинулась в мире киноискусства; ее творческая натура раскрылась и жила этим. Она оставалась личностью, которая всегда в движении, всегда в действии. Эта отличительная особенность всей судьбы Лени Рифеншталь давала ей возможность чувствовать себя наполненной смыслом. И это же не позволяло ей основательно задуматься над созданием семьи в ее традиционном понимании. Она попросту не могла остановиться, настолько головокружительно несся поток ее жизни.

После окончания романа со Шнеебергером Лени испытала серьезное увлечение во время съемок Олимпийских игр. И на этот раз она избрала одного из лучших — представителя сборной Соединенных Штатов по десятиборью. Небезынтересный факт — Гленн Морис был на десятилетие моложе ее. А еще умение Лени Рифеншталь определять перспективы мужчины буквально с первого взгляда просто потрясающее — Гленн выиграл «золото» на играх! Выдержав первый натиск влюбленности, Лени настигла его в Швеции — под предлогом организации ночной съемки. Это был лишь фрагмент обоюдной страсти, но он говорит о многом. О способности идти на авантюру ради момента — свойство только определенной категории женщин. О вторичности любви в ее жизни: после вспышки страсти они расстались навсегда.

Наконец, о ее принадлежности к категории «женщин-принцесс», ловко отличающих лучших представителей противоположного пола и способных поднять их до небес своей зажигательной энергией и умением помочь мужчине определиться с великими целями. Если бы они поженились, может быть, Гленн добился бы многого. Но она опять не захотела расстаться со своей свободой. Его же жизнь сложилась неудачно — встретить вторую Лени Рифеншталь было невозможно. С самой же Лени ему не хватило решимости — если бы Гленн нажал, она, скорее всего, сдалась бы. Иначе не переживала бы так известие о его женитьбе через год, — втайне даже от самой себя она ждала возвращения своего героя.

После Гленна в личной жизни Лени Рифеншталь кое-что все-таки меняется. Вероятно, ее потряс роман с американским спортсменом, и не исключено, что свою подрывную работу сделали годы, — возраст приближался к сорока, а она все еще не была замужем, не испытала материнства, к которому смутно стремилась. Она успела создать еще один фильм, начала организовывать собственную киностудию с небывалым размахом (она уже стала богатым человеком, совершенной бизнес-леди), побывала в Америке, где встречалась со знаменитостями своего времени — Уолтом Диснеем и Генри Фордом. Но что-то все равно было не так, и это «что-то», конечно же, личная жизнь, остававшаяся скомканной, рваной, спорадической.

Существует громадное племя мужчин и женщин, не желающих и не способных с самого начала строить уютную семейную гавань. Но они научаются быть счастливыми на ходу, в умопомрачительном движении, которое их не утомляет. Творческий поиск и беспредельный полет в потоке собственного сознания для таких людей важнее всего. Часто к концу жизни они оказываются у разбитого корыта, однако тем,

кто вовремя ищет и находит свои новые уровни, удается прийти к приемлемой организации жизни. К последним принадлежала и Лени Рифеншталь. Но, кажется, начало войны, стресс от увиденных воочию злодеяний нацистов, тревожное ожидание чего-то страшного, необратимого заставили ее впервые в жизни спешить.

Внутреннее беспокойство реализовалось в союз с лейтенантом горнострелковых войск Петером Якобом, который в то время снимался в качестве каскадера. Бурный роман на этот раз наконец-то завершился браком. Но брак оказался недолговечным, и на этот раз не по вине Лени. С окончанием войны началась ее личная драма, состоявшая из больших и малых душевных кризисов, которые разрушили все ее предшествующие достижения. Обвинения, тюремное заключение, отвержение творческого таланта, откровенное презрение со стороны слишком многих людей, развод с мужем, полное банкротство, отказы в мало-мальски сносной работе — все это могло бы раздавить и более сильную личность. Но Лени выстояла. Интуиция, жизненный инстинкт подсказали ей, что следует искать новый путь, иную нишу для творчества.

Теперь несколько слов об идеологии. «Этот фильм вознес 32-летнюю танцовщицу и киноактрису на кинематографический Олимп и покрыл ее имя славой и позором», — писала критик Белла Езерская о фильме *«Триумф воли»*. Конечно, воскликнут зывающие к справедливости, этот фильм, воспевающий Гитлера, помпезный и взвинченно-патетический, стал эстетическим нормативом «нового порядка». Но, подумав, они же признают: Рифеншталь — серьезный художник, и ее фильмы — вклад в сокровищницу киноискусства. Абрам Рейтблат сравнивает Лени Рифеншталь с Сергеем Эйзенштейном, утверждая (и, кажется, не без оснований), что оба режиссера, пропагандируя тоталитарную идеологию, «создали выдающиеся

произведения искусства, внесли большой вклад в эстетику кино». Хотя объективно они превратились в специалистов по пропаганде культа личности. Вообще, отношение к признанию таланта Лени Рифеншталь выглядит приблизительно так же, как отказ в советские времена признать творческий гений Игоря Сикорского — из-за того, что его вертолеты бомбили Вьетнам.

Острословы-журналисты окрестили Лени «непрощенной любовницей нацизма», но на самом деле ее образ ценен совсем иным. А именно способностью действовать при любых обстоятельствах и, находя смысл, воплощать его в крупные творения. Жить, дыша полной грудью. Побеждать, блистая и очаровывая. Это у нее получалось, несмотря на идеологические провалы. Не случайно сама она всегда настаивала, что лишь намеревалась создавать качественное кино, что интересовало ее лишь чистое искусство. Можно верить не ей, а фактам — сопоставлению дат и качественных интеллектуальных продуктов. Но главное, пожалуй, — ее пробуждение. Ее способность преодолеть внутреннюю катастрофу, вытеснить обиды и смотреть в будущее. Хотя Лени Рифеншталь никогда не раскаивалась в сотрудничестве с Гитлером (кстати, отсутствие чувства вины — один из важнейших принципов душевного благополучия), ей пришлось сделать полную ревизию своих убеждений и приоритетов. Ее спасла способность перейти на новый уровень бытия, прислушаться к собственному внутреннему голосу, вернуться к самой себе.

Изумительно то, что Лени все время отыскивала новые идеи. В 71 год впервые погрузилась с аквалангом и кинокамерой под воду и «жила» наполненным незыблемой тишиной подводным миром до 98 лет! На удалении от мирской суеты возникло прозрение: она стала навестывать

упущенное -наслаждение природой, созерцание мироздания, спокойное творчество.

Когда стало ясно, что ей не позволят быть режиссером, отважная женщина увлеклась новой идеей. Она отправилась в Африку и начала снимать на фотопленку то, что еще никто до нее не снимал. Первое из нескончаемой череды путешествий Лени совершила в 53 года, и ее фото, снабженные сочными комментариями, замелькали в рейтинговых иллюстрированных изданиях. Изумительно то, что она все время отыскивала новые идеи. В 71 год впервые погрузилась с аквалангом и кинокамерой под воду и «жила» наполненным незыблемой тишиной подводным миром до 98 лет! На удалении от мирской суеты возникло прозрение: она стала наверстывать упущенное — наслаждение природой, созерцание мироздания, спокойное творчество. И, конечно, любовь, привязанность, которые она с готовностью впустила теперь уже в свою вторую жизнь. Хорст Кеттнер учился у нее искусству создавать кино, подобно тому, как сама Лени училась когда-то у Шнеебергера. Он появился в жизни Лени, когда ему было 22 года, ей же — ровно на сорок лет больше. Но ее целостная энергичная и чарующая натура оказалась настолько притягательной, что они больше не расставались. И прожили вместе более тридцати лет. Разве не удивительная женщина?!

Когда Лени было уже 85, ее воспоминания с жаром читались в дюжине стран, а в Америке и Японии стали бестселлером. Ее философия, ориентированная на красоту и созерцание величия жизни, оказалась факелом, воспламеняющим сердца миллионов. «Да, я снимаю красивые тела. Меня привлекают эстетические темы, а не отрицательные. Отрицательное, по моему, вообще не может вдохновлять на творчество», — так обозначила Лени Рифеншталь свое отношение к искусству.

Была ли Лени способна взрастить «короля»? Кажется, да. Но только она не желала этого делать - точкой приложения всех сил с самого начала и до конца оставалась ее собственная личность. Кто сказал, что это хуже для женщины, чем отдавать всю себя мужчине? Ее опыт колоссален, но он - лишь один из выборов женщины. И, как кажется, далеко не самый худший.

Оценивая нашу героиню, следует осознать в первую очередь, что человек как автономная система, как отдельный организм никогда не может достичь совершенства. Чей бы жизненный путь ни пришлось анализировать, всегда найдутся темные пятна сомнительных поступков и белые пятна нереализованных дел. Человек живет в своем временном контексте, на его судьбу влияют тысячи факторов, среди которых смена властвующего режима и война — лишь самые очевидные. Потому лояльность аналитика должна состоять в том, чтобы касаться успехов того или иного индивидуума только в те-магической перспективе. В данном случае — в способности влиять на мужчин, выбирать их, создавать их, иногда манипулировать ими. Живя при этом (или стремясь жить) максимально приближенно к гармонии и душевному равновесию.

Мужчины лишь подчеркивали образ Лени Рифеншталь, создавали ему ореол великолепия. Она допускала в свой мир ровно столько любви и сладострастия, сколько была способна вынести. Гордый и независимый характер не позволял Лени принять роль женщины-помощницы, но зато она не ослушалась своего голоса. И интуиция ее не подвела, а 101 год жизни, бум вокруг ее книг и признание ее имени — разве это не доказательства?

Была ли Лени способна взрастить «короля»? Кажется, да. Но только она не желала этого делать — точкой приложения всех

сил

с самого начала и до конца оставалась ее собственная личность. Кто сказал, что это хуже для женщины, чем отдавать всю себя мужчине? Ее опыт колоссален, но он — лишь один из выборов женщины. И, как кажется, далеко не самый худший. «Она всегда была при деле», — это о Лени Рифеншталь. Согласитесь, не о всяком человеке можно сказать такие важные слова.

Глава десятая. Принцип соответствия: Модели отношений от женщин Джека Лондона

Упоминаемые образы: Мейбл Эпплгарт, Бесс Мадерн, Чармиан Киттередж

Образ Джека Лондона, самобытного игрока и склонного к авантюризму испытателя судьбы, может служить многим если не эталоном мужчины, то некоей яркой обозначенной на карте точкой отсчета мужского, которое можно было бы сверять, подобно времени на табло. Почти во всем: в физической форме, в сочных мужских поступках, в выразительном отношении к женщине, в феноменальной работоспособности и сосредоточении на цели, в умении ярко жить. Но, как у всякого человека, если прибывает в одном, непременно будет убыль в другом. Для начала, будучи великолепным экземпляром мужской породы, он был человеком порыва, внезапного

импульса, что делало уязвимым не только его самого, но и окружающих. Такой мужчина сложен в отношениях, ибо усмирению предпочитает роль вождя. Такой мужчина нуждается в женщине твердого нрава и взрывоопасного темперамента. Кроме того, Джек оказался чрезмерно открытым для многих, слишком энергетически не защищенным, ибо жил «нараспашку», доступный всем желающим. Это не только погубило его самого, но и отразилось на жизни многих близких ему людей. Но еще более интересными кажутся некоторые выводы из его частной жизни, они-то как раз имеют ценность для всякой женщины, которая занята обустройством семейного дела, стремится к семейному счастью и поддержанию интереса избранника к себе в течение всей жизни.

Первой любовью Джека Лондона была девушка из более высокого социального круга, чьи интеллект, манерность и изысканный вкус стимулировали развитие личности выходца из трущоб, с раннего детства привыкшего к тяжелому труду. Он стремился к созданию семьи интуитивно, она же шла к браку в строгом коридоре, обозначенном родителями. «Мэйбл Эпплгарт была существом эфирным, с одухотворенным выражением широко открытых голубых глаз и пышными золотистыми волосами. Джек сравнивал ее с бледно-золотым цветком на стройном стебельке», — патетически пишет Ирвинг Стоун. Калифорнийский университет, казавшиеся вчерашнему матросу исключительными знания девушки в области английского языка и литературы, мир, пронизанный эстетическими понятиями, в доме ее родителей — все это покорило Джека. Ей же нравились прямота и мужественность, способность к риску и определенная отвага, с которой молодой человек шел по жизни. Они как будто бы долго присматривались, тщательно примерялись друг к другу, старательно и деликатно познавали друг друга.

Но такую преграду, как боязнь услышать собственный голос и следовать навстречу счастью, девушка преодолеть не сумела. Родители не учили ее бороться, и в критический для ее жизни момент «обесточили» ее, лишили источника живительной энергии. «Хрупкая, утонченная и интеллектуальная Мейбл» являлась как бы противоположным полюсом грубоватого и крепкого Джека; они притягивали друг друга. Вероятно, они могли бы стать неплохой парой, если бы... Если бы девушка не была слишком слабой, не готовой к подлинной бурной жизни и не находилась бы под гнетущей властью матери. Последняя, жесткая и нетерпимая, крайне эгоистичная, своенравно решила судьбу дочери.

Мейбл не осмелилась ради своего счастья сделать шаг против воли матери. Девушка завершила свой жизненный проект, не начав, не став личностью и творцом собственной судьбы. Ее знания, ее вкусы оказались невостребованными — так бывает, когда сопутствующие возможности выводятся на передний план, а сама личность подавляется, затушевывается, лишается самодостаточности. Результат такой подмены печален: вся жизнь дочери ушла на уход за матерью. Индивидуальное счастье женщины растворилось, как ложка сахара в чае, — неминуемое следствие бесхарактерности и поклонения чужому мнению. Тем, кто лишен хребта, будет отказано не только в жизненном успехе, но даже в элементарных привилегиях, предусмотренных обществом. Избежать превращения привлекательной особы в перезрелую несчастную даму — вот смысл стремления женщины к освобождению и достижению независимости.

Неверие — самое страшное для мужчины, оно низводит его до уровня ущербного, неполноценного, а значит — недостойного. Мейбл оказалась не только слабой, но и

немудрой: она позволила себе усомниться в избраннике, и жирная точка моментально завершила историю их любви. Эфирное существо растворилось.

Но все-таки главный негативный урок отношений Джека и Мейбл состоит даже не в разрушительном вмешательстве матери, — при определенных обстоятельствах несущийся на всех парах к успеху Джек Лондон мог бы вырвать девушку с корнем из семейной теплицы. Гигантский и непростительный просчет Мейбл заключался в ином — в неверии в своего мужчину. Сам писатель прекрасно описал эту ситуацию в «*Мартине Идене*». Любовь и сила, казалось бы, прочной, нерушимой связи была разорвана в тот момент, когда женщина произнесла тираду о том, что рассказы Джека Лондона слабы, тривиальны и никогда не обеспечат им, как будущей семье, возможности жить в изобилии. Узы любви в один миг проржавели и, распавшись, рухнули в бездну. Неверие — самое страшное для мужчины, оно низводит его до уровня ущербного, неполноценного, а значит — недостойного. Мейбл оказалась не только слабой, но и немудрой: она позволила себе усомниться в избраннике, и жирная точка моментально завершила историю их любви. Эфирное существо растворилось.

К счастью для Джека, утраченную веру возлюбленной ему с лихвой заменила мать. Без женской поддержки, вероятно, он сошел бы с ума или покончил бы с собой. Что же касается любви, то, как часто бывает при фиаско возвышенной влюбленности, неудовлетворенное воображение выносит из разрушенной сказки болезненную чувственность и неосознанное желание отыскать нечто иное, ясное и приземленное. Именно такой оказалась Бесс Мадерн, невеста погибшего товарища, по определению Ирвинга Стоуна, «сильная, уравновешенная и флегматичная». Претендентка на

сердце становящегося на ноги писателя была практична в жизни и прямолинейна, она не обладала выдающимся интеллектом, не блистала уникальными знаниями, не порхала над землей, как ее предшественница. Но она была независима: после педагогического училища преподавала в школе и согласилась корректировать рукописи. И самое главное — ей нравились рассказы Джека, она поддерживала его словом и делом (реальными подсказками в области стилистики). Она вселяла в мужчину уверенность, и это было определяющим моментом!

Первоначально Бесс старательно постигала искусство быть и подругой и женой одновременно. И даже определенно преуспела в этом. Например, она могла не только составить мужу компанию в длительной велосипедной прогулке, но и ловко править и перепечатывать его рукописи. А также читать интересующие его книги, чтобы вместе их обсуждать. И даже латать финансовые дыры молодой семьи, когда у Джека были перебои с гонорарами. Но она не учла одного нюанса — слишком стремительного прогресса этого мужчины. Может быть, женщина проигнорировала вопрос собственного развития из-за того, что не любила отчаянно и яростно в тот момент, когда выходила замуж (она призналась в этом много лет спустя, уже после смерти Джека Лондона). Мистер Лондон был как вихрь: он врвался в пространство, разрывал его шириной своей неумной натуры, приковывал внимание всех окружающих. Но в этом его необычайном козыре было и уязвимое место — совсем как у Кощея Бессмертного. Выворачивание души наизнанку самым роковым образом обнажало смертельную точку. Впрочем, до смерти было еще далеко. А вот разлад на стратегическом уровне внутри семьи-команды наступил даже слишком скоро.

На тактическом уровне тоже было немало ошибок. Джек умудрился (а жена безропотно согласилась) поместить в одном доме жену и мать, — даже не ошибка, а форменная глупость, вопиющая и непростительная. Вообще, порой кажется, что при неистовом темпераменте Джека отрешенность и бесстрастность Бесс была своеобразным щитом. Но уберечься от взбалмошности такого мужчины попросту невозможно — для потребностей его буйной ненасытной натуры одной жены ему явно не хватало. Субботние веселья, безудержные гулянки-посиделки, необходимость духовной отдушины в виде страстной переписки с Анной Струнковой, мимолетная волна свободной любви со случайной попутчицей в поезде... Всего нет смысла перечислять. А еще общая непродуманность жизни, приводившая к долгам и стремлению их погасить при помощи многочасовой изнуряющей работы за письменным столом. В жизни семейной Джек Лондон был беспокойным несносным капризным ребенком, к тому же витающим в романтических облаках. Жена очень скоро стала просто терпеливой заложницей ситуации: рождение двух дочерей и усилившееся разочарование мужа из-за неспособности родить сына приближали развязку. Как бы наперекор все большему размаху жизни Джека, Бесс отказывалась изменяться, не желала следовать моде, почти прекратила читать, полностью перестала интересоваться книгами мужа и обсуждать их.

«Мисс Киттередж была лет на пять, а то и на шесть старше Джека, не блистала красотой, и в Пьемонте, где ее хорошо знали, служила объектом язвительных суждений и толков», — эти слова опять-таки принадлежат Ирвингу Стоуну. И вот, когда эта дама возникла в поле зрения писателя, он, точно ослепленный новым загадочным светом, разрушил все, что строилось до того момента. Брак с Бесс, который даже внешне не казался гармоничным, выдержал всего лишь три года.

Конечно, в первую очередь виноват во всем этом сам писатель. «Человек крайностей», он был максималистом. Стремясь везде верховодить и становиться вождем и идеологом всего, за что брался, он распыхался неимоверно. Обладающий исполинским потенциалом и поистине непревзойденной волей, он тем не менее скользил по верхам, как плоский камешек, запущенный по водной глади. В результате он не достигал глубин, добровольно лишая себя мудрости. Ему было некогда, он не поспевал, потому что вступил в неравную гонку со временем — ради окружения, которое безжалостно и невозмутимо вытягивало из него все то, чего он достигал ежедневными усилиями.

Так в чем же тайная сила Чармиан Киттередж — этой некрасивой женщины, к которой так опасливо относились окружающие? Биографы называют таких «стильными». Возможно. Но попробуем как бы рассмотреть несколько старых фотоснимков — история листает столетия, но магия человеческих отношений не меняется.

Первое, что бросается в глаза: Чармиан оказалась такой же неистойвой натурой, склонной к хулиганским выходкам, риску, авантюрам, одним словом, в ней сидел такой же черт, как и в неистоцимом Джеке. Она соответствовала ему полностью. Женщина находилась рядом всегда, она настойчиво, со свойственным ей аккуратным напором затмила собой весь окружающий мир. Она стала незаменимой, так как взяла на себя всю правку и перепечатывание его материалов. Она не только охотно соглашалась на любые, даже самые опасные и рискованные путешествия, но и всеми силами старалась оградить мужа от назойливого окружения. Чего только стоит кругосветное путешествие на яхте «Снарк», полное опасностей и длившееся несколько лет? В итоге ей удалось создать для любимого мужчины некий энергетический заслон, пусть

запоздалый, но все же щит от внедрения чуждого в интимное пространство.

Чармиан всегда была неутомимой поклонницей мужа. Любя его, по ее заверениям, «слепо, безумно, безрассудно, страстно», она ежедневно подчеркивала ему, что «ни одна девушка не была еще способна на такую любовь». Добавляя немаловажные слова о его гениальности. Одним словом, она была достаточно мудрой, чтобы ловко играть на поле великой любви. Это была отнюдь не слепая и податливая женщина — она, напротив, любила разумом, очень многое просчитывала, принимая во внимание особенности психики мужа. Чармиан была весьма наблюдательна и постоянно держала желания Джека в поле своего зрения — одна из самых чудесных женских миссий, предполагающих ограждение, безоговорочную поддержку и искусство разнообразить мир своей семьи. Не случайно пронцательный Ирвинг Стоун сопровождает ее письма недвусмысленными комментариями: «Написаны они затейливо и кокетливо, чувствительно и цветисто; но под многословием угадывается рука женщины хитрой и умной». Знатоки утверждали, что покорительница сердца Джека Лондона имела ярко выраженное сходство с его матерью, — нюанс примечательный скорее для постижения сокровенного мира самого писателя. Но, как кажется, эта деталь не должна пройти и мимо внимания женщин, так как слишком очевидные расхождения с образом матери возлюбленного несут повышенные риски для семейного строительства: мужчина почти всегда неосознанно или явно ищет нечто похожее на мать.

Чем ее личность пленила Джека Лондона? Следует подчеркнуть, что эта женщина была до мозга костей самостоятельна, она сама себя создавала, и в этой лепке ей многое удалось (и тут опять сходство с самим Джеком). Ей

ничего не давалось легко, суровая жизнь приучила ее к борьбе, ее зубы были крепки и остры; в этом она была особенно близка Джеку, чей каждый шаг к успеху сопровождался тяжелыми боями. Вместо вздыханий о принце Чармиан Киттередж основательно занялась собой. И тот факт, что она слыла скорее дурнушкой, чем привлекательной, только подчеркивает: для счастья женщины важна не физическая красота, а внутренняя сила, яркость образа, неординарность. Финансово независимая (своими честолюбивыми усилиями она достигла уровня «первоклассного секретаря»), девушка долго и тщательно создавала свой образ. Чтение лучших писателей позволяло ей оригинально судить о литературе, длительные упражнения дали возможность выделяться отменной игрой на пианино, а благодаря поддержанию физической формы и отваге отчаянная амазонка верхом покоряла самые опасные тропы. Мисс Киттередж собственными руками сотворила из себя загадку, женщину вампирического склада — не под стать хрупким, нежным барышням. Еще один немаловажный фактор: Чармиан точно знала, чего хочет и куда идет; жизнь выделась ей ясно выведенной формулой. То, что ей долго не везло с женихами, не является свидетельством против нее. Вполне возможно, что уровень ее персональных требований к претенденту был слишком высок, — упорство и воля по отношению к себе давали такое право. С другой стороны, и ее собственный образ, обаяние, умение очаровывать и, что называется, брать добычу силой (а она определенно представляла тип охотницы) родились не сразу, — это плоды многолетних самостоятельных усилий.

Конечно, Чармиан Киттередж не могла быть без комплексов и недостатков. Она расплылась из стороны в сторону, перескакивала с одной деятельности на другую, и в этом подчас слишком рьяном поиске чувствуется тревога, боязнь не успеть.

Но и не только. Неспособность сосредоточиться предопределяла ее положение за пределами клуба подлинных творцов, да она и не стремилась к философскому умиротворению или постижению истин; все ее самосовершенствование посвящалось одному-единственному — тривиальному нахождению и удержанию подле себя достойного мужчины. Чрезмерное кокетство, склонность к водевильному стилю отношений и непростительное жеманство лишали ее естественности и натуральной прелести, но яркое пламя храброй забористой души пережигало все недочеты образа, необычайно сближая с яростной натурой самого Джека. И буйный «мальчишка» признавался, что любит ее за «внутренний огонь, который пронизывает тебя насквозь, который делает задорной и легкой на подъем, чуткой и гордой...» А еще в этой женщине присутствовало достаточно мужества и силы духа: на нее можно было положиться. А возможно ли представить сусальную неженку Мейбл или патентованную жену Бесс в роли вахтенного на яхте, мчащейся ночью в бушующем океане? Вряд ли. А Чармиан могла подменять мужчин. Означает ли это, что она была лучше двух упомянутых женщин и что те непременно должны были оказаться несчастными? Абсолютно нет!

Вся история отношений женщин с Джеком Лондоном свидетельствует только об одном: связывая себя отношениями с кем-либо, следует позаботиться о том, чтобы получше узнать, изучить своего партнера. Осознать, возможно ли, приемлемо ли для себя связывать с ним судьбу, схожие ли у пары цели, желания, центры влияния? Ни Мейбл, ни Бесс не задавались такими вопросами. Ни Мейбл, ни Бесс не имели активной жизненной позиции. Они жили подобно растениям, которые цветут, если их поливают любовью, и вянут, если источник любви иссякает. В них не было того живого огня, свойственного принцессам, огня, влекущего завоевателей — будущих королей.

Крайне важным представляется то, что в картине межличностных отношений каждый являет собой отдельно движущийся индивидуум. Это похоже на траектории атомов: некоторые, более активные, пытаются приобрести потерянный электрон, иные — передать избыточный. Гиперактивность ярко, как бенгальский огонь, горящего Джека Лондона была ни к чему тихой и «правильной» скромнице Бесс. Его дикая природа была тем более не по плечу хрустальной натуре Мейбл, выросшей в закрытом от жизненных бурь заповеднике. Но никто не принуждал их лишать себя будущего — Джек Лондон хоть и великолепный притягивающий к себе озорник, но далеко не единственный мужчина на планете. Будь эти женщины активнее, живее, зубастее, они бы без особых усилий устроили свое счастье. Потому весьма ярким моментом этой повести о мужчине и трех женщинах представляется превосходно запечатленный биографами занятный эпизод. А именно: во время разбора романа *«Мартин Иден»* уже одного из самых успешных писателей континента безнадежно одиноко увядающая и несчастливая Мейбл Эпплгарт «со смертельной тоской» взидала с первого ряда на докладчицу. А ведь ей было-то всего тридцать с хвостиком! Еще можно было не раз начать жизнь сначала, отрубить прошлое, смело посмотреть в глаза жизни! Но она предпочла статичность, за что и платила сполна.

Чармиан — куда более динамичная фигура. Ее взъерошенное, как у чайки перед бурей, мировоззрение много больше соответствовало представлению данного мужчины о подруге, нежели взгляды на жизнь степенных, словно прикованных цепью к городам Бесс Мадерн или Мейбл Эпплгарт. Но еще Чармиан была вредной и циничной собственницей: заполучив мужа, она ограждала его от любых раздражителей. Даже когда Бесс однажды привезла дочерей пообщаться с отцом, она повела себя настолько негостеприимно

и невежливо, что только такой благородный человек, как Джек Лондон, мог стерпеть выходку (когда бывшие супруги разложили на траве завтрак, Чармиан стремглав промчалась рядом, и еда покрылась слоем пыли). К тому времени она уже слишком хорошо его знала и слишком прочно вступила во владение своим мужчиной...

Но, отдавая должное правде о второй миссис Лондон, следует отметить и ее быстро угасшую способность развиваться, расти как личность. Как всегда, скрупулезный Ирвинг Стоун отмечает, что Джек Лондон «с беспощадной ясностью увидел, что Чармиан в возрасте 43 лет — все еще ребенок, целиком поглощенный ребяческими забавами». Другими словами, в свои 38, за два года до смерти, писатель обнаружил, что его избранница не способна меняться, испытывая невероятные психологические сложности с переходом на новый уровень. Это, конечно, был шок, потрясение. Часто она не могла и не желала вникнуть в проблемы мужа. Налицо — удручающее застревание психики, застой жизненной энергии, ужасающая стагнация личности. Неспособность с возрастом стать более мудрой оказалась присущей всем женщинам этого беспокойного мужчины. Не исключено, если бы не горы творческих проблем, колоссальные долги и предательство многих людей, которых он считал друзьями, Джек начал бы новый отсчет времени. Но и сил уже не было, надо было зацепиться в этой иссякающей жизни хотя бы за кого-то. Этим кем-то и оставалась до конца его дней Чармиан.

Его Дом Волка — реальное грандиозное сооружение, которое писатель строил как совершенное семейное гнездо, как персональную систему, — оказался разрушенным: он почти дотла сгорел, причем и причина пожара, и возможный поджигатель так и остались тайной. Причину, вероятно, следует искать в ментальной сфере — в крайне уязвимом

мировосприятия писателя. Дом пропал, потому что должен был пропасть — вследствие отказа от энергетической оболочки и доступа к семье многих случайных людей. Джек, склонный к внешней бравате и масштабной деятельности, приступил к амбициозному и, как всегда, непродуманному проекту в возрасте 34 лет, а через три года, когда практически законченное строение выгорело вплоть до каменного каркаса, испытал такое душевное опустошение, что начал изгонять из себя природную расположенность к людям.

«Я обладаю роковой способностью заводить друзей, но не могу похвастать драгоценным умением от них избавляться», — сообщил однажды Джек Лондон о себе. Это была самая страшная его беда. Беда, отнимавшая силы, высасывавшая жизненную энергию. От нее он погибал, как в юности от пьянства, драк и рискованных набегов на чужие устричные угодья. В отношениях с окружающими Джек не вырос с тех самых времен и, оставаясь веселым, доверчивым и безнадежно непрактичным рубахой-парнем, не сумел перестроиться, отказаться от отношений, которые тянули его на дно, в бездну. Его могла спасти только женщина. Но к началу работы над едва ли не самым провальным романом выдающегося писателя (*«Маленькая хозяйка большого дома»*) такой женщины просто не существовало. За Чармиан можно было зацепиться, в чем-то положиться на нее, но она не могла сыграть роль спасительницы — она не жила на одном уровне с Джеком Лондоном, не умела или не желала до конца проникнуть в мир его переживаний, не задавалась целью погасить его терзания. Не желала исполнять роль хозяйки дома, но не позволяла мужу даже беседовать с женщинами более двух минут, — у Чармиан на почве ревности начала развиваться фобия оказаться оставленной.

Но, может быть, к тому времени вообще для всего уже было поздно? Ведь не случайно Джек как раз во время работы над романом приезжал к Бесс и умолял ее разрешить дочерям навещать его на своем ранчо, там же на «уединенном участке» он был готов построить отдельный дом для первой жены. Взамен он предлагал даже переписать завещание, по которому все его имущество досталось бы дочерям, а не Чармиан. После девяти лет верности Чармиан, когда лопнула духовная нить между ними, он стал изменять ей, как и первой жене. Но у всякой монеты — две стороны, и сумбурная, неуравновешенная личная жизнь Джека Лондона уже стала приносить червивые плоды в виде продолжительных депрессий, меланхолии, приступов тоски и отчаяния, — за все своя плата. И самая страшная плата — писательская: в гонке он выдыхался, и «*Маленькая хозяйка...*» — одна из последних судорог.

Естественно, Джек Лондон испытывал тоску по нерожденному сыну. Он искренне любил двух дочерей от Бесс Мадерн, был невыразимо потрясен смертью дочери от Чармиан (она прожила лишь три дня). И вот отражение тоски было выплеснуто в вывернутом, сублимированном виде в «*Маленькой хозяйке...*» Обласканный славой мастер слова топил горе в крепких напитках, прибавился страх сойти с ума. Биограф утверждает, что в отчаянии Джек искал «зрелую женщину», которая подарит ему сына.

Женщина, если только она намеревается стать подлинной подругой мужчины, должна не сдерживать его деятельность, но мягко содействовать ей, помогая развиться если не до миссии, то до осмысленной, интересной, захватывающей и непременно значимой задачи. И еще женщина должна уметь изменяться с возрастом — вовсе не для мужчины, но для собственного же блага, ибо только

логические трансформации сознания позволяют пройти по жизни полноценно и наполненно.

Попробуем обобщить сказанное выше. Основное уязвимое место женщин Джека Лондона — достижение лишь ситуативного преимущества по отношению к другим женщинам и неспособность развиваться до духовной зрелости, отсутствие стремления к постижению мудрости, отказ от своей личности на каком-то этапе жизни. На месте писателя можно рассматривать заместительный образ — целеустремленного, сильного духом мужчины с бременем любой общественно значимой миссии: творческой деятельности, политики, бизнеса и т.д. Женщина, если только она намеревается стать подлинной подругой мужчины, должна не сдерживать его деятельность, но мягко содействовать ей, помогая развиваться если не до миссии, то до осмысленной, интересной, захватывающей и непременно значимой задачи. И еще женщина должна уметь изменяться с возрастом — вовсе не для мужчины, но для собственного же блага, ибо только логические трансформации сознания позволяют пройти по жизни полноценно и наполненно. Изменения означают познание, они связаны с усилением образа, придания ему нового колорита, привкуса мудрости. Такая женщина ценна в любом возрасте, одиночество ей не грозит, если только она сама не избрет его в качестве защитной оболочки от суеты мира.

Для женщины уравновешенной и степенной, желающей скромного семейного благополучия связь со слишком бойким, непоседливым, авантюрным мужчиной содержит повышенные риски. Тем более если эта связь возникает без страсти и любви, под воздействием мимолетного периода душевного разлада подвернувшегося под руку мужчины. Если брать непосредственно случай Джека Лондона и его первую женитьбу,

то совершенно очевидно, что ему просто нужен был кто-то в данный весьма печальный момент после разлада с возлюбленной. Но для девушки не менее очевидным сигналом должна была стать порывистость отношений — они не только не знали друг друга, но и вовсе не задумывались о будущем. Легкомысленность пронизала начало отношений, и легкомысленным, сугубо интуитивным порывом мужчина эти отношения и завершил.

Покладистость Бесс Мадерн, скоропалительное, лишенное восторга решение стать женой человека, ищущего всего за пределами, таили опасности. Множество женщин, подобных Бесс Мадерн, погубило движение по траектории жизни почти без эмоций, без яркого проявления чувств, на фоне аморфности и отсутствия желания идти в ногу с мужем. Часто такая жизнь сродни самоотречению, но тут никакие верность и преданность не удержат мужчи-ну-искателя. Бесс лишь следовала за мужем, не смея или не желая выдвигать ему какие-либо требования. Например, как может жена спокойно заниматься домашними делами, в то время как муж в течение четырех часов подряд о чем-то беседует с незамужней женщиной? Ее роль в доме сводилась к обеспечению воспроизведения и воспитания потомства и поддержанию сносного быта. Кому-то этого вполне достаточно, но только не мужчине достижений, мужчине, не терпящему блеклого мещанского существования. Кто-то из окружения Джека Лондона очень верно подметил: Бесс Мадерн была сначала мать, а потом уж жена. Она не делала ничего, чтобы быть привлекательной; ее старания были односторонними и потому казались мужу пресными, лишенными духа приключений. Чармиан старалась на внешнем фронте и очень скоро позабыла о внутреннем. А внушительный запас, приобретенный мисс Киттередж усилиями воли до 32 лет, слишком скоро иссяк.

Связь мужчины и женщины часто спотыкается о потерю интереса к общению. У хорошей пары жизнь становится ведением продолжительной, длиною в жизнь, беседы на безграничное количество тем. Это важный, необходимый обоим энергетический обмен. Конечно, беседа эта прерывается таким же большим количеством пауз, в течение которых каждый исполняет свою часть миссии, пополняет запасы знаний, совершает нечто, что поддерживает интерес партнера к собственной личности. Уровень общения может быть духовный или душевный, иногда физический, интимный, — все зависит от открытости энергетических потоков, развитости разума. Духовного обмена может и не быть, это часто не мешает счастливому союзу. Но успешной пары без эмоционального душевного общения не бывает никогда (опыт людей, живущих вместе машинально, по инерции по полстолетия — не в счет). В жизненной истории Джека Лондона как раз и наблюдается прерывание общения с первой женой на фоне возникновения прочной духовной связи с другой женщиной. А потом, когда рвется духовная основа взаимоотношений, крушение постигает и отношения с нею. Не стоит думать, что великий литературный талант был драгоценным приобретением для семейной жизни. Отнюдь! Порывистый и жаждущий большего во всем образ Джека Лондона для мыслящих женщин может служить некоей картой весьма сложного маршрута, которая, тем не менее, может сослужить добрую службу при формировании собственного.

Еще один нелюбимый штрих к портретам двух женщин — Бесс и Чармиан. Обе они страдали такой ущербной болезнью, как ревность. А Джек Лондон, надо сказать, ненавидел ревность лютой ненавистью. Можно понять, почему. Бесконечно уверенный в себе мужчина, он видел и знал себя как самого лучшего из племени. И потому жил истовым захватчиком, а

воители не ревнуют — это подрывает их репутацию. Его же женщины не обладали столь замечательной уверенностью в себе: Бесс вообще была определено подавлена пестротой мира, а Чармиан слишком хорошо помнила период своего забвения как женщины, когда до тридцати с лишним лет у нее ровным счетом ничего не получалось с мужчинами («непрерывной вереницей возникают в ее жизни мужчины — и вскоре исчезают»). Ревность — безусловно, не лучший помощник в амурных делах. И сам Джек Лондон великолепно описал идеальные, лишённые ревности, отношения между мужчиной и женщиной, которых он бы желал, но не получил. Более всего это удалось ему даже не в *«Маленькой хозяйке...»*, а в коротком рассказе *«Прибой канака»*.

Причина разрушения связи между мужчиной и женщиной, когда один из партнеров не может угнаться за другим в духовном развитии, довольно часта. Правда, стоит оговориться, что еще более часто семейный коллапс случается и вследствие банального впадения в детство (в инфантильность, если хотите) внешне успешного партнера, ищущего новых ощущений и новых отношений.

Но фундамент успеха каждой пары состоит в том, чтобы никто из двоих не почувствовал себя одиноким. Как, например, Джек Лондон, которому сестра незадолго до его смерти сказала: «Джек, ты самый одинокий человек на земле. Того, о чем ты мечтал в глубине души, у тебя ведь никогда не было».

И хотя Чармиан добилась своего — вышла замуж за принца, помогла стать ему подлинным королем на литературном троне, удержала его подле себя, — все-таки ее история имеет двойное дно. Мудрые женщины сумеют отличить илистые места. От себя же рискну добавить: иногда миссия женщины заключается в одном-единственном — *не допустить одиночества своего мужчины*. Для своего же блага.

Глава одиннадцатая. Искусство менять отношение к жизни и прощать

Упоминаемые образы: Луиза Хей, Хилари Клинтон

«Любящая женщина все простит, но ничего не забудет», — такую мысль оставил потомкам Халиль Джубран, неординарный арабский мыслитель. Важные слова, сказанные мужчиной, но предназначенные женщине.

Не всем женщинам предстоит жить с президентами и учеными, потому начать эту главу хотелось бы с более приземленных, хотя, может быть, не менее драматичных историй. Представьте себе еще не старую женщину, лет 55, одиноко прозябающую в огромном доме в пригороде столицы, доме, похожем скорее на поражающий размерами дворец, чем на современное жилище. «Более тысячи квадратных метров, — говорит хозяйка с некоторой гордостью, сквозь которую просачивается горечь и тоска, — у нас даже киностудия несколько раз арендовала дом для съемок фильма про богачей».

Действительно, тут есть все внешние атрибуты счастья: громадный лохматый алабай, который лучше всякого телохранителя, прекрасные тенистые деревья, множество хвойных растений, цветов, зимний сад, бассейн и теннисный корт. Но женщина неисправимо несчастна, в ее голосе и взгляде сквозит безнадежность. А ведь у нее есть муж, есть дети и внуки, у нее предостаточно средств — над ней бесконечно корпят массажисты, косметологи, диетологи, психотерапевты. Но психика отчего-то не лечится... Она не верит в себя, ничего и никого не любит, в чем-то подозревает весь окружающий мир.

В чем проблема этой женщины? Она полагала, будто вышла замуж за принца. И, может быть, в свое время была права. Мужчина он видный, с бесспорным потенциалом, он реализовал много планов, получил признание и уважение в своем социуме, заработал солидные деньги, построил дом и т.д. Но замужество она рассматривала как конечный пункт обустройства своей жизни. Выйдя замуж, она не сделала ровным счетом ничего — ни для собственного роста, ни для сохранения женского очарования, ни для реализации себя на каком-нибудь профессиональном поприще. И вскоре стала совсем не интересна мужу. Нет, он с ней не развелся — он не из тех, кто привык резать по живому, начинать путь сначала. И хотя в своем солидном возрасте (а ему немного за шестьдесят) он еще отлично зарабатывает, делать семейную революцию ему вовсе не хочется. У него есть другая женщина, которой он отдает любовь, к которой у него глубокая эмоциональная привязанность, общие темы для бесед. А жена — преимущественно одна и одна. Она живет в мареве впечатлений, полагая, что ее муж — «эгоистичная скотина», «старый ненасытный козел» и т.д. Это еще самые безобидные словечки, которыми женщина награждает своего бывшего любимого. Кстати, развестись она тоже почти не может. Это не

имеет смысла. Накопления? В шестьдесят они уже не имеют особой ценности. А вот отношения — да! Но беда в том, что дети, внуки, зять и невестка — все на стороне ее щедрого, открытого и душевного мужа.

Вовсе нередкая история в наше время, не правда ли? Согласно нашей классификации, это *принцесса, не ставшая королевой*. Почему? Да она попросту не захотела. Не стала трудиться, предпринимать усилия. А отсутствие действий в сфере отношений — это тоже действие. Результат которого идет, так сказать, в минус. Так и хочется вспомнить золотые слова Фридриха Ницше: «Женщина научается ненавидеть по мере того, как разучается очаровывать». Чем не пример?

На самом деле эта история не о способности очаровывать или ненавидеть. Главное — описанная нами женщина живет в окружении негативных эмоций, напряженности, ненависти, тайной жажды мести, обиды. Кстати, в этой невеселой истории содержится еще один важный урок: для людей, не решивших свои эмоциональные проблемы, не снявших психические блоки, походы к косметологу, скорее всего, излишни. Потому что они не принесут результата. Начинать изменения следует с внутреннего мира. И тут есть хорошая новость: изменить, трансформировать сознание, привести его к любви и всепрощению можно. В любом возрасте, в любом положении, при любых обстоятельствах. Об этом свидетельствуют самые различные образы. Для наглядности представим лишь несколько, как кажется, наиболее колоритных.

Начинать изменения следует с внутреннего мира. И тут есть хорошая новость: изменить, трансформировать сознание, привести его к любви и всепрощению можно. В любом возрасте, в любом положении, при любых

обстоятельствах. Об этом свидетельствуют самые различные образы.

Сперва речь пойдет о некоей Луизе Хей — простодушной, необразованной, но все-таки неординарной женщине, историей которой справедливо восхищаются многие женщины начала нового тысячелетия — вследствие, по всей видимости, предельной откровенности самой Луизы, а также ее непреклонной воли и решимости изменить свою жизнь. А еще потому, что эта незамысловатая женщина достигла самого дна, а затем сумела победить свои негативные представления, стать знаменитой и счастливой. Она это заслужила. И такая глубокая трансформация сближает Луизу с очень и очень многими современницами.

Вот ее признания. До сорока пяти лет жизнь Луизы не имела «особого смысла и приносила только страдания и огорчения». В этом возрасте она приняла идею позитивного мышления и уже через пять лет сумела основать собственное издательство. На седьмом десятке своей жизни эта самоотверженная женщина начала с энтузиазмом изучать живопись, писать и продавать собственные полотна. После 65 лет начала осваивать танцы, что было ее детской мечтой. Получив «удовлетворение от движения под музыку», в 70 лет Луиза серьезно увлеклась йогой, причем сумела приобрести легкость и эластичность тела, укрепить гибкость мышления. К окончанию восьмого десятка она превратилась в настоящий феномен: почтенная матрона излучала здоровье и счастье и уверенно смотрела в будущее, ничуть не утратив элегантности, яркости и радостного отношения к жизни.

А ведь ее судьба начиналась вовсе не радужно. В зловонной атмосфере нищеты и вечной депрессии, изнасилованная в пятилетнем возрасте бродягой, унижаемая и обделенная, она

знала только темные углы жизни и никогда не знала любви. В своей книге она впоследствии опишет психологическую драму ребенка-изгоя, мечтающего о кусочке торта на школьной вечеринке, но так и не отведавшего вожаделенной сладости, потому что другие, более проворные, съели по нескольку кусков. «Сейчас мне совершенно ясно, что мое собственное убеждение в том, что я ничего не стоила и ничего не заслужила, поставило меня в конец очереди», — написала она, будучи зрелой и успешной женщиной.

Ее путь к самодостаточности и уверенности в себе оказался не так прост, как обычно бывает в сказках со счастливым концом. Но, вероятно, потому, что она выпила горькую чашу до дна, а затем сумела круто повернуть русло своей пересыхающей жизни, образ этой женщины и привлекает. Итак, став взрослой, она сталкивалась преимущественно с презрением и унижением со стороны мужчин, и даже вынужденное материнство (и отказ от ребенка) принесло ей лишь страдания. Но, достигнув илистого дна жизни, она осознала, что есть только два пути: начать менять себя и свой мир, как бы родиться заново, — или же прекратить свое нелепое путешествие на земле. Даже когда ей удалось стать успешной манекенщицей и выйти замуж за «прекрасного, высокообразованного английского джентльмена», шанс стать счастливой ускользнул из рук — через четырнадцать лет муж ушел к другой женщине. Все по той же причине — отсутствие у Луизы веры в себя, недостаток достоинства, неспособность развиваться духовно. Отсюда проистекает и главный грех — отсутствие любви к себе и, естественно, как логичная рефлексия, отсутствие любви со стороны других людей (невозможно любить того, кто сам себя не любит). В конце концов ответом на презрение к себе и извечную обиду на мужчин стала болезнь — рак. Это был еще

один вызов в цепи предыдущих, и вызов поистине судьбоносный.

Луиза Хей жаждала полноценной жизни, ей хотелось обрести целостность. И это придало ей сил. Как было сказано, она глубоко восприняла идею о том, что позитивное мышление способно изменить материальный мир. Осознанно сделанная ставка на прощение и воспитание любви к себе и к ближнему дала ей устойчивый иммунитет на многие десятилетия. Она продолжила свой жизненный проект единственно возможным способом — любя, прощая и реализуясь как духовная сущность. Это — поистине уникальный опыт. Ключевой фразой в воспоминаниях этой женщины является та, что утверждает доминирование позитивного мышления: «Сейчас мужчины, унижающие женщин, даже не подозревают о моем существовании, потому что наши образы мышления больше не совпадают». Став думать иначе, чем раньше, она поднялась до нового, более высокого уровня вибраций. А люди с разным уровнем вибраций, как правило, друг другу не встречаются.

Луиза Хей превосходно доказала, что скачок в мышлении можно сделать за счет новых знаний. Не формального образования, но приобщения к мудрости Вселенной, подключения к информационной базе данных, созданной Совокупным Разумом. Она шагнула так далеко, что обучалась даже трансцендентальной медитации. Приобщение к новым идеям, осознанная учеба, следование принципам любви и отказа от зла сделали свое дело. Не случайно ее книга *«Исцели свою жизнь»* выдержала фантастический тираж — более 35 миллионов экземпляров более чем на 30 языках мира.

Однако, справедливо заметит взыскательная читательница, при чем тут принцы и короли? Если наша замечательная Луиза и принца не выбрала, и потенциального короля не уберегла. Кстати, будучи весьма привлекательной дамочкой (иначе не

работала бы моделью и не попадала бы на обложки популярных гляцевых изданий) . Сама она в своей поздней биографии старательно умалчивает о мужчинах, больше говоря о любви к сестре и старой матери. Все так. Ее женская (а не социальная) судьба не столь яркая, как, скажем, у Лени Рифеншталь. Но не будем строги. Главное для наблюдателя — вовсе не умение копировать образ, а нечто противоположное копированию. Понять образ мышления — это представляется гораздо более важным. Никто не станет оспаривать, что Луиза в своем жизненном проекте одержала победу. Она уверенно и безапелляционно создала свое крепкое королевство без короля, она достигла (или почти достигла) гармонии, соткав новый ажурный мир там, где была чудовищная паутина. Этому стоит поучиться. Менять мышление — самый крутой поворот для всякого человека. А ее женская недоволенность тоже легко объяснима — все в мире должно происходить вовремя. Она обратилась к себе тогда, когда навестать все было невозможно, но компенсировать утраченное — вполне реально. Ее жизнь справедливо можно назвать *искусством возвращения возможного*, ее опыт определенно может быть классикой изменения сознания. И точкой отсчета для беглого анализа других образов.

Своим опытом борьбы Хилари Клинтон доказала, что судьба ошибалась, когда перевела ее в категорию жалких обманутых женщин. Осмотрительная и вместе с тем решительная женщина вместо банальной обиды на мужа избрала персональный рост - ведь именно публичное обсуждение неверности президента США приковало к ней внимание миллионов. Если же говорить о психике, то женщине удалось преодолеть состояние уязвленности и обиженности.

Вряд ли кто станет упорствовать по поводу того, что госсекретарь США и бывшая первая леди Америки Хилари Клинтон за считанные годы после президентской каденции своего неверного мужа Билла Клинтона превратилась в настоящую знаменитость, создав достаточно яркий и самобытный образ женщины начала XXI века, представив себя миру самодостаточной и многомерной персоной. Иногда ее называют тщеславной, но чаще — осознающей свою компетенцию и значимость.

Своим опытом борьбы Хилари Клинтон доказала, что судьба ошибалась, когда перевела ее в категорию жалких обманутых женщин. Она на практике сделала то, что настойчиво рекомендовал Дейл Карнеги: получив лимон, постарайтесь превратить его в лимонад. Осмотрительная и вместе с тем решительная женщина вместо банальной обиды на мужа избрала персональный рост — ведь именно публичное обсуждение неверности президента США приковало к ней внимание миллионов. И она ловко использовала положение жертвы, вызывающей симпатии терпением, спокойствием и предсказуемостью. Если же говорить о психике, то женщине удалось преодолеть состояние уязвленности и обиженности. И удалось это исключительно благодаря сосредоточению на деятельности. Она сумела предстать перед всем миром с обновленным имиджем, в котором не было жажды мести, а был оптимизм и чувство юмора. Это подкупало, ибо демонстрировало силу духа нашей героини. Предательство партнера она сделала козырем, потому и в их паре слабым звеном стали считать мужчину. Конечно, крайне важно, что Хилари была независимой в финансовом отношении и социально самодостаточной. Это хороший урок женщинам, ибо самодостаточность позволяет им справляться с подобными крупными стрессами.

Конечно, Хилари Клинтон максимально использовала ситуацию, — измена мужа-президента и последовавший за этим публичный скандал мирового масштаба сделали ее потерпевшей стороной. И эту потерпевшую сторону все потенциально готовы были поддержать — как бы дать ей откупную, компенсировать уязвленное самолюбие и оскорбленную женственность. А еще такая поддержка должна была запечатлеть публичное осуждение мужчины как организатора столь одиозного зрелища. Если бы Хилари замкнулась в себе, принялась поливать грязью негодного партнера или, что еще хуже, стала травить себя ядом переживаний и жажды мести, ее дальнейшая судьба оказалась бы печальной. *Поддержать можно только того, кто хочет быть поддержанным*, кто, упав, поднимается и идет. Кто желает большего! Хорошо понимая психологический настрой многих американских женщин, Хилари предстала перед публикой сильной, нестигаемой натурой, способной брать на свои плечи ответственность. Эта женщина сумела занять высокий государственный пост в системе власти Соединенных Штатов и реально влиять на внутреннюю и международную политику.

Но, конечно, важно не то, что она сделала как представитель власти. Она искала в первую очередь доказательства собственной значимости. Все эти достижения нужны были ей самой, а не для того, чтобы презрительно бросить их обидчику-мужу, как перчатку. Важно, что она нашла новую реальность, площадку для нового старта, начала новый отсчет времени в своей судьбе.

Хилари Клинтон поступила крайне рассудительно. Если счастливая семья невозможна, то пусть будет семья успешная. Если процветание и гармония блокированы вследствие сознательного выбора партнера, то пусть их заменят внешние достижения, значимые в обществе. Обиду, ведущую к болезням

и смерти, она заменила новым качеством жизни. Без упреков и оглядок на прошлое. Самый прорывной момент в жизни Хилари — момент прощения. Если бы его не было, то злость и отчаяние погубили бы ее. Социальное полотно с умильным узором вполне заслонило темную дыру в сознании обманутой женщины. Причем речь ведь не о социальном контексте — все формальные достижения обнуляются, если остается боль внутри. Как кажется, Хилари эту боль преодолела.

Однако отмотаем немного ленту времени. Вышла ли Хилари замуж за принца? Несомненно. Сделала ли она своего избранника королем? Вряд ли у кого возникнет сомнение. Известно, что с молодых лет пара осознанно вкладывала усилия и средства в профессиональную карьеру. Имеются небезосновательные утверждения, что без поддержки Хилари Билл Клинтон не только не сумел бы стать главой государства, но даже никогда бы не выставил свою кандидатуру на президентских выборах. Она отлично потрудилась как женщина, связавшая свою жизнь с перспективным партнером. Умела быть привлекательной, терпеливой, интеллигентной. Приобрела множество разносторонних знаний, убедительно играла в любом социуме роль лидера. Будучи председателем студенческого самоуправления, организовала демонстрацию против войны во Вьетнаме. А немного позже выступила с неслыханной критикой администрации Никсона. Аргументация студентки настолько впечатлила журналистов, что ее речь была напечатана в журнале «Лайф». Это лишь штрихи, говорящие о том, что образ Хилари с самого начала ее карьеры был вызывающе ярким. Но главное — и это хорошо почувствовал партнер — она сама имела намерение расти и демонстрировала идеологию роста для избранника. И он не мог не почувствовать в ней немалый потенциал.

Одним словом, Хилари вела себя как принцесса. Но не как эгоистичная, избалованная барышня, а как сильный партнер, готовый к семейно-командной работе. Люди, мыслящие рационально, объединяются не столько вследствие вспышки страсти, сколько от осознания перспектив. Страсть же становится некоей последующей реакцией, неосознанной рефлексией. Разумеется, у пары должны совпасть ценности, взгляды на цели и ориентиры. Но для того-то люди и общаются. Через какой-то год после свадьбы Билл Клинтон уже стал генеральным прокурором штата — разве это не свидетельство верности выбора? Сам факт, что Клинтон с самого начала совместного пути яростно ухватились за идею двойной карьеры, свидетельствует об их ментальной состыковке. А прямым подтверждением может служить то, что Хилари долго считала себя «чем-то большим, чем жена президента». И даже наказала обслуживающему персоналу не называть ее первой леди, избрав другое обозначение — «партнер президента». Это очень показательно. К слову, на момент победы своего мужа на президентских выборах Хилари слыла столь компетентным и известным в стране юристом, что всерьез рассматривался вопрос о назначении ее генеральным прокурором. Так, вероятно, и случилось бы, если бы не закон, запрещающий назначать членов семьи на должности, подотчетные лицу, которое осуществляет назначение. Вообще, представляется важным высокий уровень самореализации Хилари, — это в значительной степени помогло ей преодолеть труднейший период совместной жизни и выработать искреннее решение — простить.

Сама по себе история Хилари Клинтон весьма поучительна. Она демонстрирует, что сознательный выбор жить и побеждать крайне актуален для современной женщины, которая должна быть способной к решительным персональным действиям.

Современная женщина также должна быть способной брать ответственность за свою судьбу, когда партнер пасует. К слову, Билл Клинтон всегда знал о высоком потенциале жены. Когда его однажды прямо спросили, не боится ли он, что жена опередит его, он заметил: «Я всегда любил сильных женщин... Мне не повредит, если люди считают, что моя супруга будет хорошим президентом. Я и сам это утверждаю».

Опыт Хилари Клинтон важен для многих миллионов разочаровавшихся в себе женщин. Это опыт-свидетельство. Во-первых, счастьем есть достойная замена. Во-вторых, женщина способна преодолеть предательство и оставаться здоровой, сильной, привлекательной. В-третьих, женщина способна продолжать игру всегда; она может оказаться в дамках, если сама выбирает новую партию. В-четвертых, в женщине заложены невероятные резервы, просто их надо правильно и смело использовать. В-пятых, для победы надо оставить прошлое, перестать жить им, устремить взгляд в будущее.

Мы живем в бушующем мире идей, каждая из которых может быть выращена до грандиозной. Если только действовать. Как молодое неокрепшее деревцо требует влаги, так юная идея жаждет усилий, деятельности, дерзости. Главное — пробудить глубинные силы внутри нас. Это тождественно для обоих полов. Изменение отношения к жизни влечет за собой изменение качества самой жизни. Никто, кроме нас самих, не несет ответственности за наш успех или наши неудачи, а позитивное мышление может стать палочкой-выручалочкой для всех желающих. Главный исцеляющий принцип для сознания таков: *сосредоточиться на формировании качественно новых привычек*. Они будут порождать позитивные мысли и самым естественным образом вытеснять старое, отжившее, ненужное, вредное...

Глава двенадцатая. О чем говорят художественные образы

Упоминаемые образы: Паола Форрест, Таис Афинская, Скарлетт О'Хара

Вивьен Ли в роли Скарлетт О'Хара

Наша цивилизация зиждется на тесном взаимодействии мужчины и женщины, и гармоничное пребывание любого индивидуума в этом мире в значительной степени зависит от качества этого взаимодействия. Потому мужчины-литераторы вполне закономерно создают художественные образы женщин, каких представляют в своем воображении. Некоторые из этих образов умиляют, иные возмущают, а третьи совершенно сбивают с толку читательниц. Однако часть подобных авторских разработок определенно достойна рассмотрения самими женщинами с расстояния более близкого, нежели просто читательское созерцание. Стоит принять во внимание, что большинство художественных образов являются отражением мужского восприятия женщины, помноженным на моделирование, порой гротескно преувеличенное, а порой намеренно приуменьшенное, в зависимости от задачи автора. В

любом случае это рефлексия коллективных ожиданий или опасений, связанная с моделированием роли и задач женщин-современниц, иногда — женщин будущего.

В последующей главе о Софье Берс есть упоминания о созданных Львом Толстым женских образах. Они соответствуют его персональным представлениям о роли женщины, и эти представления не лишены особенностей, которые полезны современнице, связывающей себя с подобным типом мужчины. Но художественные образы учат не только размышлять, но и моделировать. Если женщина будет изначально знать, что ее избранник, наделенный толстовскими представлениями о семейном строительстве, не собирается рассматривать ее как подругу, но видит в ней лишь безропотную мать будущих детей и смиренную помощницу, ей стоит основательно подумать. Потому что взгляды на будущую совместную жизнь, несмотря на возможные порывы пылкой страсти, могут оказаться диаметрально противоположными. С весьма горькими последствиями. И хотя Толстой в своих взглядах на женщину явно несовременен, приуменьшенное отношение к женщине все еще свойственно определенной категории мужчин.

В то же время широкое развитие в литературе нашло и идеализированное представление женщины. На нем хотелось бы больше заострить внимание, потому что именно эти образы открывают ориентиры новых возможностей и новых выборов — ведь это выплеснутые на бумагу ожидания многих мужчин. Достичь идеала, может быть, и не представится возможности (а может, и не захочется), но знать, как выглядят тайные устремления мужчин, не помешает. Конечно, совершенный результат потребовал бы изучения и аналитического препарирования довольно большого набора различных образов, наш же способ наглядности ограничится лишь несколькими. Для получения рельефности образа, полученного из разных

составляющих, можно воспользоваться двумя довольно показательными (и весьма популярными) героинями: античной гетерой Таис из романа Ивана Ефремова «*Таис Афинская*» и образцовой домохозяйкой начала XX века Паолой Форрест из романа Джека Лондона «*Маленькая хозяйка большого дома*».

Две виртуальные женщины (хотя Таис — реальный исторический персонаж, читатель в первую очередь имеет дело с образом мышления Ивана Ефремова) имеют черты, которые авторы желали бы видеть не только у своих спутниц, но у всякой представительницы прекрасного пола, рассчитывающей на успешные отношения с мужчиной. Мы уже знаем, что Джек писал «*Маленькую хозяйку...*» на закате своей литературной карьеры (фактически перед смертью), когда четко осознал, что его вторая жена Чармиан Киттередж — далеко не идеал (хотя кое-что от характера и особенностей жены в приукрашенном виде он все-таки взял). Напомним и то, что «*Маленькая хозяйка...*» — далеко не самое сильное произведение Джека Лондона, написанное в период творческого кризиса. Гораздо важнее понимать, что сам писатель представлял редкий тип мужественного, упорного, успешного и одновременно нежного и заботливого партнера. Такого, который заинтересовал бы многих женщин. И, опуская всю сказочную высокопарность романа (равно как и неестественный сюжет), нельзя не заметить, что образ Паолы — это личные представления писателя о совершенной женщине. Образ без изъянов и недостатков, пусть и выдуманный. Образ, представленный писателем, — всего лишь схема, абрис искомого, и обращаться к нему стоит из знания самого Джека — одного из настоящих мужчин из тех, кто когда-либо брались за перо и сумели поведать о себе и своих фантазиях.

«Маленькая хозяйка большого дома» — это нереализованная или, может быть, недореализованная мечта мужчины о совершенном доме с правильно (на его взгляд) распределенными ролями. Дом тут выступает не просто жилищем - в это понятие вкладывается смысл организации всего жизненного уклада любящих мужчины и женщины, мировосприятия, отношений не только человека с человеком, но и со всем окружающим миром, со всей Вселенной.

«Маленькая хозяйка большого дома» — это нереализованная или, может быть, недореализованная мечта мужчины о совершенном доме с правильно (на его взгляд) распределенными ролями. Дом тут выступает не просто жилищем — в это понятие вкладывается смысл организации всего жизненного уклада любящих мужчины и женщины, мировосприятия, отношений не только человека с человеком, но и со всем окружающим миром, со всей Вселенной. Роман инфантилен, излишне сентиментален и далек от реальности — как и сам автор. Глубоко внутри его жил фермер и собственник, но в романе он рисовал именно то, что в жизни оказывалось недостижимым, — гармонию с окружающим миром. Джек Лондон прятал за красивыми строками свою наивность и витание в мире милых его сердцу представлений. Он и на самом деле пытался внедрить определенные преобразования на купленных им землях, но фермеры-старожилы смеялись над незадачливым хозяйственником. Выдающийся писатель, обладатель неоспоримого художественного таланта и незыблемой воли, великодушный и добрый человек, он был никудышным менеджером, и сумбурные и непоследовательные решения не могли спасти от финансовых потрясений даже того, кто за считанные годы превратился из но-вичка-литератора в самого высокооплачиваемого писателя своего времени.

«*Маленькая хозяйка...*», как никакая другая книга, была его психологическим лекарством, живой задокументированной мечтой. В конце жизни он уже понял: идиллия не удалась, несмотря на многие счастливые мгновения с Чармиан, второй женой. Он писал о себе как обладателе гармоничного мира в семье, в работе, в бизнесе, мира с радостными детьми и любимыми животными — в общем, чистый сюрреализм! Писал так, как будто всеми этими благами он обладал.

Точно так же Иван Ефремов дописывал «*Таис Афинскую*», будучи в шаге от небытия, и кроил ее образ скорее как завещание, как показатель возможного. Нас не должно смущать, что этот образ извлечен из глубокого прошлого, — он принадлежит будущему. К концу жизни, не без влияния своей супруги, писатель чудесно облек в литературную форму целую доктрину женщины — той, что способна стать истинной подругой мужчины. То есть быть незаурядной, мудреющей с возрастом личностью и в то же время — возделенной партнершей в интимном саду желаний. Роман Ефремова уникален в своем роде — это и философский труд, и захватывающее художественное произведение. Однако его ключевая сила, в отличие от примера Джека Лондона, не в самом творце, но в его могучем таланте, исследовательском терпении и умении представлять идеалы прошлого (не приуменьшая того, что и в жизни Иван Ефремов был уникален).

Оба автора предстают коллекционерами представлений о сильных сторонах дочерей Евы с точки зрения восприятия их сильным полом. Потому, несмотря на идеализацию образов и разную художественную ценность произведений, обе книги оказались бы вполне полезными для девушек, стремящихся создать когда-нибудь собственную крепкую семью.

Начать стоит с того, что сами авторы, представляя собой консервативную часть общества, намеревались оторваться от

границ своего времени в представлении идеала женщины. Джек Лондон использовал воображение и визуализацию собственных желаний для формирования образа будущего — раскованной, непринужденной, по-современному мудрой женщины с тонким чутьем и острым умом. Иван Ефремов эти же черты старательно вытаскивал на поверхность из дебрей древности, неосознанно акцентируя на том, что «почти идеальная женщина» уже мелькала на бездорожье истории. У героини Джека Лондона «университетский диплом по факультету древних языков», и писатель, который сам бросил университет из-за слабости образовательной системы, как бы подчеркивает этот нюанс, не столько возводя образование женщины в ее неоспоримый козырь, сколько объясняя истоки ее развитого ума. Правда, тут же устами ее мужа автор решительно поправляется: «Для наших женщин в большинстве случаев самое главное — любовь к мужчине и материнство, к которому они предназначены природой». Важная деталь, ибо в ней содержится ясное послание: мужчина ценит умную женщину, но этот ум должен быть направлен не на эфемерные достижения (которые предназначены мужчине), а на закрепление и развитие семейных ценностей (среди которых, разумеется, он, мужчина, занимает центральное место).

Важно, что в обоих случаях женщина являет собой прежде всего личность, причем удивительно сильную, самобытную, самодостаточную, многостороннюю. Выразительный индивидум, способный на собственные решения и совершающий собственные поступки, какими бы сумасбродными они ни были. Такая женщина хорошо знает себе цену и никогда не опускается до уровня просто сексуальной самки. Даже если она гетера, то все равно четко осознает свою роль и пределы возможностей: «Таких, как я, силой не берут. Мы или умираем, убив себя, или убиваем того, кто позволил

себе это насилие». Одним словом, такую женщину следует завоевывать согласно контексту ее жизни — силой ли, деликатностью ли, или весомостью положенной у ее ног добычи.

«Та, которая родилась быть музой, но вынуждена быть домашней хозяйкой, всегда живет под искушением самоубийства», — еще одна цитата из «*Таис Афинской*», говорящая о двух важнейших постулатах для женщины. Цель достижения согласия с собой требует от нее, во-первых, слушать голос своих истинных желаний и, во-вторых, невозмутимо оставаться самой собой. Во что бы то ни стало. Презирая сарказм и гримасы так называемого общества. Подавление истинных желаний у современных женщин, так же как и обиды, прорывается опухолями и смертоносными депрессиями. Ефремов не случайно подчеркивает: женщина должна быть способна на освобождение от традиционных стереотипов, если сама чувствует острую необходимость в этом. Тут невозможно не вспомнить французского психолога и феминистку первой волны Элизабет Бадинтер, как-то всерьез написавшую: «Ничто не заставит нас вновь поверить в то, что семейный очаг — наше единственное назначение, а домашнее хозяйство и материнство — непреложная, обязательная судьба». Добавить к этому можно лишь то, что выбор женщины должен опираться на ее глубинные желания, а не на преходящие стереотипы.

Но — и это представляется важным — отдавая дань развитию личности, оба писателя ненавязчиво демонстрируют способность своих героинь быть привлекательными, очаровывать, отчаянно любить. Обе женщины — проворные наездницы, и этим авторы, не сговариваясь, намекают на желанность физически здоровой, превосходно сложенной подруги (при том, что ни один из них не акцентирует внимание на красивых чертах лица). Таис остается в великолепной

физической форме, даже пройдя сквозь годы, и от заботливого читателя не ускользает ни то, что она употребляет в пищу, ни то, чем питается духовно. Да и Паола после двенадцати лет замужества балует мужские взгляды умопомрачительными прыжками в воду. По книге у нее два мальчика и три девочки. Естественно, что обеим нравится быть в центре внимания, и обе предназначают себя лучшему мужчине, имея для этого выбор. Паола в свои 40 лет легко зажигает двух лучших мужчин, провоцируя в них противоборство, состязание, и тут опять два авторских послания. Например, что быть прелестной в 40 лет ничего не стоит — следует лишь уделять этому внимание. Второй импульс в потоке информации направлен скорее мужчинам: природа женщины сильнее ее мудрости, она заставляет ее вожделеть мужского соперничества; отсюда следует, что мужчина-победитель обязан оказаться лучшим. А что же Паола? Чем не пример для подражания для нашей современницы, которая, скажем, восстанавливает свои былые формы после родов? Ведь многие не делают этого, пребывая в иллюзии, что будут любимы всегда, потому что сумели подарить суженому ребенка...

Хотя для Таис любовь — профессиональная деятельность, читатель ни за что не признает в ней тривиальную продажную женщину. Скорее, узрит личность, предпочитающую свободу своеобразному виду рабства (который, кстати, сохранился в сублимированных формах и до начала XXI века). Философия свободы сквозит в словах Ефремова, вкладываемых в уста героини: «Их жены — рабыни, они могут воспитывать только рабов. Такова расплата за темных и запуганных их женщин» (эта фраза в равной степени направлялась мужчинам и женщинам). В этом Таис походит на более реальную женщину античности — Аспазию, но подруге Перикла повезло больше: она встретила мужчину, стремящегося к очагу, жаждущего

семейного тепла, а не только жара страсти. Зато Таис знает о любви именно то, что приковывает мужчин и заставляет их никогда не забывать даже о мимолетной встрече. Ефремов не случайно вводит эпизод ночного купания героини в Евфрате и ее неожиданной встречи с царем. Сутки напролет, возбужденные друг другом и искусно используемыми стимуляторами, они забываются в диком огне безудержной обоюдной страсти. Эта сцена — для демонстрации сугубо женской силы. И для подчеркивания необходимости ее наличия и развития.

В уникальном абсолюте свободы Таис и кроется ее небывалое женское могущество. Но ключевой момент жизни Таис все же иной: она вышла замуж за Птолемея (принца в нашем понимании), а после смерти Александра Македонского стала царицей Египта. Тут среди прочего, показан великий переход в женщине — от силы страсти к могуществу мудрости. Таис действительно непрерывно и последовательно растет, и прежде всего духовно.

У каждой героини — своя песнь любви, и у каждой — своя драма отношений с мужчинами. В обоих случаях концовка продумана автором. Но симптоматично, что мудрость (у Таис) побеждает все остальные метаморфозы. Ефремов тут говорит за двоих: «Проходят годы, и вдруг ты открываешь в себе отсутствие прежних желаний и понимание своего места в жизни. Приходит самоограничение, осторожность в действиях, предвидение последствий, и ты — мудр».

В уникальном абсолюте свободы Таис и кроется ее небывалое женское могущество. Она демонстрирует готовность следовать за воителем, почти наверняка зная, что будет им отвержена, но также зная, что способна зажечь его демоническим огнем. В

этом — ее осознание магии женщины, призванной воспламенять и направлять, наделять новыми импульсами. Но ключевой момент жизни Таис все же иной: она вышла замуж за Птолемея (принца в нашем понимании), а после смерти Александра Македонского стала царицей Египта. Тут среди прочего, показан великий переход в женщине — от силы страсти к могуществу мудрости. «Если вы хотите, чтобы рядом с вами был Великий человек, то надо тоже быть Великой», — этот комментарий одной из читательниц *«Таис Афинской»* невозможно оставить без внимания, ибо он удивительно точно отражает философию успешной и гармоничной женщины. И Таис действительно непрерывно и последовательно растет, и прежде всего духовно.

Образ же Паолы явно не дотягивается до духовного пространства. Может быть, потому, что и самому Джеку Лондону повезло со спутницей гораздо меньше, чем Ивану Ефремову. Впрочем, все закономерно. Виртуальная Паола растеряла себя точно так же, как реальный Джек. Выдающийся писатель, искрометный талант, незаурядный мужчина, он не сумел перейти на новый уровень восприятия жизни — духовный; оттого-то плод его внутреннего духа остался на грани мирского. Одно лишь можно считать позитивным: авторство своей судьбы героиня Джека проводит последовательно, как и он сам.

Следует сказать о восприятии двумя героинями дома и очага. «В Элладе все свободные женщины разделяются на жен, хозяйек дома и матерей и, с другой стороны, на гетер-подруг», — это слова Ефремова. Они объясняют несколько отвлеченное, отстраненное отношение гетеры к домашнему очагу — как к некой угрозе оказаться порабощенной. Но и Таис и Паола показаны как женщины, объединившие в себе все эти качества. Такая идея многим кажется утопической, но она сигнализирует ярко,

как маяк в ночи. Впрочем, каждая женщина сама делает свой выбор: принадлежать ли к определенной категории, или же быть универсальной личностью!

Еще один, теперь уже начертанный женщиной убедительный типаж. Образ Скарлетт О'Хара, созданный Маргарет Митчелл, — это рефлексия женщины на двусмысленную жизнь в патриархальном мире (конечно, в контексте своего времени). Это старательно выведенный образ непрестанно атакующей хищницы, предназначенный в качестве успешного образца выживания и организации жизни в мужском, полном трудностей, загадок и непростых переходов мире стремления к обладанию и доминированию. Да и в биографических справках о Маргарет Митчелл можно отыскать информацию, что тему романа *«Унесенные ветром»* она сама определяла как «выживание». Однако важно не общее понимание идеи, а конкретные поведенческие реакции, поступки, порывы — словом, все, что составляет внешне успешный женский образ. Пусть и наполненный страданиями, внутренней тревогой, вечными сомнениями, что придает ему жизненности. Именно поэтому есть ощущение, что, несмотря на изменившийся этнопсихологический контекст, пестрый образ Скарлетт О'Хара довольно актуален для женщин нового времени.

Первое, что бросается в глаза, — это ответственность героини за свой жизненный сценарий. Писательнице это было присуще только наполовину. Когда от гриппа скончалась ее мать, Маргарет, как и ее будущая героиня, взяла на себя попечение о доме и больном отце. Однако ее первое замужество, замешенное на сугубо физическом влечении, поставило ее личность и саму судьбу на край пропасти. Она прошла сквозь унижения и оскорбления, даже побои, — есть ссылки на то, что Маргарет не расставалась с оружием. Но другой добрый, щедрый, понимающий, хотя, может быть, не

такой искусный и мужественный в любви мужчина стал спасителем запутавшейся души. Открыв «типичной провинциальной леди», как ее однажды назвали, необъятные возможности журналистики, он дал ей в руки лук и колчан словесных стрел. Второй брак вывел женщину из сомнамбулического состояния, остался только след тревоги, как рубец. Кажется, ради окончательного собственного исцеления, а не из желания покорить читателей Маргарет и взялась за роман (в пользу этого предположения говорит тот факт, что роман оказался ее единственным произведением). Она описала то, что не сделала сама для своего выживания, но что должна была сделать. *И что вообще должна делать женщина для собственного утверждения. В значительной степени для самой писательницы роман «Унесенные ветром» стал десятилетним тренингом, в ходе которого она сумела кардинально изменить свое представление об отношениях с мужчинами. По сути, она писала, чтобы научиться любить — себя и партнера. А еще, не исключено, чтобы заглушить желание обратиться к своим дремлющим темным сторонам.*

«Она не сумела понять ни одного из двух мужчин, которых любила, и вот теперь потеряла обоих», — это ключевая фраза о Скарлетт. Где-то в глубинах сознания эта посылка касается тонких струн души самой Маргарет. Есть, конечно, очевидные признаки, связанные, например, с тем, что в образе Скарлетт отражены многие черты характера и внешности самой Маргарет Митчелл. Или с очень реалистичной гипотезой о прямой связи образа Ретта Батлера с первым мужем Маргарет, который, как известно, имел прозвище Ред. Вот показательная запись Маргарет времен ее юности: «Я хотела бы полюбить мужчину, и чтобы он любил меня больше всех других женщин. Я хочу выйти замуж, помогать мужу, растить здоровых детей. Но беда в том, что я не умею любить достаточно сильно...». Тут внимательный

читатель легко отыщет сходство со Скарлетт, которая могла испытывать только временные влечения. Когда все колебания и сомнения оказались выплеснутыми на бумагу, притяжение отчужденности было преодолено...

Есть еще один нюанс, связанный с образом Скарлетт, -его мнимая отрицательность в глазах моралистов. Мнимая, потому что Маргарет Митчелл вытащила на поверхность все природное вооружение женщины: коварство, изворотливость и колдовство, которые и позволяют ей выживать, побеждать в сложных хитросплетениях реальности. Это присутствует в каждой женщине изначально, и весь вопрос состоит в применении арсенала или отказе от него.

Пока Маргарет открыто отвергала свою Скарлетт, она была на середине пути к самой себе. Например, любопытна реакция писательницы на намеки в отношении связи ее образа с образом Скарлетт О'Хара. Госпожа Митчелл неизменно приходила в ярость, а репортеры публиковали ее высказывания типа: «Скарлетт проститутка, а я — нет!» Наиболее популярным было такое ее объяснение: «Я старалась описать далеко не восхитительную женщину, о которой можно сказать мало хорошего, и я старалась выдержать ее характер. Я нахожу нелепым и смешным, что мисс О'Хара стала кем-то вроде национальной героини. Я думаю, что это очень скверно для морального и умственного состояния нации, если нация способна аплодировать и увлекаться женщиной, которая вела себя подобным образом...» Маргарет Митчелл не очень уж лукавила, ибо в своей жизни не была подобной Скарлетт. Героиня — продукт ее неукротимого подсознательного: именно такой, согласно ее подкорковой версии, следует быть женщине,

если она желает добиться успеха. Но прошло время, и восторженно принятый обществом образ героини стал симпатичен и ее духовной матери.

Есть еще один нюанс, связанный с образом Скарлетт, — его мнимая отрицательность в глазах моралистов. Мнимая, потому что Маргарет Митчелл вытащила на поверхность все природное вооружение женщины: коварство, изворотливость и колдовство, которые и позволяют ей выживать, побеждать в сложных хитросплетениях реальности. Это присутствует в каждой женщине изначально, и весь вопрос состоит в применении арсенала или отказе от него. Писательница, сама однажды уязвленная мужчиной, показала, как можно было бы применить асимметричное оружие пола, и само по себе высвобождение «злого женского духа» избавило ее от необходимости прибегать к его помощи. Зато всему остальному женскому миру просигналило: в вас все-таки есть нечто потрясающее, несгибаемое, непобедимое — разящий кинжал, который, если возникнет необходимость, можно использовать как последний довод. Но также стоит понимать, что широкий диапазон возможностей загоняемой в тупик женщины — это лишь одно из проявлений ее непревзойденного духа. И если этот великий дух, эта чарующая энергетическая субстанция, не видимая глазу, в женщине сохранена, ей не страшны никакие обстоятельства. А сам дух, беспокойный и величественный, подскажет выход из положения и подвигнет на конкретные сугубо индивидуальные поступки. Именно в этом сила противоречивого образа, подаренного Маргарет Митчелл. *Именно за это и стоит обращаться к книге и запрессованным в ее страницах мыслям.*

Итак, каким образом девушке воспринимать образ Скарлетт с точки зрения решения своей жизненной задачи? Во-первых, этот образ позволяет понять, что успех и счастье — категории

разные. Во-вторых, он предлагает женщине варианты преодоления заложенного в ней веками монашеского смирения перед обстоятельствами. В-третьих, что бы ни утверждала сама Маргарет, она великолепно, на колоритных примерах демонстрирует в романе, как именно это можно сделать. Максимально использовать окружающих, оставаться циничной совратительницей для некоторых и деспотичной для остальных — вот формула успешной и одновременно несчастливой женщины. Эта формула особенно по душе тем женщинам, которые с радостью готовы причислить себя к новому, определенно губительному стереотипному образу — «стерв». Идея очень сомнительна, и не случайно в романе она выписана в гротескных формах. Но невольно роман затрагивает и другую, как бы параллельную тему — дара любви и следования традиционной роли. Тут женщина будто бы лишается выразительности и яркости, ставится блеклой и беспомощной, вызывает негодование и сожаление.

Однако в реальной жизни Маргарет Митчелл совершила как раз бессознательный переход от Скарлетт к Мелани, второстепенной героине, которая не так удачлива, но больше, чем успех, ценит краткие минуты тихого счастья. Действительно, сама писательница никогда не поступала подобно Скарлетт, — пуританское воспитание, ориентиры на высокоморальные, одобренные обществом установки не позволили бы этого сделать. Но в мыслях ей хотелось быть не только положительной женщиной, но и женщиной могущественной в своем блеске, причем чтобы природа могущества проистекала из страсти. Скарлетт О'Хара — лишь часть Маргарет Митчелл, и часть тайная, как река, не выходящая из берегов, однако жаждущая этого.

В самой Маргарет долгое время боролись личность и самка. Победила личность, однако самка, заглушенная, не смирилась, а

лишь притихла, оставив идею мятежа. В Скарлетт, напротив, победила самка. Она достигает только внешнего успеха, гармония же с навечно усыпленной личностью невозможна. Для писательницы это особый способ лечебной сублимации, для читателей — отличный образ. Но не известно, пример ли для подражания. Тут опять-таки каждая женщина может сделать лишь свой индивидуальный выбор.

Часть вторая. Поучительные подсказки несостоявшихся принцесс и королев

Глава первая. Ясная поляна: Неудачное балансирование

Упомянутый образ: Софья Берс

Лев Толстой и Софья Берс

Частная жизнь Льва Толстого и Софьи Берс тем и примечательна для любого строителя собственного семейного счастья, что она многими описана подробно и придирчиво, и главное — предельно достоверно. Прежде всего, самими Львом Николаевичем и Софьей Андреевной в интимных дневниках, а уж затем — целым сонмом исследователей, а также лицами из окружения известной семьи. Пожалуй, в истории не было более откровенных и честных рассказчиков о собственных противоречивых импульсах, чем автор *«Войны и мира»* и его спутница жизни. Но, кстати, само по себе ведение дневников

уже есть проявление боязни быть непонятым, высказывая вслух те или иные мысли. И это сразу же свидетельствует о шаткости любви и сомнительности взаимного душевного проникновения супругов. Каждый из них словно обитал в собственном коконе, тщательно зашторенном для партнера, но раскрытом на обозрение потомкам.

Избыточность материала о жизни гения требует максимально сжато представить ключевые особенности семейного балансирования двух стоек (ведь и в семейном счастье, и в умирании любви всегда замешаны двое). Начинали они возделывать семейное поле с завидным усердием, без робости пользовались матримониальным самоубеждением в наличии любви, и приливы трогательных вздыханий, смешанные с отливами прохладного ропота, длились около девяти лет. Еще пять последующих лет шаткое, построенное на иллюзиях согласие медленно и неотвратимо угасало, натываясь на духовный разлад и существенные противоречия в понимании самого мироздания. Наконец, оставшиеся годы из почти полувека совместной жизни отражают скорее муки терпения женщины, крен мужчины к почти полной отрешенности и общий фатализм движения семейного корабля^[2].

Не напиши Лев Толстой бессмертных произведений, современники, верно, считали бы его сумасшедшим. Или, как минимум, чудаковатым отшельником, обитающим вне контекста времени и социальных традиций. В самом деле: вместо заботы о собственных детях он думал о бедствиях народа. Будучи графом и имея достаточно средств, собственноручно мастерил калоши, косил, пахал землю, жил, подобно простому мужику. Наконец, общению с себе подобными предпочитал чтение экстравагантного Конфуция и

еще мало известного в те времена Шопенгауэра. «Асоциальный тип!» — воскликнул бы обыватель. «Проблематичный муж!» — сразу сообразили бы дамы. А молоденькая Софья Берс просто и безбоязненно впряглась в семейную лямку, как это положено было в подобных случаях, — все восемнадцать лет ее готовили именно к такому делу всей жизни.

Впрочем, относительно Толстого так и хочется воскликнуть: выкристаллизованный, выстраданный семейный сценарий можно считать лучшим из возможных для самого писателя, ибо всякая попытка создать наяву задуманный в воображении идеал изначально обречена на провал! Реальность, как известно, уступает представлениям в яркости. Что же касается подруги жизни мастодонта литературы, то для нее в те времена коридор возможностей был совсем узок, российская патриархальная традиция держала ее крепко, как и большинство девушек, в стальных тисках predetermined роли. Но поскольку задачей данного анализа является выявление полезных элементов женских семейных стратегий, то и внимание будет сосредоточено на Софье, а не на ее супруге.

Начать следует с того, что фундаментальные искажения счастья, закладываемого обоими в свой семейный союз, следует искать в первую очередь в нестыковке ролевых игр. И действительно, и Лев Толстой, и его избранница с особой тщательностью анализируют себя и искренне, со всеобъемлющей ответственностью направляют усилия на достижение счастья друг другом. Но ни неустанная забота, ни позитивные намерения не могут закамуфлировать тот факт, что взоры супругов с самого начала обращены едва ли не в противоположные стороны. Писатель смотрел вовне, постигая жизнь Вселенной, стремясь расшифровать предназначение человека, и легко игнорировал душевные переживания близких,

в своей одержимости творчеством слишком мало интересовался даже собственными детьми. Горизонт же Софьи Берс ограничивался внутренним миром семьи, переживаниями о здоровье потомства и никогда не выходил за пределы обывательского мирка. «Я чувствую, что у меня утешение — дети, а у тебя — твоя внутренняя духовная жизнь», — писала она мужу в то время, когда уверенность в достижении счастья почти иссякла.

«Друга себе я буду искать между мужчинами, и никакая женщина не сможет заменить мне друга. Зачем же мы лжем нашим женам, уверяя их, что считаем их нашими истинными друзьями?» — обнаружил Дмитрий Мережковский в записях великого человека, и эту фразу можно считать важнейшим ключом к разгадке тайны краха ветхого семейного здания. К женитьбе в свои 34 года Толстой был уже сформировавшимся писателем (к тому времени он завершил свое первое крупное произведение — «Казачи»), тогда как Софье было всего 18 лет. И даже с учетом готовности ее пламенной девичьей природы дотянуться до своего мужа, стать достойной его во всех отношениях эта, в сущности, неискушенная девочка изначально могла рассчитывать лишь на тоскливую, монотонную роль помощницы, не более. «Софья Андреевна не идет дальше технической помощи — переписывания — и сама признается, что тут “думать не надо, а следишь и пользуешься разными мыслями другого, близкого человека, и оттого хорошо”. Но она чутьем угадывает настроение автора, ревниво оберегает его интересы». Это — восприятие Владимира Жданова, одного из наиболее скрупулезных исследователей интимных уголков жизни Толстого.

Один из сыновей Толстого вспоминал о вкладе матери в литературное творчество отца: «Она сидела в гостиной,

около залы, у своего маленького письменного стола, и все свободное время она писала. Нагнувшись над бумагой и всматриваясь своими близорукими глазами в каракули отца, она просиживала так целые вечера и ложилась спать поздною ночью, после всех. <...> Всю ночь мама сидит и переписывает все начисто. Утром на столе лежат аккуратно сложенные, исписанные мелким четким почерком листы, и приготовлено все к тому, чтобы когда Левочка встанет, послать корректуры на почту».

Важно отдать должное деликатности мужа и терпеливости, тактичности его безропотной и энергичной жены. На какое-то время они заговорили самих себя, одновременно внушили себе любовь друг к другу, потому что страстно стремились ее обрести. На этой не слишком плодородной почве и произрастает иллюзорная уверенность многих биографов, будто в первые семь лет совместной жизни супруги были абсолютными единомышленниками. Действительно, подруга гения «с религиозным воодушевлением» переписывала сотни страниц «Войны и мира», а затем «Анны Карениной». И если, забегаая вперед, к этому прибавить шестнадцать беременностей, тяжкое взращивание детей, хлопотное управление имениями и даже издательские хлопоты по отправке рукописей, покажется неувидительным, что «творческое перерождение» мужа-писателя истощившаяся и истрепавшаяся, так и не оформившаяся муза считала обыкновенным безумием.

Да, Софья искренне старалась, и небывалые, на первый взгляд, терпение и готовность к компромиссам — результат традиционного воспитания девушек того времени — часто заводили молодую жену в тревожный душевный тупик, и единственное, что она могла делать, — уходить в себя и «из себя высматривать успокоительную дорожку». Один из сыновей

Толстого вспоминал о вкладе матери в литературное творчество отца: «Она сидела в гостиной, около залы, у своего маленького письменного стола, и все свободное время она писала. Нагнувшись над бумагой и всматриваясь своими близорукими глазами в каракули отца, она просиживала так целые вечера и ложилась спать поздною ночью, после всех.

<...> Всю ночь мама сидит и переписывает все начисто. Утром на столе лежат аккуратно сложенные, исписанные мелким четким почерком листы, и приготовлено все к тому, чтобы, когда Левочка встанет, послать корректуры на почту». И хотя в воспоминаниях Ильи, прожившего в целом бездарную жизнь, чувствуется враждебность нереализованного мужчины к гению своего отца, вряд ли стоит сомневаться в самой сути добровольной каторжной деятельности графини.

Конечно, серьезной преградой для душевного единения супругов была удручающая поверхностность Софьи. Она уж слишком контрастировала с духовным поиском и глубиной ее мужа. Софья Берс не способна была стать музой — ей для этого не хватало знаний, любви к себе, целостности натуры. Все упомянутое возвращают на свободе, множат в любви, чтобы превратить в обаяние, а при определенных обстоятельствах — в харизму. Разве Толстой всего этого не видел?! Напротив, он прекрасно ощущал и ее примитивное семейное воспитание недалекоими гувернантками, и узкий кругозор, и деревенские девичьи устремления. Удивительно, что расчетливый жених, в течение нескольких лет скрупулезно изучавший кандидатуры девушек, отвергший сестру Софьи интеллектуалку Елизавету, с которой подолгу беседовал о литературе и даже привлек к сотрудничеству в журнале, он выбрал жену всего за неделю, причем сам настаивал на скором браке. Прежним разговорам он предпочел очарование молодости и, разумеется, ошибся, разочаровался. А чего же он хотел?! За приближение к

молодому, свежему, неискушенному следует платить самую крупную цену — духовной разобщенностью. Вот он и убедил себя, что жена у него будет следить за домом и потомством, а глобальные идеи мироустройства он будет обсуждать с редкими интеллектуалами. Самим решением выбрать Софью Берс Лев Толстой обрек семейную жизнь на разложение. Сама же жена, замурованная в Ясной Поляне, прибитая детьми, как гвоздями к собственному кресту, могла лишь мечтать о том, о чем обычно мечтают обыватели.

На этом моменте иная читательница может указать, скажем, на вполне успешный брак 54-летнего Чарли Чаплина с 18-летней Уной О'Нил. Но все дело в запросах и ожиданиях: талантливому киноактеру, жестоко битому многими неудачными браками, нужна была послушная и заботливая женщина, легкая на подъем, чуткая и. вззирающая на мужа, как на идола. Вот и весь секрет. Отсюда следует, что Толстому, с его апломбом быть мыслителем планетарного уровня, с его поистине вертикальным взлетом духа, негоже было останавливать свой взор на молоденькой девочке, абсолютно не готовой к космическим перегрузкам спутника.

Однако вернемся к юной даме, произведенной в графини. Что тут говорить: Софья Берс не была готова ни к роли принцессы, ни к тому, чтобы сделать своего мужа королем. Вернее, поделаться она ничего-то и не могла, так как муж намеревался стать королем самостоятельно, без ее помощи и участия. У нее, конечно, был выбор: или радоваться своей жизни как помощницы (что она и делала в первые годы), или заняться собственным проектом. Впрочем, для второго она была слишком ограничена, и ей пришлось бы потратить годы — нет, не на получение знаний, а чтобы расколдовать себя и снять убийственное притяжение патриархального мира. Она вынужденно признала навязанную ей роль, смирилась со своим

положением задавленного монотонной работой подмастерья, не доросшего до уровня мастера и друга. И в этом — ее фундаментальный женский просчет.

«Я — удовлетворение, я — нянька, я — привычная — мебель, я — женщина», — записала Софья в дневнике уже через год после замужества. Этой фразой она как бы забила решающий гол в собственные ворота. С этим поражением ей и пришлось коротать оставшуюся долгую жизнь. И даже, когда после восемнадцати лет брака она впервые пошла наперекор мужу, то ее победа не распространилась далее банальных выездов на вечеринки и приемы. То есть за два десятилетия она «выросла» до остальных представителей социума, присоединившись к пустым пересудам, глумливой безвкусице жизни и став частью общей бездарности, описанной мужем в романах. «Левочка привык бы к самому безобразному лицу, лишь бы жена его была тиха, покорна и жила бы той жизнью, какую он для нее избрал», — горестно указывала Софья в первые годы совместной жизни, после шокирующего признания о ненависти к людям, которые смели напоминать ей о ее красоте. Она в те времена оставалась всего лишь куколкой, которую сжигала тайная страсть быть замеченной восхищенными взглядами соблазняющихся мужчин. Но Софья слишком мало себя любила, она отказалась от себя в пользу мужа, и эта непростительная жертвенность предопределила безжизненность ее проекта, словно она сама позволила вампиру высосать живительные силы из души. Она не посмела своевременно выдвинуть требования, послушаться собственного голоса. Она собственноручно запретила себе самодостаточность, как бы опрыскав ядом те участки души, где могли бы появиться ее ростки.

Проблема интимного мира семьи Толстого довольно часто сводится исследователями к настоянию мужчины на производстве потомства и растущей боязни женщины

вынашивать и рожать. Каждый из двоих имел свои веские аргументы. Но вот только для мужчины (а Лев Толстой определенно был любвеобильным, жаждущим качественных интимных отношений) вопрос наверняка связывался не столько с рождением очередного ребенка, сколько с проблемой не находящих выхода сексуальных импульсов. Беременность жены несет и ему испытания. Софья пишет, и мы как бы слышим ее крик: «Всему виновата беременность... <...> Физически я постоянно чем-нибудь больна. <...> Я для Левы не существую. Я чувствую, что я ему несносна, — и теперь у меня одна цель — оставить его в покое и, сколько можно, вычеркнуться из его жизни». Это, вне всякого сомнения, издержки тягостного воздержания, испытания пресловутой нравственности. Но они, как видно, становились еще большим бременем для женщины, чем вынашивание потомства.

Последовавшие вскоре смерти детей, как кажется, являются ярким проявлением на физическом уровне психологического отторжения Софьи, ее протеста против неприятных интимных отношений, которые приводят ее в состояние чрезвычайной уязвимости, а порой даже подталкивают к краю могилы. Женщина начинает панически бояться беременеть, а ужас перед родами сводит ее с ума. После тяжелых пятых родов трое следующих детей умирают крошками^[3]. Софья разрывается между материнским инстинктом и растущим отвращением к сексу. Ведь именно с сексуальным контактом приходит проблема. А ведь с самого начала область чувственности у мужа заметно преобладает, — викторианское воспитание и боязнь собственного тела закрывают от Софьи прелести интимных отношений с супругом («Так противны все физические проявления», — говорит за нее дневник). «Лева все больше и больше от меня отвлекается. У него играет большую роль

физическая сторона любви. Это ужасно; у меня никакой, напротив. Но нравственно он прочен — это главное», — записывает графиня в еще мало-мальски сносный период семейного плавания.

Что же касается дальнейших лет, отношение к материнству (а с ним и к зачатию) доходит до ненависти. К 1880 году биографы уже фиксируют: после рождения девятого ребенка и трех выкидышей 36-летняя Софья изнемогает, а ее желание иной жизни становится навязчивым. Она уверена, что каждый ребенок будет «последним» (на самом деле ей пришлось, уступая мужу, родить еще троих детей), а кормление доводит женщину до бешенства («14 раз в сутки вся сжимаюсь и обмираю от боли сосков»). В письмах сестре она буквально стенает о затворнической жизни, прямо называя свое положение тюремным («та же тюрьма, хотя и довольно светлая»). Еще несколько лет с очередными родами доконали женщину. «Жаль, что мои роды не кончатся до вашего приезда, — пишет она сестре и угрюмо, с мрачной злобой добавляет, — хорошо бы эту мерзость проделать в одиночестве». Величайшее, Божественное таинство природы попорно вследствие неверных отношений внутри семьи, что, конечно же, не осталось безнаказанным для пары.

А что же суженый? Лишенный душевного покоя и уязвленный в интимной ограниченности, одинокий рыцарь нравственности входит в прямое столкновение с принципами примерного мужа. Он периодически «убегает» в болезнь, но и это не помогает. Неудивительно, что его «коробит мелочность семейных забот, барские замашки жены». Многие исследователи отыскивают сублимацию в творчестве писателя, и действительно: его мечтания ярки и колоритны при описании почти идеальной супружеской жизни. Особенно это видно на примере Левина и Кити в *«Анне Карениной»*, романе, в ходе

работы над которым и произошел ключевой слом собственной семейной жизни. А через двадцать лет брака примерный и тактичный муж не выдержал: в сердцах у него прорвалось, что «самая страстная мысль» его о том, чтобы уйти из дому. Еще через два года муж опять пригрозил подобным, но снова оказался непоследовательным. Избрав полумеру решения проблемы, он не снял ее остроты. А к «сожитию с чужой по духу женщиной» (что для него «ужасно гадко») добавилось созерцание бесполезной жизни детей: «Дома играют в винт бородатые мужики — молодые мои два сына». И потом еще более болезненное: «Дети — сонные, жрущие», «дома — праздность, обжорство и злость».

Наконец, отчаявшийся в борьбе за нравственные принципы Лев Толстой как-то записал знаковое признание: «Только земледелец, никогда не отлучающийся от дома, может, женившись молодым, оставаться верным своей жене и она ему, но в усложненных формах жизни мне кажется очевидным, что это невозможно». Что это, если не признание отсутствия у жены чувственности да и, похоже, вообще сексуальности, а также отказ принимать это?! Если душевные потрясения порождают недомогания физические, то на долю отменного здоровяка Льва Толстого их выпало немало. Дневники супругов с самого начала пестрят многочисленными записями о депрессиях, мнительности, приступах тоски и т.д. Собственно, и последнее воспаление легких порождено внутренним протестом и невозможностью смириться с ситуацией.

Говоря об эпохальном романисте, нельзя не обратиться к его творчеству для распознавания ориентиров его частной жизни. Стоит, к примеру, задаться вопросом: отчего в «*Войне и мире*» — романе, который Лев Толстой завершил в 41 год, некогда прелестная и обворожительная Наташа Ростова нарисована опустившейся, располневшей, переставшей заботиться о своей

привлекательности? Совершенно не щадя свою героиню, Толстой представляет Наташу основательно поглупевшей и настолько ревнивой, что это составляет предмет шуток домашних. Единственное, что автор оставляет своей героине в отношениях с мужем, — занятия науками, «которым она приписывала большую важность». И писатель, словно уговаривая сам себя, утверждает: не может женщина достичь таких высот, чтобы оказаться наравне с мужчиной, быть ему партнершей во всех отношениях. Неверие Толстого в женщину в значительной степени предопределило неверие Софьи в себя как личность, способную к развитию и росту. И потому, очевидно, она в течение всей совместной жизни изменялась — но в сторону душевного разлада и духовного разложения. Ее личность неуклонно деревенела, пока она сама из потенциально деятельной и динамичной не превратилась в отупевшего истукана, способного лишь к мирским радостям.

Есть ли уроки для отважных оформительниц своего семейного счастья из этой довольно печальной семейной истории? «Какие уж тут уроки?» — может воскликнуть иная читательница, ведь миссия Софьи скорее походит на отбывание повинности, которой она душой противилась и сердцем принять не могла, не умела! И, может быть, в таких словах будет своя женская правота. Тринадцать детей, реальный смертельный риск каждых новых родов, растущее отвращение к физической близости с мужем (как минимум, вследствие ассоциации прямой связи между интимной жизнью и произведением на свет потомства). Необходимость воспитания и обучения детей — при определенной отстраненности мужа. Почти полное непонимание творческих исканий своего избранника — при более чем сомнительной возможности догнать почти вдвое старшего на момент создания семьи мужчину. Наконец — и это, может, самое главное — отказ

мужчины впустить жену в свой духовный мир, дать шанс дотянуться до творческого партнерства (что для него, вероятно, имело основания вследствие гигантской разницы в возрасте и духовном развитии). Другими словами, великий писатель сам заложил бомбу замедленного действия под семейные опоры, а его юная жена безропотно приняла это взрывчатое вещество за эликсир любви. А что могла она противопоставить подобному? Хотя пространство выбора 18-летней Софьи, в самом деле, было ограничено, думается, она при желании могла бы обратиться к опыту эмансипированных женщин — таковые тогда уже были. И если учесть выросший уровень свобод современной женщины, то ей, безусловно, стоит принимать во внимание уроки жизни Льва и Софьи.

Первый из них состоит в необходимости четкого моделирования своей роли: всегда можно понять и решить, стоит ли принять уготованную воображением будущего мужа роль. Женщина должна знать два дополнительных к семейной жизни правила: *она должна стать кем-то в социально-психологическом плане и она должна четко осознать, кем именно желает стать*. И если женщина собирается стать в жизни кем-то, уделить внимание собственной личности, а не растворить себя в личности авторитетного мужа, ей вряд ли подойдет роль безропотной помощницы. И потом — помощница помощнице рознь. Детальное ознакомление с судьбой Софьи Берс не может не наводить на мысль, что ее попросту использовали (и ментально и физически). Сначала она с радостью принимала все это за любовь, затем роптала, позже противилась и, наконец, отплатила сполна своей женской неприязнью.

Второй урок связан с *риском изначально разного миропонимания* (в случае с Толстым и Софьей помноженном на возрастную разницу). Когда и цели и ценности слишком очевидно отличаются, женщина может либо довольствоваться

безликостью помощницы, ободряющей мужа, вскармливающей потомство, либо искать себе другую партию. Ибо женщина, не понимающая миссии своего мужчины, не умеющая интересоваться ею, подобна канатоходцу, движения которого становятся тем более рискованными, чем глубже мужчина самостоятельно погружается в свой собственный мир. Да и какой может быть успешный союз, если каждый из двоих откровенно живет своей отдельной неприкасаемой для другого жизнью?

Конечно, любая семейная жизнь строится по индивидуальному принципу. Тут как в старой поговорке: что русскому хорошо, то немцу смерть. Действительно, Софья Берс старалась, налегала на позитивные принципы и сам Толстой. Но что-то не срослось, не сопоставилось. Со стороны представляется, что тут виною разные представления своих ролей. Хотя писатель мог многое предположить и просчитать еще до свадьбы, имея дело, в общем-то, с ребенком. Но ключевой вопрос не к нему, а к его избраннице. Могла ли Софья восстать?! Воспротивиться предлагаемой роли, повести себя так, словно ее жизнь — ее собственный проект?! Если Иоганна Шопенгауэр, родившаяся почти на сотню лет раньше, смогла, то смогла бы и Софья Берс. Почти ее современница Елена Блаватская решительно воспротивилась повторению материнского сценария — и прожила жизнь по-другому. Не известно, лучше ли, но без злости к себе, без неприязни к окружающим, без отравляющих обид. Подводя итоги мытарствам покорившейся судьбе женщины, из «хорошей, правильной девочки» доведенной до состояния ненавидящей жизнь мегеры, так и хочется вспомнить пронизанное феминизмом высказывание французского психолога Элизабет Бадинтер: «Ничто не заставит нас вновь поверить в то, что

семейный очаг — наше единственное назначение, а домашнее хозяйство и материнство — непреложная, обязательная судьба».

Наконец, самый главный урок. Печальный опыт Софьи Берс отчетливо свидетельствует: для производства мужа в главнокомандующие вовсе не обязательно тянуть лямку одного из солдат. Гораздо приятнее и весомее исполнить роль первой и главной советницы, открывая те возможности, которые жадно взвизгивающие только на цель мужчины очень часто выпускают из виду.

Наконец, самый главный урок. Печальный опыт Софьи Берс отчетливо свидетельствует: для производства мужа в главнокомандующие вовсе не обязательно тянуть лямку одного из солдат. Гораздо приятнее и весомее исполнить роль первой и главной советницы, открывая те возможности, которые жадно взвизгивающие только на цель мужчины очень часто выпускают из виду.

Глава вторая. Недопустимым просчет двух Марий: Встреча с незрелым мужчиной

Упоминаемые образы: Мария Монтеessori, Мария Каллас

М. МОНТЕССОРИ

М. КАЛЛАС

Встреча с незрелым мужчиной — в наши дни явление столь частое, что его просто невозможно обойти стороной. Ведь в такую ловушку нередко попадают и женщины, которых мы договорились называть принцессами. То есть сильные самобытные натуры, самодостаточные личности, порой уважаемые и весомые в обществе, одним словом,

представляющие нечто интересное. Разумеется, это ловушка, которую они создают сами, и вся суть просчета состоит в неверной ставке, отсутствии проверки самих себя или, что еще чаще происходит, в сугубо эмоциональном решении, лишенном предварительных размышлений.

Одна занятная светская дама, небезуспешная в мирской жизни современного Киева, накануне своего третьего развода сделала любопытное признание в ответ на мой прямой вопрос: «Вы прожили с мужем двенадцать лет и теперь говорите, что он духовно не развивается, не поддерживает ваши начинания. Но разве этого не видно было двенадцать лет назад, что он будет именно таким?» — «Все мои три брака, — заметила она весело, без налета обескураженности, — произошли по залету. Теперь же я знаю, какой мужчина мне нужен». Мне захотелось ей поверить — ибо по жизни она шагала воодушевленно и энергично, источая чудесный свет. Согревая ли? Трудно сказать. Ведь логика любого удачно сложенного союза — не столько в умении светить, сколько в способности отдавать свет и тепло партнеру... А может, ей нравится обманываться? На этот вопрос мужская логика не дает ответа, потому стоит внимательнее рассмотреть опыт известных женщин, которые шли таким путем. Они дадут подсказку в отношении того, стоит ли обманываться или как не обмануться.

Как и одержимые крупной идеей мужчины, увлеченные и сосредоточенные на одном деле женщины нередко в отношениях с мужчинами попадают в непроглядную пелену бермудских треугольников. И пропадают в пучинах глубоких неведомых вод, окончательно запутавшись. Это как будто легко объясняется: гиперактивность в каком-то секторе деятельности создает пустые клетки в простых и понятных каждому секторах бытия, неравномерность развития приводит к дисбалансу восприятия реальности. Другая версия, не исключаящая

первую, может заключаться в излишней эмоциональности решений. И дело тут не в отсутствии практичности как таковой, а в неосознанном отказе призвать на помощь рациональное мышление и ответственность за свою судьбу. В этом смысле появление в книге этой главы можно воспринять и как предостережение: речь ведь идет о судьбе, порой — о самостоятельном сложении рисунка жизни. Иными словами, современной женщине при принятии ключевых решений, касающихся отношений с противоположным полом, вероятно, стоит пользоваться ставшим популярным в последние годы лозунгом известного американского радиоведущего Стива Харви: «Поступай как женщина, думай как мужчина».

Так или иначе, стоит обратить внимание на довольно любопытный нюанс, общий для многих социально успешных и несчастливых в личной жизни женщин: в большинстве своем они старательно воплощали планы своих родителей, преимущественно матерей. Такое нередко бывает с женщинами, которые с детства оказались вовлеченными в так называемый большой спорт, в авантурные родительские программы по воспитанию вундеркиндов и гениев, в попытки родителей любым путем взрастить продолжателей их дела. Следуя программе, разработанной за них их близкими, эти женщины как бы держали свою личную жизнь и персональное счастье за кадром. Этот фактор в итоге создал прецедент «реализации чужой биографии», иногда даже героической, внешне блестяще сыгранной партией, что не исключало эйфорию побед и краткосрочный восторг достижений. Однако установка на личное счастье, не пропускаемая психологическими фильтрами в резервуар сознания, рано или поздно давала о себе знать тяжело заживающими эрозиями в восприятии собственной судьбы.

Отношения всемирно известного педагога Марии Монтессори (она определена решением ЮНЕСКО одним из четырех крупнейших педагогов XX века) с противоположным полом покажутся при пристальном взгляде отменно выполненным фотоснимком дисбаланса представлений о реальности. Самоутверждение этой по-мужски целеустремленной женщины зашло в тупик в тот самый момент, когда сама судьба выдвинула ей прямой вопрос: какую в конце концов избрать миссию — ученой с мировым авторитетом или просто матери? Родив сына вне брака, она как будто балансировала между карьерой и материнством, но при всей очевидной успешности социального проекта Марии Монтессори личная жизнь ее не сложилась, принесла немало сомнений и страданий.

Дочь бунтарки, беспредельно преданная собственной матери, следуя рано развитым убеждениям, Мария встала на путь борьбы за установление нового стандарта для женщин. Как утверждают ее биографы, в 10 лет она уже собиралась стать ученой, в 11 — заявляла о том, что будет, подобно дяде, инженером, в 16 — стала единственной представительницей женского пола, поступившей в Политехнический институт. В 20 лет благодаря небывалой напористости, а также обращению за помощью к Папе Римскому оказалась зачисленной в университет с намерением стать доктором медицины. В итоге она стала первой женщиной-врачом в Италии. Материнские установки, как и воздействие авторитетного дяди, известного в стране писателя-педагога, касались сугубо карьерной самореализации. На фоне небывалого для девушки самомнения и самоуверенности вопросы отношений между полами, как и тема построения благополучной личной жизни, неизменно оставались за кадром. И тут даже не вопрос перекоса воспитания — просто мысль о достижениях вытеснила все,

стала доминирующей. Убеждения будущей женщины были направлены не просто в другое русло, но в параллельный мир.

Однако сделаем небольшое отступление. Ведь кто-то непременно задастся вопросом: а как же, скажем, Мария Склодовская-Кюри или Майя Плисецкая? Ведь их жизненные модели были ориентированы, в первую очередь, на самореализацию, а счастливое супружество стояло где-то на заднем плане. Не совсем так. К примеру, у Марии Склодовской в семье, где она выросла и воспитывалась, доминировали установки на семейные ценности. Она не только имела возможность наблюдать отца как отличного семьянина и родителя, но ее самые главные переживания детства были связаны с изменением статуса семьи, утратой семейных ценностей. Она стала ученой как бы поневоле, а ее первоначальное стремление к достижениям на подсознательном уровне («стать кем-то, чтобы оставаться значимой при любых обстоятельствах») напрямую связывалось с семейным благополучием. Наконец, и совместная жизнь с Пьером Кюри открывала на порядок больше возможностей, чем штурм вершин в одиночку. Так же и у Плисецкой: брачный союз всегда служил делу двоих, а не кто-то один приносил себя в жертву ради побед другого. И хотя в обоих случаях семейная жизнь оказалась подчиненной более высоким целям, на нее все участники союзов делали убедительные сноски.

Совсем по-другому строилась жизненная концепция Марии Монтессори. Супружеству не придавалось большого значения, а самое крупное переживание детства было связано с душещипательными рассказами матери о том, что ее притесняли и не позволили стать социально значимой фигурой. Это стало главной движущей силой молодой Марии, и когда пружина стала разжиматься, вектор усилий возникал лишь в одном направлении. Вот любопытная фраза из книги Джина

Ландрама, исследователя феномена Монтессори: «Отец пытался отговорить свою волевою дочь, но та проигнорировала его». Тут замешано и общее отношение к мужчинам — как полу, который отобрал у женщин привилегии, и их следует отвоевать. Ничуть не уменьшая колоссального значения деятельности Марии Монтессори, достигнутых ею результатов как педагога и, главное, одухотворенности ее персональной миссии, все же сосредоточим внимание на ее отношениях с мужчинами. А именно: будучи от роду 28 лет, Мария влюбилась в своего помощника. Или, точнее сказать, позволила себе влюбиться, ослабив внутренний блок вытеснения. Этот скромный факт сам по себе гласит о том, что неуемная жажда достижений заслоняла у молодой женщины чувственные влечения, — когда все подчинено единственной цели, остальное непременно теряет свою важность.

Первый опыт оказался сродни ожогу с критической потерей области доверия. «Неожиданная» беременность, незаконнорожденный сын, угроза катастрофы с карьерой (в католической Италии того времени к проблемам такого рода отношение было более чем строгим) — все это предопределило еще большее ожесточение Марии против традиционной миссии своего пола. Она как будто сумела уладить назревающую проблему, договорившись с отцом ребенка тайно воспитывать малыша, никогда не заводя семьи.

Ситуация не помешала упорной женщине вскоре стать директором Ортофренического института. А еще Мария удивила окружение, отправившись в лекционный тур «Новая женщина», в котором она советовала соотечественницам «начать полагаться на мозги, а не на сердце». На самом деле ей просто необходимо было выплеснуть нанесенную мужчиной обиду и как бы дать себе новую установку. Впервые установка касалась не карьерного роста, не исследований в области

педагогике, а собственного отношения к созданию семьи, к браку вообще. Ведь это именно она, привыкшая всегда и во всем «полагаться на мозги», вдруг доверилась сердцу.

Причина понятна: в амурных делах она была новичком, несведущей, никогда об этом всерьез не задумывалась. Потому решение бывшего возлюбленного жениться на другой женщине стало для Марии истинным шоком. Любовь во все времена оставалась обоюдоострой — с равным успехом на смертоносных лезвиях тут балансируют наслаждение и страдание. Но немужской удар, исполненный коварности и пренебрежения, Мария выдержать не смогла. Она оставила директорство, отдавшись разработке нового метода воспитания детей — вопросу, с некоторых пор наиболее актуальному лично для нее как оставленной матери с ребенком на руках. Брошенная и обманутая, оскорбленная и одинокая, Мария стала сооружать новую конструкцию своего жизненного уклада, и если бы не ее фантастическая воля, можно было бы только гадать о возможных последствиях подобного стресса.

Что ж, ей удалось справиться с задачей поиска смысла жизни, концентрируя внимание только на работе и достижениях, раз и навсегда отказавшись от любви и личной жизни. В добавление ко всему в 40 лет издание книги «*Метод Монтессори*» прославило ее, к 45 годам пришло всемирное признание. Весь вопрос, разумеется, заключен в векторе направления усилий. Разве не занимательно, что пишет о Марии Монтессори тот же Джим Ландрем: «В молодости Монтессори имела репутацию роковой женщины, что помогало ей вербовать сторонников своего движения». Может быть, если бы тут присутствовала искорка личного, сугубо женского интереса, ее личная жизнь сложилась бы по-иному? В своей последовательной осаде успеха и мирового почитания Мария Монтессори чем-то напоминает Анну Фрейд, кстати,

учившуюся у Монтессори. Адресуя свои достижения буквально всему миру, Мария в итоге слишком мало тепла давала собственному ребенку. А ведь самая преданная из детей Фрейда вывела детский психоанализ (наряду с Мелани Кляйн) в целое самодостаточное направление, хотя сама так и не стала матерью. Этот парадокс упомянут не случайно, потому что весомая научная и общественная деятельность обеих известных женщин выглядит не как продолжение жизненной линии, а как некая ответная реакция на экзистенциальный вызов, в высшей степени странная сублимация, исполненная вопреки нескладной, незавершенной, заковыристой судьбе.

Кто бы ни брался описывать жизнь оперной певицы Марии Каллас, неизменно начинал с акцента на ее исключительно волевой самобытной натуре. Кредо яркой примадонны может быть выражено такими словами, сказанными ею на закате своей карьеры: «Я всегда принимаю решения самостоятельно. По вечерам я часто взвешиваю, вспоминаю, что произошло за день, почему все было так, а не иначе, почему я так поступила, правильно ли я сделала, почему я не смогла сделать что-то лучше, неужели мне не хватило силы воли, — одним словом, рассуждаю сама с собой». Это тем более примечательно, потому что ни уникальная воля, ни редкий талант, ни уникальные вокальные данные не позволили ей принять верное решение в пользу личного счастья и равновесия. Ее жизненный опыт способен оказать колоссальное впечатление. Хотя бы тем, что семья и гармония — это нечто иное, чем успех в стандартном, привычном понимании. Для достижения счастья в личной жизни, по сути, необходимы совсем иные более эффективные рецепты.

Мать фактически посвятила ей всю себя, намереваясь воплотить в дочери собственные нереализованные надежды, — поразительное сходство с Монтессори. Правда, если мать Марии

Монтессори ограничивалась внушениями, то настырная родительница Марии Каллас сама взялась за дело. Детство среди чарующих звуков великих классиков, которых Мария восторженно постигала с трех лет, непрерывные тренировки на фортепиано и в вокале привели к тому, что остальной пестрый мир оказался для нее несколько затушеванным. Действительность будущая звезда оперы воспринимала как бы сквозь призму достижений, в важности которых ее убедила мать и в неизбежность которых она сама уверовала, подобно революционеру-фанатику. Ее направленность на творческую карьеру еще более укрепилась, когда после прохладной оценки таланта начинающей певицы в Америке (где она родилась) неугомонная мать повезла ее учиться в Европу.

«Когда Мария — не в меру толстая, прыщавая, с обкусанными от волнения ногтями на руках — появилась на прослушивании в Одеон Афинон, Эльвира де Идальго сразу решила, что дело этой дебютантки безнадежно, но едва она допела арию... как между ними возник контакт, обернувшийся пятью годами дружбы.» — указывалось в одном из биографических материалов о Марии Каллас. Этот эпизод приведен не случайно — он отчетливо показывает, что девочка-подросток воспитывалась с вопиющим перекосом, и ее дисгармоничное обитание среди проблем голосовых связок вряд ли могут оправдать даже галопирующие успехи на пути к большой сцене. Ни малейшего представления о физической красоте или гигиене питания, — одним словом, ничего, кроме цели. Впрочем, и ее мать, и она сама с детства были нацелены исключительно на сценический успех, видели именно в нем свое счастье, ну а личная жизнь. Вероятно, мать считала, что дочь сама разберется, когда повзрослеет. С 14 лет Мария приступила к редкой по упорству и терпению учебе в Афинской консерватории под началом известной испанской певицы. Мария, кажется, вовсе забыла о том, что она —

девушка, основательно сбита с толку навязанными стереотипами успеха. В то время ей было достаточно, что сама Эльвира де Идальго «поборола неприязнь к ее внешности». О том, что когда-нибудь у девушки возникнет личная жизнь, ни она сама, ни ее мать ничуть не заботились.

Следующий этап жизни певицы связан с выходом на большую сцену в 17 лет, с удачным дебютом и знакомством впоследствии с бизнесменом-промышленником Джованни Менегини. Он был вдвое старше ее и при этом бесконечно любил оперу. За него она в конце концов и вышла замуж в 25 лет, и, кажется, эта «случайная удача» должна была бы сполна удовлетворить певицу. Но, похоже, она попросту уступила напору своего самого преданного на тот момент почитателя. По большому счету, не до конца понятны мотивация и поступки Марии в организации личной жизни. Хотя, возможно, на одном этапе ей было достаточно внимания, восхищения и покровительства стареющего мужчины, а на другом этапе одной такой привязанности уже явно не хватало. Думается, в интимной жизни она из-за замедленного взросления продолжительное время была инфантильна: эта жизнь виделась ей продолжением сцены — пламенная влюбленность, поклонение, море цветов... То, как легко она сошлась с этим в целом преданным ей мужчиной (супруг Марии продал свой бизнес и стал организатором поддержки ее творчества) и как легко рассталась с ним потом, наводит на мысль, по меньшей мере, о несерьезном отношении к браку и семье вообще. Или просто о непонимании семьи как ценности.

Примечательно другое: период кристаллизации личности Марии показателен и некоторыми эпизодами, приоткрывающими ее, в общем, зашторенную личность. Например, не может не бросаться в глаза удивительная и пугающая отчужденность девушки в театре — она ни с кем не

дружила, ни с кем не откровенничала, вообще была не просто необщительной, но диковатой. Вызывающая социальная неприспособленность девушки компенсировалась ее вокальными данными, выразительным артистизмом на сцене и феноменальной способностью не тяготиться жизнью в раковине собственных впечатлений. Все же она в этот период была мила, не лишена известного шарма, а уникальный голос для растущего числа поклонников довершал ее красочный и необычный портрет.

А к своему 30-летию Мария совершила определенно сильный поступок, прямо-таки в стиле Каллас. Кто-то даже назвал бы это женским подвигом: за полтора года она похудела примерно на 30 килограммов, избавившись от своего «самого мучительного комплекса». Не преуменьшая фактора силы воли этой неординарной женщины, стоит сделать предположение, что именно в это время в ней стала просыпаться подлинная женственность. Она просто по-другому посмотрела на себя и окружающий мир, с изумлением обнаружив, что он состоит далеко не только из оперы. И, кажется, именно в это время она если не влюбилась, то была впервые готова к этому. Правда, сама она по-другому оценила этот шаг, заявив в интервью следующее: «Я помню, что моя интуиция — а обычно она меня не подводит — подсказала мне, что у меня слишком полное лицо, и это было очень неприятно. Мне нужны были очень резко очерченные подбородок и шея, чтобы добиться выразительности в трудных фразах и сценах с хором. Как театральная актриса я это чувствовала. <...> я так располнела, что даже вокал стал тяжеловесным — я так все время напрягалась, в общем, на это уходила масса сил». Это можно считать косвенным подтверждением мысли о том, что построение счастливой семьи не входило в область приоритетов певицы.

Если Мария высказалась искренне, то предположение о ее половой инфантильности простирается гораздо дальше тридцатилетия. Ее женственность не просто была завернута в фантик, она тщательно скрывалась и маскировалась, для раскрытия бутона нужны были особые усилия. Или, может быть, скорее предполагался особый социальный статус нового поклонника. Если жизнь для нее стала продолжением оперных подмостков, а психическая незрелость — извечным проводником по жизни, то все обстоит именно так.

Мария Каллас подошла к пику своей славы основательно изменившейся, похорошевшей, приобретшей блеск женского очарования и едва не потерянной сексуальности. Неудивительно, что именно в этот период Каллас совершила поистине триумфальное шествие по оперным сценам Старого Света и своей заокеанской родины. Но сценическое счастье длилось не долго, и не исключено, что-то где-то в глубинах ее сознания свершился тайный обмен торжественного сияния на сцене на нестерпимое желание ощутить любовь. И тут никто бы не посмел ни восхвалять ее, ни осуждать. И, может быть, она и сама до конца не осознавала, что подошел переломный момент ее жизни.

Любовь пришла к Каллас несколько позже. Источники отмечают, что на пышном балу в Венеции, в обстановке, когда благоухающая романтика растворяется, плавно переходя в соблазн, Мария познакомилась с влиятельным миллиардером Аристотелем Онассисом. Марии было 33 года, она находилась в самой поре своего расцвета — и как женщина, и как певица. Она являла собой образец успешной женщины, которая сделала себя сама, добилась заоблачных высот собственным трудом и неистощимым мастерством. К тому же она была замужней дамой, что в глазах неискушенной публики как бы подчеркивало ее сенсационное восхождение.

Говорили, что Мария Каллас произвела неизгладимое впечатление на увлекающегося, ни в чем себе не отказывающего беспринципного богача. Он немедленно последовал за Каллас в Лондон, а затем пригласил известную чету на свою яхту. А вот дальше пресса запестрела сообщениями о бурном романе. Не стоит вникать и расследовать, что тут правда, а что вымысел, не стоит гадать, отчего певица увлеклась Онассисом. Гораздо правильнее довериться фактам. Ровно через два года после рокового знакомства последовал развод миллиардера с его женой Тиной, да и у Марии не обошлось без официальных изменений в личной жизни. Если быть точнее, в сумбурной, прерывистой траектории ее полета возник подлинный ураган, пережить который оказалось не под силу. Она подозревала, что творческая карьера нередко бывает изменчивой, но в свои 35, в пике признания и восхваления, столкнуться с таким вызовом наша богиня не ожидала.

Не кривя душой, можно утверждать: для певицы это был экзистенциальный вызов, ведь она отдала творчеству всю свою жизнь. Более того, 1959 год принес ей тройной перелом: потерю голоса и нескончаемую череду скандалов в связи со срывами выступлений; горький и неприятный развод с Менегини после одиннадцати лет совместной жизни и, наконец, мучительную потерю еще не рожденного ребенка. Утверждали, что ребенок тот был от Аристотеля Онассиса и аборт был сделан по его настоянию. До этого Мария не рожала, а перенести в таком возрасте аборт фактически означало лишь одно: у нее почти не будет шансов стать матерью. Онассис повел себя в высшей степени эгоистично. Его явно пренебрежительное, потребительское отношение к здоровью Марии — не что иное, как свидетельство того, что он не рассматривал ее всерьез. Каллас была для богача просто добычей, как у охотника,

которому подфартило. Покажется странным, но и для нее миллиардер, похоже, был просто добычей.

«Не важно, кто из нас виноват. Моя семейная неудача — свидетельство моего самого большого поражения». Однако, высказавшись столь пространно, Мария все же многое недосказала. А именно то, что после развода она стала открыто появляться на публике в обществе Онассиса. Любопытным штрихом к картине их отношений стали упорные слухи, будто Мария организует собственную труппу и будет постоянно выступать в оперном театре Монте-Карло, одним из совладельцев которого был именно Онассис. Дыма без огня не случается, и, скорее всего, миллиардер просто держал доверившуюся ему женщину на крючке подобных обещаний.

Если победы Марии Каллас на сцене представляются феноменом, то ее слепота в делах амурных покажется еще более удивительной. У нее были десятки возможностей убедиться в духовном ничтожестве своего нового возлюбленного, но женщина упорно не делала никаких выводов. Однажды Аристотель Онассис пригласил на свою яхту двух знаменитых сестер — Жаклин Кеннеди и Каролину Радзивилл. Не станем здесь распространяться насчет алчных взглядов миллиардера на статусную Жаклин, скажем лишь, что за красоткой Ли, женой польского князя, он ухаживал откровенно. Но оставившая сцену певица (как утверждали, не без уговоров Онассиса) продолжала плестись на поводу у эгоцентричного богача. Глотая обиды, ничего не высказывая, ничего не требуя... Можно ли поверить, что такая ситуация ее устраивала? Разве она не видела духовной пустоты и психической неразвитости влюбчивого и своенравного Онассиса? В это трудно поверить. Разве что ей закрыла глаза пелена собственной инфантильности, детского простодушия...

После развода с мужем Мария фактически оказалась отрезанной от социума. Отец ее жил в Нью-Йорке, и она видела его крайне редко, а отношения с матерью и сестрой к тому времени испортились настолько, что Мария предпочитала их обществу одиночество. Может, и в этом кроется еще одна причина губительной благосклонности к Онассису. Но когда после девяти лет сумбурных, ни к чему не ведущих отношений с миллиардером Каллас из газет узнала о его женитьбе на Жаклин Кеннеди, она попросту закрылась для всего мира. Лишь тогда она осознала, сколь эфемерными и потускневшими оказались ее победы на фоне лишь одного решающего поражения.

Однажды, еще в годы восхождения, Мария заявила журналисту: «Когда у меня не станет врагов, тогда я пойму, что уже ничего не стою». Занимательная фраза. Она четко показывает, насколько было искривлено у этой женщины представление о мире и своем предназначении в нем.

Оценивая судьбу Марии Каллас, тихо ушедшую в иной мир всего в 53 года, нельзя пройти мимо ее общего жизненного настроения — от него веет враждебностью и извечной готовностью к баталии. В таком состоянии сложно добиться спокойствия и равновесия, размышлять об истинных ценностях и смысле бытия, скрытом от поверхностного взгляда. Однажды, еще в годы восхождения, Мария заявила журналисту: «Когда у меня не станет врагов, тогда я пойму, что уже ничего не стою». Занимательная фраза. Она четко показывает, насколько было искривлено у этой женщины представление о мире и своем предназначении в нем. Этот перекосяк, конечно, возник в ходе борьбы за свое место на сцене; не последнюю роль сыграли и материнские наставления.

Главным уроком от этих сильных, акцентированных на профессии женщин можно считать *необходимость*, как говорится, *быть в семейной теме*. Ведь даже умея заечь вполне достойных, на первый взгляд, мужчин (молодой подающий надежда: ученый у одной Марии, бизнесмен-промышленник, а за ним миллиардер — у другой), наши героини оказались слишком доверчивыми, малотребовательными и слабо ориентирующимися в отношениях с противоположным полом. Создается впечатление, что они, с невиданным рвением отдавая себя карьере, ничуть не пытались управлять союзом с мужчиной. Речь, естественно, не об ультиматумах, а о знании и исповедовании определенных принципов и установок в личной жизни на всех этапах ее организации. Отношение же большинства современных женщин к возведению семейного замка уже давно не напоминает работу архитектора.

Довольно печальный опыт частной жизни двух Марий убедительно подтверждает лозунг, когда-то провозглашенный самой Монтессори: «Полагайтесь на мозги, а не на сердце». Даже сосредоточившись на своей карьере, женщина может однажды пробудиться для любви, и потому ей стоит быть подготовленной к этому заранее. Невежество в половых, а тем более в психологических вопросах часто приводит к сбоям, за которыми порой стоит и прямая угроза краха карьеры, обесценивание достижений.

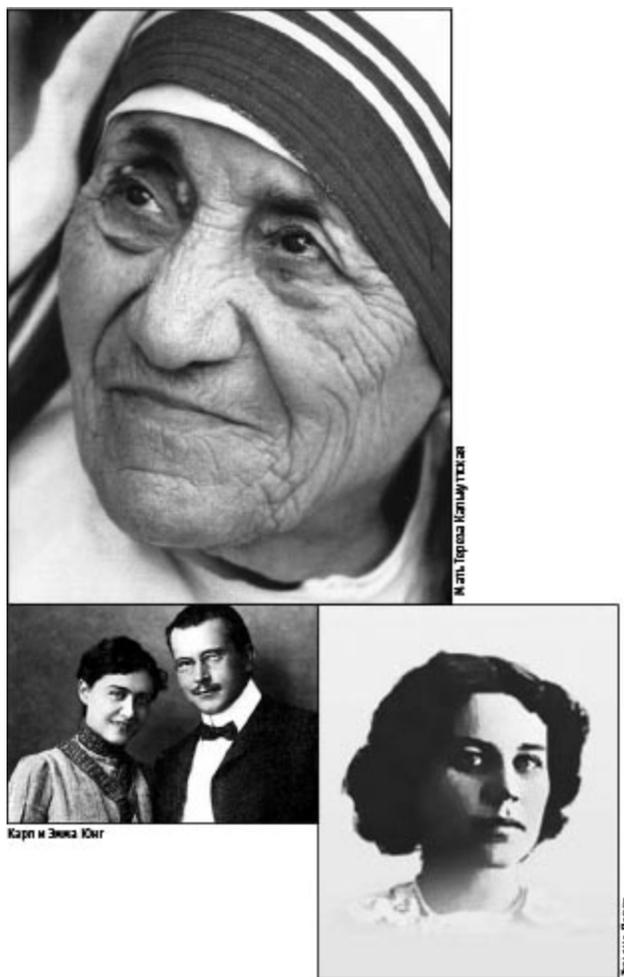
Довольно печальный опыт частной жизни двух Марий убедительно подтверждает лозунг, когда-то провозглашенный самой Монтессори: «Полагайтесь на мозги, а не на сердце». Даже сосредоточившись на своей карьере, женщина может однажды пробудиться для любви, и потому ей стоит быть подготовленной к этому заранее. Невежество в половых, а тем

более в психологических вопросах часто приводит к сбоям, за которыми порой стоит и прямая угроза краха карьеры, обесценивание достижений. Конечно, и для многих женщин, которые делали «строительство идеальной семьи» своей единственной и непреложной целью, личная жизнь самым непостижимым образом завершалась коллапсом. Потому речь вовсе не о том, чтобы только и думать о счастливом замужестве, — фундаментом счастливого брака всегда являлась более высокая цель. Однако, с другой стороны, судьбоносная нить семьи всегда определяется серьезным отношением к ней. Но если наши женщины сами не демонстрировали серьезности в отношениях, то можно ли было ждать этого от мужчин?

Наконец, достижения женщины только тогда имеют абсолютный вес, когда ее жизнь складывается гармонично, — во всех остальных случаях они будут оставаться компенсацией неудач в личной жизни. И хотя прорицание Монтессори о том, что «новая женщина будет выходить замуж и рожать детей по своему собственному усмотрению», сбылось, это ничуть не уменьшило уязвимости женщины. И, следовательно, как и прежде, не утрачено значение сбалансированной организации жизни, особенно жизни личной.

Глава третья. Преступность жертвоприношения

Упомянутые образы: Татьяна Лаппа, Елена Шиловская, Эмма Юнг, мать Тереза Калькуттская, Флоренс Найтингейл

Принесение себя в жертву проистекает у женщины по нескольким причинам.

Иногда это слепая любовь, которую требует властный эгоцентричный мужчина, формируя в женщине комплекс поклонения идолу. Порой к жертвенности женщина приходит через прогрессирующую внутреннюю потребность спасения мужчины или даже формирования миссии. Последнее, кстати,

сродни монашескому постригу и часто свойственно славянским женщинам. Но какими бы ни являлись причины, все они ведут женщину в «группу повышенного риска», потому что, жертвуя собой, она почти всегда выступает против полноценного собственного проекта.

Историй о женщинах, которые презрели себя ради любимого, тысячи. Психологи обычно выдвигают таким, как они, следующий аргумент: «Разве может женщина ожидать любви от своего избранника, если она сама себя не любит?». Мы же обратимся лишь к некоторым из них, примеры которых можно назвать классическими. Это образы, известные очень многим.

Если взглянуть на фотографию Татьяны Лаппа, первой жены писателя Михаила Булгакова, изображающую ее в старости, пожалуй, может охватить изумление. Женщина кажется благородной и величавой и даже в том возрасте, когда уже не вспоминают о женственности и очаровании, выглядит горделиво, проникновенно, даже мужественно. Ну а в молодости она без преувеличения была потрясающей красавицей, бойкой девчонкой, способной и на сильный, поистине мужской поступок, и на редкое терпение. Порой создается впечатление, что именно эта самоотверженная мужественность на фоне отказа от своего жизненного проекта в пользу проекта мужа ее и погубила. И никак не верится, что такую женщину можно оставить, особенно после таких жертвенных шагов, которые совершила она.

Безоглядно преданная мужу, Татьяна с самого начала взаимных отношений как бы включила программу на отлучение себя от любви. Эта ее ошибка была следствием легкомыслия: помогая возлюбленному получить образование, она совсем не побеспокоилась о своем. Именно тогда появился своеобразный двойной уклон: мужчина все время взбирался вверх (почти

всегда благодаря ее помощи), а женщина опускалась вниз. Проблема эта, возможно, была скрытой и затушеванной. Но Татьяна, живя исключительно для своего мужчины, многого не понимала и не училась понимать.

В первые годы совместной жизни муж только и помышлял о том, чтобы совершить что-то причудливое для молодой жены, удивить ее, развлечь. Подобное свойственно многим влюбленным. И это ослепило ее, усыпило бдительность и волю. Татьяна жила одним днем, полностью доверившись мужчине и ничуть не задумываясь о будущем, которое на самом деле следует завоевывать. В отсутствии желания достичь самодостаточности проявилась ее вопиющая инфантильность, потому что сияние молодости для женщины, если только она ищет гармонии, со временем должна заменить способность стать кем-то в социуме. Что, впрочем, вовсе не противоречит задаче оставаться привлекательной как можно дольше.

Да, Татьяна, или Тася, как ласково величал ее Булгаков, готова была терпеть фантастические трудности, — с ней он бы пустыню пересек и не заметил бы, что ей тяжело. Читала в библиотеке классиков, пока Михаил изучал медицину. Но этого было слишком мало. Достаточно, может быть, для среднего человека, для довольствующегося своей судьбой обывателя. Этого хватило бы для беззаботной жизни с мещанином, но было слишком мало для того, чтобы сделать из талантливого литератора признанного, прославленного писателя. А именно это со временем стало необходимо Булгакову. Татьяна же не знала, что для мужчины путь самореализации чаще важнее любви и сильнее пресловутого благополучия — с уютом, теплом и восторженной женой рядом.

Жертвенная до безумия, земная до умопомрачения. И то и другое, казалось бы, должны были стать ее преимуществами, но при увлекающемся, оторванном от реальности, порой

витающем в облаках виртуального восприятия жизни муже эти качества стали уязвимыми местами женщины. «Миша, ты всегда был фантазером», — так она разговаривала со своим бывшим возлюбленным, пережив его на четыре десятка лет. Ей надо было научиться отрываться от земной поверхности, а она не могла; крепко упираясь ногами в землю, она и мужа удерживала от губельного падения в бездну. Те, кто знал ее лично, утверждали: она одна-то и любила по-настоящему Михаила Булгакова.

Кажется абсолютно достоверным, что Татьяна «понимала все с полуслова, была настроена на одну душевную волну с ним». И он к этой волне привык и как-то перестал ценить ее жертвенность. Жертвенность ведь никогда не ценят! Особенно когда взоры направлены вверх. Булгаков смотрел в небеса и больше не видел там своей Таси, а видел других женщин, к которым должен был приобщаться, чтобы решить свою главную задачу — жизни-миссии. Татьяна вылечила его от тифа, рискуя заразиться и не боясь этого. Исцелила от наркомании. Из-за любимого человека решилась на два аборта. Сама дрова колола, топила печь, — в ней всегда была ключом неистощимая энергия пожизненно преданной подруги. В буквальном смысле она довела его за руку до старта, до первых аплодисментов. «Таськина помощь для меня не поддается учету...» — это слова самого писателя. Но за этой бескомпромиссной борьбой за возвращение мужа в мир успешных людей она непростительно позабыла о себе. Он рос, она же оставалась никем, и это ее в конце концов погубило. Естественно, изменения происходили постепенно, но женщина не обращала должного внимания на тектонические сдвиги в отношениях. Сначала приобретающий вес в социуме Булгаков стал относиться к жене «высокомерно, с постоянной иронией и как к обслуживающему персоналу» (Мариэтта Чудакова). Она служила как бы коллектором для

сброса его негативных эмоций, козлом отпущения для вечно мятущейся души...

Можно отыскать такой рассказ о первой жене Булгакова: «.Писал ночами «Белую гвардию» и любил, чтоб я сидела около, шила. У него холодели руки, ноги, он говорил мне: «Скорей, скорей горячей воды»; я грела воду на керосинке, он опускал руки в таз с горячей водой.» Похоже, тут и комментарии излишни, даже если мы говорим о лучших проявлениях любви. Великая любовь сама по себе может быть жертвенной, страдальческой и даже мазохистской. Но гармония в паре никогда не соседствует с жертвенностью.

В отношении новой пассии своего мужа Татьяна Лаппа оставила весьма важное откровение: «У меня ничего уже не было. Я была пуста совершенно. А Белозерская приехала из-за границы, хорошо была одета, и вообще у нее что-то было, и знакомства его интересовали, и ее рассказы о Париже».

В отношении новой пассии своего мужа Татьяна Лаппа оставила весьма важное откровение: «У меня ничего уже не было. Я была пуста совершенно. А Белозерская приехала из-за границы, хорошо была одета, и вообще у нее что-то было, и знакомства его интересовали, и ее рассказы о Париже». Да, Татьяна все прекрасно понимала, просто уже ничего не могла изменить. Может быть, слишком привыкла отдавать, не ожидая ничего взамен. К тому же шаткое положение семьи добила ее ревность, в основе которой, конечно же, была неуверенность, боязнь поражения, страх предстоящего одиночества. «Конечно, Белозерская ближе, чем я, к пониманию литературного процесса, что сблизило ее с Михаилом, и в привлекательности ей не откажешь, но между увлечением, самым пылким, и настоящей любовью существует большая разница. Она все

рассчитала: и мои убогие наряды, и измученный вид, и его интерес к зарубежным писателям...» — вспоминала Татьяна много лет спустя, уже после смерти Михаила Булгакова.

Нельзя не отметить так хорошо знакомый эффект несоответствия, который часто служит разрушительным механизмом брака. Пусть даже сотканного из подлинной, глубокой любви. Отказ одного из партнеров от личного духовного роста предопределяет трещины, которые со временем уже не подлежат ремонту.

Елена Шиловская, третья жена писателя, вела себя совсем по-иному: она выступала в таких недоступных Татьяне ролях, как муза, порождающая уверенность в недюжинном таланте, как образцовый литературный агент, как уникальный охранитель выдающегося имени. Потому-то ей Булгаков не опасался доверить самое драгоценное — рукописи. Елена была ловка и сноровиста в игре на имени Булгакова. Она предоставляла для застолий тогда всемогущего Александра Фадеева свою квартиру, надеясь выменять его благосклонное отношение и ухаживания на печатание главного романа своего мужа. Любила ли она писателя — большой вопрос. По крайней мере, она вряд ли любила его так, как Тася. Елена вышла замуж за принца, даже непризнанного короля. И посвятила жизнь изменению его статуса — чтобы соответственно изменился и ее статус. Чтобы стать королевой. В чем-то ей это удалось.

Отсутствие требований — еще одна форма жертвенности и предательства себя. В качестве иллюстрации приведем образ Эммы Раушенбах, жены известного философа и психоаналитика Карла Густава Юнга. Еще студентом-медиком Юнг увидел «15-летнюю девушку с заплетенными волосами» и влюбился в нее. Через шесть лет они поженились, и союз обещал стать пожизненной идиллией.

Уже через четыре года психотерапевт испытал острый прилив страсти к другой женщине, а через шесть (по всей видимости, впервые) вступил в интимные отношения со своей пациенткой. Через год в его жизни появилась еще одна пациентка по имени Энтони Вольф, с которой он поддерживал интимные отношения в течение добрых сорока лет. Забавно, что Эмма и Тони стали практикующими аналитиками, и жена под давлением мужчины мирилась с создавшейся ситуацией.

Отсутствие требований — еще одна форма жертвенности и предательства себя. В качестве иллюстрации приведем образ Эммы Раушенбах, жены известного философа и психоаналитика Карла Густава Юнга. Еще студентом-медиком Юнг увидел «15-летнюю девушку с заплетенными волосами» и влюбился в нее. Через шесть лет они поженились, и союз обещал стать пожизненной идиллией. Сам Юнг был приверженцем тщательного критического самоанализа, поэтому всякий желающий может отследить, как происходило крушение этой идиллии. Уже через четыре года психотерапевт испытал острый прилив страсти к другой женщине, а через шесть (по всей видимости, впервые) вступил в интимные отношения со своей пациенткой. Через год в его жизни появилась еще одна пациентка по имени Энтони Вольф, с которой он поддерживал интимные отношения в течение добрых сорока лет. Забавно, что Эмма и Тони стали практикующими аналитиками, и жена под давлением мужчины мирилась с создавшейся ситуацией. Кроме того, в жизни Юнга возникла еще одна устойчивая связь с пациенткой — Сабиной Шпильрейн, которая, среди прочего, помогала философу создавать одну из его книг. Это не упоминая, так сказать, коротких связей творца архетипов. Его биограф указывает, что Эмме приходилось нелегко: «Муж был

недосягаем, эмоционально неустойчив, с ним было трудно разговаривать».

Вот проясняющая картину цитата из книги Ричарда Нолла: «Случившийся у Юнга в 1944 г. [в 69 лет. — В. Ё.] сердечный приступ и последовавшая за ним длительная болезнь дали Эмме большой простор для контроля над своим супругом, и в течение остатка своих лет она имела возможность ограничивать доступ к нему Тони Вольф. Но это было позднее, а до этого они составили весьма буржуазное расписание для своей крайне богемной ситуации. Юнг мог регулярно ездить к Вольф в Цюрих по вечерам в среду, а она могла провести воскресный день в Кюснахте с Юнгом и его семьей у них дома. Время от времени она могла сопровождать его в коротких поездках, совершаемых им без Эммы. После того как в начале 20-х годов Юнг построил в Боллингене свою «Башню», они каждое лето имели возможность проводить там наедине недели». Небезынтересно, что Эмма старательно пыталась находиться рядом с мужем, даже принимать участие в психоаналитических конгрессах (где, кстати, на фотографиях она выглядит явно не в своей тарелке).

По мнению Сюзанны Трюб, подруги Эммы Юнг, последняя была не в состоянии воодушевить своего мужа. «Когда у вас пятеро детей, это невозможно», — приводит ее слова биограф, отмечая, следующее: «Для Эммы Юнг полигамия не была результатом свободного выбора. Просто ее супруг поставил ее перед свершившимся фактом. В лучшем случае она по своей воле решила к этому факту приспособиться». Эмма, как указывают исследователи, порой закатывала своему мужу скандалы. Но есть ли смысл в бурном эмоциональном проявлении протеста, если для Юнга полигамия стала неотъемлемой частью жизни? Для Эммы существовали лишь две версии: уход от мужа или мучительное принятие его философско-сексуальной концепции. Она нехотя приняла

вторую, чем определенно включила механизмы медленного самоуничтожения. Впрочем, покинуть мужа женщине, имеющей пятерых детей, вовсе не так просто.

А тем временем сам Юнг, уже не стесняясь, прописывал измену жене как лучшее средство от депрессии. Жена в его понимании олицетворяла материнство, а ближайшая из любовниц (Тони) исполняла роль вдохновительницы, музы. Примечательной в этой связи можно считать фразу яркого приверженца Юнга, известного британского антрополога Джона Лайярда, который относительно роли Тони Вольф в жизни философа едко заметил, что Юнг мог бы сообщить «лишь о том, сколь чудесна она была в постели». Известно, что тема развода была частой в семье Юнгов, но решения так и не появилось. Возможно, для обоих супругов существовали неоспоримые аргументы в пользу брака, и вопрос имиджа, как кажется, сыграл далеко не последнюю роль (ведь даже во времена разрыва отношений Юнга с Фрейдом каждый из мыслителей шантажировал другого намеками на публичное раскрытие внебрачных связей — Фрейда со свояченицей Минной, Юнга — с Сабиной).

Как бы там ни было, подавляющее число историй взаимоотношений мужчин и женщин свидетельствует: *не существовало ни одного прочного союза, основанного только на качественном сексе*. Ведь в конце концов Юнг не послушался Тони и не развелся с Эммой. Считается, что это стало одной из причин того, что сама Тони начала много курить и пить и умерла в 64 года от инфаркта. Эмма, впрочем, ушла в мир иной через два года, после 52 лет сомнительного и противоречивого брака. Что толку, что вдовец, уже признанный миром мыслитель, в порыве скорби называл ее королевой? Еще одна любовь знаменитого психоаналитика — Сабина Шпильрейн — ушла в небытие почти пятнадцатью годами раньше — в 56 лет.

Все-таки необходимо заметить, что во всех случаях проявления женской жертвенности ситуация меняется плавно и поступательно. Женщина как бы уступает шаг за шагом, проигрывая мелкие битвы, чтобы наконец потерпеть фиаско во всем проекте отношений. Но, в принципе, отказаться от жертвенности может любая женщина. А всем жертвенным женщинам можно лишь посоветовать вооружиться замечательной наполеоновской мыслью: «Единственное средство от любовных страданий — бегство!».

Известные исторические примеры отношений женщин со знаменитыми мужчинами говорят о том, что жертвенность может обеспечить женщинам лишь рискованное балансирование, но никогда — гармонию. Однако было бы несправедливым вести разговор о жертвенности женщины, не упомянув случаев трансформации этой, казалось бы, странной внутренней потребности в крупную идею. Это происходит тогда, когда *жертвенность выходит за рамки отношений с одним мужчиной и направляется на спасение многих, на большое пространство или даже целый мир*. При развитии такой идеи женщина концентрирует энергию милосердия, сочувствия и сострадания, которая, вне всякого сомнения, служит развитию человечества, укреплению созидательных устремлений всех мыслящих существ, сдерживанию деструктивных проявлений в человеке. И тут нельзя не согласиться с тем, что это очень высокая и тонкая, подвластная лишь редким душам миссия. Потому в таких случаях никто не имеет достаточных полномочий утверждать, что та или иная судьба потеряна для отдельной личности, что выбор жертвенности был сделан напрасно. В подтверждение этих слов можно вспомнить несколько самобытных женских образов, например матери Терезы Калькуттской или Флоренс Найтингейл, которые сумели создать новые значимые символы любви. Не задаваясь целью

описать их жизненные стратегии, стоит лишь отметить приход к жертвенности, которая переросла во всеохватывающую любовь к страждущему, убогому и больному.

Родившись в зажиточной албанской семье, Агнес Гонджа пережила стресс Первой мировой войны, которая отняла у нее отца. В юном возрасте она познала быстротечность состояний жизни, когда благополучие и благоденствие в один миг, как по мановению палочки злой волшебницы, превращаются в смерть, болезни и нищету. Все это настолько потрясло девочку, что в 17 лет традиционному женскому стремлению стать журналисткой она решительно предпочла монашество. Прошла она и через персональное испытание — туберкулез, поставивший главный вопрос: если жить, то для чего? Не стремясь к популярности, заботясь лишь о распространении милосердия и любви, мать Тереза Калькуттская стала наиболее известной и почитаемой монахиней XX века, официально признанной святой.

Флоренс Найтингейл, одна из самых блестящих невест Великобритании отличалась великолепным образованием, изысканным воспитанием и манерами. Но после случайного посещения приюта для больных нищих ее мечта о создании счастливой семьи и воспитании детей неожиданно померкла и в воображении ясно обозначилось иное предназначение. В высшем свете желание стать сиделкой в больнице для бедных расценили как глупую прихоть строптивой не знающей жизни аристократки. Яростный порыв души попросту не был понят, зато решительности 24-летней красавице было не занимать. За последующие семь лет Флоренс, хорошо знакомая с естественными науками, сама разработала метод ухода за больными, включая обстоятельно обоснованные условия карантина. Окончательно отказавшись от замужества, благочестивая женщина посвятила жизнь миссии сострадания. В итоге она стала главным экспертом комиссии по контролю

над состоянием английских военных госпиталей, основала школу медсестер, фактически учредила медаль за милосердие, проявленное на поле брани и в мирное время медсестрами и санитарками. Может быть, в викторианскую эпоху это и была одна из версий стать кем-то, пройти по жизни с конкретной незабываемой миссией.

Лучше всего идеологию такой жертвенности выразила мать Тереза. «Из-за того что мы не видим Христа, мы не можем выразить Ему нашу любовь, но ближних всегда можем видеть и по отношению к ним поступать так, как поступали бы по отношению ко Христу, если бы видели Его», — так написала та, кто всю жизнь сомневалась в существовании Бога.

Даже один из таких примеров убедительно гласит: самоотверженность имеет право на свои проявления. Хотя бы потому, что понимание и ощущение счастья у земных существ не одинаково. Кстати, жили женщины-праведницы в согласии сами с собой: мать Тереза выполняла свою миссию до 87 лет и была причислена Католической Церковью к лику блаженных, Флоренс Найтингейл прожила 90 лет. И все же умение различать жертвенность в отношениях в паре и самопожертвование в планетарном контексте не помешает каждой женщине, которая стремится отыскать свой единственный путь и обрести чувство гармонии, осознание своего места во Вселенной.

Глава четвертая. Потеря самодостаточности — тупик для женщины

Упоминаемые образы: Вера Муромцева, Бетти Кальман

Иван Бунин и Вера Муромцева

Бетти Кальман

Конечно, вполне можно отыскать примеры, когда потеря женщинами своей самодостаточности (психофизической, социальной или духовной) никак не отражается на их способности контролировать жизненное пространство, позитивно влиять на семью и удерживать возле себя любимого мужчину. Порой даже не только удерживать, но и «лепить» его маленькие и большие победы. Также можно допустить, что потерявшие в физическом и социальном смысле женщины

(прекратившие реализацию в социуме, проявляющие равнодушие к духовному развитию и своему физическому телу) могут вызывать не меньшую любовь, чем женщины, являющиеся эталоном привлекательности.

Однако вряд ли будет преувеличением то, что женщина, потерявшая самодостаточность (или никогда не приобретшая ее), находится в зоне повышенной турбулентности, в непосредственной близости к кризису. Личные наблюдения автора свидетельствуют о том, что очень часто такие семьи живут по инерции, в силу каких-то условностей или особых обстоятельств (необходимость воспитывать и учить совместных детей, вопрос престижа, экономической целостности семьи и др.). Мужчины в таких семьях нередко попросту ловко играют свою незавидную роль, и бегут куда глаза глядят при первой же возможности. История же отношений мужчины и женщины, зафиксированная в их биографиях, неумолимо твердит о том, что женщина, не работающая над собой — будь то оболочка или внутреннее содержание, — неминуемо сталкивается с вызовом своему жизненному сценарию.

Можно приводить немало случаев, когда пары распадаются вследствие возникающей и постоянно растущей пропасти между партнерами — на фоне различных подходов к духовному развитию и реализации в социуме. Когда один партнер резко отстает от другого, он становится все более неинтересным в общении^[4]. А ведь именно общение, глубокое эмоциональное взаимодействие на самом деле составляет ядро отношений. И если людям, добровольно объединившимся в пару, со временем не о чем говорить друг с другом, они постепенно отдаляются в разные стороны, становятся чужими и живут до тех пор, пока отчуждение не накроет их союз темной губительной волной. Такое развитие событий можно легко обнаружить при

детальном рассмотрении временных диаграмм отношений уже упомянутых Михаила Булгакова и Татьяны Лаппа, Джека Лондона и Бесс Мадерн и многих других известных пар. Но еще более прозаичными и часто повторяемыми являются примеры самоуничтожения семей из-за потери женщиной психофизической самодостаточности.

Наша жизнь обусловлена, мы меняемся и обречены с течением времени настолько потерять свой былой облик, что становимся просто человекообразной оболочкой. Но этот глобальный экзистенциальный вызов, по всей видимости, не случаен — *человеку он дан для того, чтобы, обретая с годами мудрость, он мог понять, что является чем-то большим*. И только зная о необратимых изменениях своего тела, о грядущей смерти, человек способен по-настоящему любить, переходить с возрастом на новый уровень вибраций. Великий мыслитель XX века Виктор Франкл утверждал, что «человек — это больше, чем психика: человек — это дух».

Мы действительно должны помнить, что психическая кондиция и духовная концепция гораздо важнее состояния тела. Мы должны осознанно принимать, что разрушение тела может лишить любви и привязанности именно того принца, к которому лежит сердце в данный момент. Но принц — не единственный на планете. Не зря психология учит женщину: следует полюбить и принять свое тело. По меньшей мере, это подарит равновесие и внутреннее согласие.

Однако эта глава совсем о другом — о том, что искательница принца, потенциальная принцесса всегда превосходно понимает различие между разрушением тела временем и разрушением тела ленью и безволием. Оно, тело, даже по-разному разрушается. Потому что все области самодостаточности тесно переплетены между собой, представляя причинно-следственные зависимости состояний

духа, разума и телесной оболочки. Личность — это целостная система, в которой крепкий и плодотворный союз духа, разума и тела создает счастливую судьбу, а рыхлые связи, отсутствие самодисциплины и ответственности, соответственно, выбрасывают несовершенное образование в человеческом облике на обочину жизни.

Природа исповедует универсальные законы — ничто в ней не является постоянным, все может меняться как в лучшую, так и в худшую сторону. А изменения и их качество зависят от внешне простых и понятных способностей — понимать пространство жизни (считывать информацию) и производить акты воли. И именно пониманию отнюдь не радужных перспектив таких изменений служит следующий пример.

У Веры Муромцевой было все, кроме воли. Вернее, и воля поначалу присутствовала, но как-то растворилась под воздействием самой губительной для брака мысли — будто он заключается навсегда. Он — как значок «Мастер спорта»: присваивается однажды, когда тело совершенно, и гордо носится на груди, когда тело едва ли не разлагается на глазах.

Итак, чудесная родословная, завидное образование, безукоризненная красота, великолепные перспективы. Выпорхнув из дворянской профессорской семьи, юная Вера серьезно занималась химией, бегло говорила на четырех языках и ориентировалась в современной литературе. Знатоки того времени утверждали, что девушку без всякого преувеличения сравнивали с леонардовской Мадонной. Она казалась одухотворенной и, вероятно, таковой и являлась — то был расцвет молодых сил, полдень благородного цветка.

На литературном вечере двадцатипятилетняя Вера без труда привлекла внимание тридцатилетнего писателя Ивана Бунина — не заметить щедрую на глубоко интеллектуальные, порой радикальные суждения барышню было попросту

невозможно. Что касается самой Веры, то заслужить внимание Бунина ей было лестно — к тому времени он был отмечен Пушкинской премией, а за несколько лет до судьбоносной встречи началась публикация собрания сочинений. Это уже был признанный мастер художественного слова, почти король литературного королевства. С другой стороны, нельзя было игнорировать очевидного: Бунин был связан узами легитимного брака, хотя уже определенное время не жил со своей женой.

Сама Вера много лет спустя в мемуарах *«Беседы с памятью»* вспоминала: «Иногда я забежала к нему днем прямо из лаборатории... Ему нравилось, что мои пальцы обожжены кислотами.» «Будущему классику, видимо, очень импонировало, что целеустремленная Верочка ради дела готова забыть о себе и собственной боли», — отметили по этому поводу Елена Обоймина и Ольга Татькова в книге *«Русские жены. Недостижимый идеал»*. Хотя скорее причина воодушевления будущего классика вовсе не в этом. Рискнем предположить, что зрелого мужчину заорожили признаки самодостаточности девушки — именно их следы были на ее руках. Она если не была уже кем-то в этой жизни, то явно претендовала на это. Милая девушка с авангардным мышлением и богатым внутренним миром, она являлась самостоятельной личностью. И это последнее было и современно и многообещающе.

Но именно со связи с женатым мужчиной, пожалуй, и начинается череда отречений Веры, которая с самого начала не выдвигала никаких требований в отношении себя и даже позволила мужчине распоряжаться своей социальной ролью. Привлеченный многими талантами Веры, Бунин решил сделать так, как было удобнее ему самому. «Я придумал: нужно заняться переводами, тогда будет приятно вместе и жить и путешествовать, — у каждого свое дело, и нам не будет скучно,

не будем мешать друг другу.» — заявил он однажды молодой женщине, согласившейся ехать с ним, чужим мужем, в путешествие. И опять подстроилась она, ведомая любовью своего избранника, более опытного и уже социально реализованного. Смелая, решительная, отважно отвергающая закостеневшие моральные устои? Может быть. Скажем, Белла Розенфельд хотела стать актрисой, но, выйдя за художника Марка Шагала, о своей мечте забыла. И таких женщин было немало — готовых дополнить, продолжить собой судьбу мужа, исключив попутно свою индивидуальную (полагая порой, что поместили ее внутрь жизненного проекта избранника). Как будто все верно, но всегда в судьбах находятся те отличительные детали, из которых складывается успех одних и крушение других. Вера Муромцева отлично выдержала экзамен на социальную зрелость: она не только выступила талантливой переводчицей и автором литературных статей, но и, подобно Белле Шагал, оставила после себя книги о мужчине, которому отдала свою жизнь. Но *«Жизнь Бунина»* и *«Беседы с памятью»* — это уже послесловие.

Просчет (или недочет) кроется в другом: сосредоточившись на социальной роли, Вера растеряла свое физическое превосходство, отказалась от требований и самооценки, а значит, и от любви к себе. Все это женщина сделала, не задумываясь о степени ответственности партнера. Возможно, она претендовала бы в жизненном проекте на небывалый успех, если бы только сама несла ответственность за свою судьбу, а не переложила бы ее доверчиво на плечи влюбчивого, разбитного и не отличающегося надежностью мужчины. Но, конечно, все, что человек делает (или не делает), свершается в его голове. Проблема некогда обольстительной красавицы Веры — в элементарно заниженной самооценке. *«Моя жизнь рядом с его казалась мне очень бедной»*, — писала она о периоде начала

отношений. Оттого-то она и стала бедной, что так считала! Зачем тогда старательно изучать химию, корпеть над четырьмя иностранными языками?! Не лучше ли быть необразованной, но свято верить в себя как подлинную харизматичную, надменно-отстраненную звезду, подобно хотя бы Марлен Дитрих?

Падение в бездну началось незаметно. Это в начале XXI века воспринимается вполне естественно, когда девушка живет с мужчиной без официального оформления отношений, — быстро достигаемая социальная самодостаточность (как утвержденный повсеместно стереотип) позволяет женщинам делать это без особого риска. Однако столетие назад это вызывало недоумение и осуждение со стороны многих. «Когда близкие люди говорили мне, что я жертвую собой, решаясь жить с ним вне брака, я очень удивлялась», — писала Вера впоследствии. Важнейшее слово в этой фразе — *жертвую*. Можно диву даваться, что столь интеллектуальная, целеустремленная девушка была так ослеплена. Бунин, конечно, принц, но отчаянное безрассудство Веры лишило ее саму атрибутов принцессы и будущей королевы. Оттого-то в отношениях со своей избранницей писатель выступил валетом червей, постепенно превращаясь в пикового короля.

Закон любви — один для всех, и он утверждает, что и в последний день отношений необходимо так же стараться, как и в первый. А наша славная Вера расплылась, обмякла, обрюзгла, растеряла признаки породы. От бывлой милашки не осталось и следа. Как женщина, она стала решительно не интересна партнеру, который был на одиннадцать лет ее старше.

Они все-таки отправились в путешествие, определившее дальнейший формат отношений, — в гражданском браке паре пришлось прожить еще полтора десятилетия (венчание стало возможным после получения Буниным развода от первой жены Анны Цакни). Бунин же, искренне и беззаветно любя свою Веру, скорее всего, получил отчетливые сигналы: он может распоряжаться ею и дальше, расширяя область своих интересов за счет сужения ее возможностей.

Хотя, как ни странно это выглядит, но именно первые полтора десятилетия оказались лучшими в их совместной жизни — фантастической сказкой. Но не возникла ли эта сказка на основе безотчетной, неосознанной тревоги Веры о том, что мужа необходимо завоевывать каждый день? А вот венчание отчего-то вызвало странный прилив губительного безволия. Может, женщина решила, что официальное замужество станет финишем проекта и создаст вечную крепость для пары? Отнюдь! Закон любви — один для всех, и он утверждает, что и в последний день отношений необходимо так же стараться, как и в первый. А наша славная Вера расплылась, обмякла, обрюзгла, растеряла признаки породы. От бывлой милашки не осталось и следа. Как женщина, она стала решительно не интересна партнеру, который был на одиннадцать лет ее старше. Вот и появились у мужчины, привыкшего поступать, как ему хочется, разные романчики и романы на стороне. Пока не выросли до вопиющего, поистине потрясающего кощунством шага.

Вероломный и обезумевший от страсти Бунин притащил домой и поселил некую писательницу Галину Кузнецову, которую произвел в свои секретарши-помощницы, а на самом деле попросту сделал любовницей. Чтобы понять, насколько ущербной было восприятие самой себя подавленной и вопиюще нетребовательной Веры Муромцевой-Буниной, стоит лишь представить на миг, чтобы Владимир Набоков привел в дом к

своей Вере такую «помощницу». Сложно представить? Именно!!! А вот наша несклочная благообразная Вера Муромцева смирилась, потупившись. Хотя и целый год тихонько жаловалась всем и всюду на свою безвыходную ситуацию. Но кому интересно пропитанное горечью вытье — разве что таким же обижаемым женщинам... И позволяющим себя обижать. Потому-то Бунин и не жаловал жену: ну как может мужчина любить женщину, если она сама себя окончательно разлюбила, поставила на себе крест?! «Любить Веру? Как это? Это все равно, что любить свою руку или ногу», — сказал как-то писатель после многих лет брака. И это откровение свидетельствует: муж уже не признавал в жене цельной личности, самобытной и достойной восхищения. Она стала всего лишь привычкой. Подобно надежной помощнице-служанке, которой все можно поручить и от которой не будет слышно ропота или претензий.

Писателю — глубоко за пятьдесят, женщина — на четверть века моложе. Ограничителей нет никаких. Бурный роман длится до пресыщения самой женщины, которая сначала беззастенчиво вступила в греховную связь с еще одним приживалой в доме Бунина, а затем и с приведенной в этот же дом другой женщиной. Полный хаос, разврат и моральный нигилизм превратили бунинскую обитель в рассадник беспредела и скорби, круговорот выпущенной наружу обезличенной сексуальности.

Как Вера спасалась от отчаяния? Полтора десятилетия она жила оскорбленной, униженной, обрастая плесенью обмана и лицемерия. Сначала впала в депрессию, затем попросту вытеснила ситуацию из головы, пустила ее на самотек. Возможно, к тому времени это уже было ее спасением. «Я. вдруг поняла, что не имею права мешать Яну любить, кого он хочет. Только бы от этой любви было ему сладостно на душе .

Человеческое счастье в том, чтобы ничего не желать для себя.» — читаем такие многозначительные и самоуничижительные строки. Не исключено, что Веру преследовал и комплекс вины, связанный с бездетностью. Ведь единственный сын Бунина — от Анны Цакни — умер в детстве от скарлатины. Но как бы там ни было, а к жертвенности это не имеет никакого отношения. То, что сделала с собой Вера Муромцева в психическом смысле, можно назвать актом медленного самосожжения.

Мемуарист Василий Яновский так написал о Вере Буниной: «Это была русская („святая“) женщина, созданная для того, чтобы безоговорочно, жертвенно следовать за своим героем — в Сибирь, на рудники или в Монте-Карло и Стокгольм, все равно!» Все это, вероятно, так, но с оговоркой: это еще и женщина, отказавшаяся от себя, от своего счастья, презревшая собственный потенциал прожить гармонично и достойно, в соответствии с предназначением истинной Музы.

Мудрецы утверждают, что человек мыслит, используя не только мозг, но и тело. Сказано небезосновательно, ибо разве возможны счастливые ощущения в нездоровом теле? Тело напрямую связано с духом, оно является «одеждой», «храмом» для души. Если тело болеет, очень трудно обрести чувство гармонии, сосредоточиться на успехе. Власть над собственным телом предполагает и власть над духом.

Вдохновлять женщин на непрестанную работу над своим телом и совершенствованием духа могут, разумеется, совершенно другие образы: Майи Плисецкой или Натали Дроэн. Десятки замечательных женщин продемонстрировали, что акты воли вызывают прилив любви к себе и, как цепную реакцию, восхищение окружающих. От возраста это не зависит, желание любить себя должно быть неотъемлемой частью женственности.

Чаще всего словосочетание «обрести форму» означает «обрести себя». Взять хотя бы пример Бетти Кальман.

Австралийка Бетти Кальман в свои 85 лет оставалась активным практиком йоги. В шутку ее называли «баба Йога», но на самом деле жизнь этой пожилой женщины (ее внешний облик и, главное, внутреннее состояние не позволяют называть ее бабушкой) чрезвычайно насыщена и полноценна. Возглавляя несколько школ йоги, ведя программу на телевидении, она стала автором трех популярных книг, наиболее популярная из которых — *«Йога и артрит»*. Как инструктор йоги, госпожа Кальман проводит одиннадцать (!) занятий в неделю, то есть занимается целительными практиками дважды в день. Женственная фигура, мышечная активность, бодрость и здоровые эмоции — это то, что она получила взамен.

Мудрецы утверждают, что человек мыслит, используя не только мозг, но и тело (эту идею относят к мыслителю Радхакришнану). Сказано небезосновательно, ибо разве возможны счастливые ощущения в нездоровом теле? Тело напрямую связано с духом, оно является «одеждой», «храмом» для души. Если тело болеет, очень трудно обрести чувство гармонии, сосредоточиться на успехе. Власть над собственным телом предполагает и власть над духом. «Без предварительной подготовки тела всякие попытки духовного развития бесплодны», — утверждали мудрецы Востока, проповедовавшие йогу и аюрведу.

Глава пятая. Несоответствие, или почему Борис Пастернак расторгал свои браки

Упоминаемые образы: Евгения Лурье, Зинаида Нейгауз, Козима Вагнер, Анна Сниткина

Евгения Лурье

Борис Пастернак и Зинаида Нейгауз с сыном

Анна Сниткина

Козима Вагнер

Жизнь порой создает такие замысловатые узоры и хитросплетения, что и стихийная фантазия отдыхает. Одним из таких рисунков с сочными, колоритными линиями является история частной жизни блестящего писателя и поэта Бориса Пастернака. Трогательно сентиментального, выразительного и смелого в своем творчестве — и до боли и досады наивного, инфантильного в личной жизни. Три совершенно различных женских портрета дополняют его изменчивый образ. Часто его жизненные решения казались загадочными и противоречивыми. Но это только на первый взгляд.

Действительно, отчего Борис Пастернак разлюбил замечательную женщину — интеллектуалку Евгению Лурье? Распутывание любого клубка отношений в паре нелишне начать с настойчивого повторения, что не бывает одного виновного в крушении семейного корабля. Романтичный и чувствительный, Борис Пастернак был явно психологически незрелой личностью, слишком податливой для внушений и манипуляций. Женился он, прямо скажем, по ребячливости, вняв мимолетному совету (или настоящей рекомендации) брата девушки, которую взял в жены. В стиле больных иллюзиями (относительно женщин) Генриха Шлимана или Василия Кандинского. Оттого и расплата, оттого и вышли девять лет с первой женой если не кандалами, то психологическим капканом для непредусмотрительного человека.

И все-таки, только ли в незрелости молодоженов дело? Только ли в том, что они друг друга слишком мало и слишком плохо знали? Сама по себе незрелость и скоропалительность брачного решения — это скорее фактор риска, но никак не причина разводов. Действительно, первая избранница Пастернака Евгения Лурье была и интеллигентна, и достаточно привлекательна (несмотря на то, что он считал ее слишком худой), и честолюбива (предпосылка возможной

самодостаточности), и к творчеству неравнодушна (намереваясь стать художницей, она демонстрировала все предпосылки к духовному развитию). Однако имелись у нее свои «но»...

Очень важный, если не ключевой момент в совместной жизни Бориса Пастернака и Евгении Лурье — отсутствие понимания женщиной мотивации и вообще стремлений мужчины. Любой мужчина потенциально настроен на миссию, большую или малую, зависящую от условий его воспитания и становления как личности. Раскрыть и поддержать эту миссию — едва ли не главное предназначение женщины и залог успешности ее же личной жизни. Борис Пастернак происходил из семьи с деятельным мужским началом (Леонид Пастернак мог бы служить великолепным примером для подражания), но в нем верх одержали качества скорее женские — тоскливая чувственность и несколько плаксивая мягкость, что, впрочем, для поэзии стало отменным подспорьем. Однако нас больше интересует образ Евгении.

Итак, девушке подарили оранжерейного принца, завернутого в искристую, конфетно шуршащую обертку. И что же? Она вынудила Пастернака с самого начала обслуживать ее, присматривать за ней, наконец, способствовать ее восхождению на творческий Олимп. Да и обеспечивать если не роскошный, то вполне безбедный быт, в условиях которого можно порхать бабочкой-принцессой, королевой мотыльков. Как заметил друг Пастернака писатель Борис Пильняк, «Боря у нее был на посылках».

Но дело вовсе не в том, что Евгения намеревалась затмить мужа собою. А в том, что она вообще всерьез не воспринимала его мужское дело. Принимала его как нечто обязанное ее жизнь всесторонне обустроить — от прислуги и няни до капризов с напыщенными претензиями на творческие порывы. Более того, воображая себя значительной художницей, она сама являлась

преградой для деятельности своего мужчины. Наиболее интересным в этом плане может оказаться откровение их сына: «Он [Пастернак] был очень сконцентрирован. Вероятно, гениальность Пастернака и выражалась в том, что если ему не давали работать, то он заболел. Это было причиной, почему они расстались с мамой. <...> Они расстались, потому что два художника не могли ужиться в таких условиях. Мама думала, что он поступится своей работой, но для отца это было бы трагедией». Этих слов уже достаточно для понимания того, что их семейная жизнь просто не могла сложиться, они были из разных миров, оба и виноваты и невиновны...

Евгения умудрялась демонстрировать вопиющую дисфункцию жены и матери: она не умела быть практичной и не училась этому, не умела воспитывать, возвращать сына и не пыталась освоить это искусство, наконец, она не умела быть женой, которая создает мужчину. В результате потенциал взаимного уважения и желания общаться эта пара быстро растеряла, а угасшая страсть и отсутствие общих интересов сделали дальнейшее пребывание вместе невозможным.

Евгения умудрялась демонстрировать вопиющую дисфункцию жены и матери: она не умела быть практичной и не училась этому, не умела воспитывать, возвращать сына и не пыталась освоить это искусство, наконец, она не умела быть женой, которая создает мужчину. В результате потенциал взаимного уважения и желания общаться эта пара быстро растеряла, а угасшая страсть и отсутствие общих интересов сделали дальнейшее пребывание вместе невозможным.

В своем исследовании перипетий семейной жизни Пастернака Тамара Катаева приводит замечательное

свидетельство. Адресованное матери фактически в момент распада семьи (март 1930 года) письмо указывает на творческий кризис, который случился с поэтом на фоне кризиса житейского, бытового. Для человека, живущего литературой и искусством, пробивающего себе путь на этом поприще и при этом мягкотелого, остро переживающего малейшие нестыковки в мирской жизни, это недопустимо. Пастернак начал понемногу терять себя, свое творческое лицо. Но дело и в том, что жена абсолютно не интересовалась главным жизненным вопросом мужа. Грубейшая ошибка женщины была на духовно-душевном уровне, где она не оказывала поддержки, не излучала веры, не выказывала искреннего интереса. Следствие этой ошибки — разобщенность и несовместимость. Истоки этой эмоциональной пустыни — в заикленности Евгении исключительно на себе. Не умеющий дарить высокое чувство редко может рассчитывать на любовь. В данном случае оба — и муж и жена — не пробовали трудиться по-настоящему на общем семейном поле, оба были аморфными и самовлюбленными, потому их спорадически возникшая связь была обречена.

«Женя — как птичка из сложенного листа бумаги, искусственная, неживая, симметричная жизнь»... «Женя была холодна, требовательна, ленива, она хотела стать художницей, Пастернаку негде было это купить», — это великолепная аранжировка ее образа от Тамары Катаевой.

Евгения Лурье не желала (да и не пыталась) понять мужа, она и не намеревалась создавать пару. От брака ожидала исключительно решения собственных проблем, порожденных эгоцентризмом и камуфлированных под жажду творчества. С собой она не просто заслоняла мужа, но оттесняла его от созидательного творчества. Вместо формирования миссии мужа она старательно убивала в нем желание эту миссию исполнять. Витая в облаках собственных иллюзий, но так и не сумев

дотянуться до духовного развития, она разрушала все вокруг своей кощунственной непрактичностью.

В какой-то степени представляется похвальным стремление этой женщины быть вровень с мужем, быть горделивой, самостоятельной и самодостаточной личностью. Но это стремление скорее показное, оно абсолютно ничем не подкреплено, кроме непомерных амбиций — женской формы честолюбия. Она не нашла в себе сил выйти за пределы зоны комфорта, которую ей, как великовозрастному и беспомощному птенцу, устроил супруг. Было бы несправедливым сказать даже такое: «Эта женщина себя искала, но ей чего-то не хватило». Она только говорила, что себя ищет, она подписала протокол о намерениях, огласила желание, но не двинулась дальше этого. И ее семейный опыт показал, что это хуже, чем вовсе не искать ничего. Противопоставляя себя сосредоточенному на творческой работе мужу, она не могла не вызывать раздражения своей псевдотворческой бравадой. Следствием этого стал уход мужчины к очень земной, невзыскательной, более живой и осязаемой женщине.

Негативный опыт семейного строительства Евгении Лурье примечателен срабатыванием одного из важнейших принципов отношений в паре — *сбалансированности*. Попытка Евгении предстать существом духовным, отбросив на задний план эмоциональную связь, энергетический обмен с партнером, привела ее к краху. Вообще же, творческое начало у женщины само по себе не может замещать жизненную практичность, оно способно лишь ее дополнять, если только женщина собирается сохранить семью. Один из двоих должен брать на себя решение насущных задач, и если никто в паре не готов к такой ответственности, союз неминуемо разрушается и умирает. Длительность этого умирания зависит от индивидуальных особенностей участников семейного строительства.

Но что же Зинаида Нейгауз? Очень приземленное существо, весьма аппетитное и сексуально выраженное на момент встречи. О последующем крушении отношений писателя с нею со свойственной ей легкостью выдавать сразу весь пакет очевидного сообщает Тамара Катаева: «Зинаиду Николаевну он [Пастернак] душой оставил после того, как она оставила его телом...». Однако попробуем неспешно проследить за развитием событий.

Выбор второй жены осуществлялся нашим героем как бы в качестве контрудара, компенсации отсутствующих элементов. Этот выбор предполагал решить преимущественно те проблемы, что возникли в первом браке: непрактичность жены, ее физическая для него непривлекательность и отсутствие страсти. Рискну предположить, что советский нобелевский лауреат никого не любил, кроме самого себя, от назойливых окружающих и от общественного мнения откупался деньгами, и эгоизм его заметно превосходил норму, необходимую для активного творчества. Даже сына своего он предпочитал наблюдать издали. Конечно, он не был со своими близкими таким бездушным эгоцентристом, как Карл Маркс или Пабло Пикассо, но мягкая, порой эмоциональная заботливость писателя, призванная подменить любовь, не компенсировала суровости поступков. Такому холодному в своей монументальности королю нужна скорее помощница-прислужница — робкая, смиренная, жертвенная. С такими качествами души, как у Анны Сниткиной-Достоевской. Умеющей все обустроить, но не теряющей себя.

Зинаида Нейгауз такой не была. В противовес безвольной и высокомерной Евгении Лурье она не смогла полюбить в себе личность, не научилась быть другом, с которым можно общаться как с равноценным партнером. И потому, когда страсть естественным образом (как у всех на свете) угасла,

перейти на новый уровень отношений она оказалась неспособной. Зато, убивая себя тяжелой работой, она подавляла в себе женственное, женское.

Многое может прояснить один нетривиальный вопрос: почему Зинаида так легко разрушила прежнюю семью? Она имела любящего мужа — знаменитого пианиста, двух рожденных от него мальчиков, у нее с Генрихом Нейгаузом было общее поле деятельности

— музыка, на котором она могла себя ощущать оцененной, почти равной, почти самодостаточной. Муж ее, мягкий, нежный, увлеченный работой человек, не давал ей повода усомниться в верности. Может быть, подверженная чувствам, атакованная безумным обстрелом страсти другого мужчины, она просто поддалась и поплыла по течению жизни? Щелчок — и сработало запрограммированное в ней взрывное устройство, нарушившее баланс между допустимым уровнем увлечения и безопасностью? Возможно, она надеялась на то, что предложенная Пастернаком любовь-увлечение, сугубо физического толка, окажется мимолетным вихрем, который покружит-покружит и отпустит ее на прежнюю орбиту. Уступила моменту, поддалась мимолетному напору ощущений и... погибла, как мотылек, который слишком близко подлетел к огню. Проявила неслыханное легкомыслие, безволие, поставила телесное выше духа, выше великого женского. Потому и результат вышел плачевный.

Конечно, мы тут вправе вспомнить, что и выдающаяся Козима Вагнер тоже оставила мужа, имея от него двоих детей. Оставила композитора фон Бюлова в пользу композитора Рихарда Вагнера. Оставила спокойное ласковое море, уступив штормам, ураганам, остервенелости чувств. Оставила слабость в пользу силы — так бывает у женщин, и в таких случаях стоит выдвигать больше обвинений брошенному мужчине, чем

уходящей женщине. Можно с уверенностью сказать, что Козима Вагнер была фон Бюлову хорошей и верной женой — и таковой бы осталась, если б не демон на пути.

Можно предполагать, что профессиональная пианистка Зинаида Нейгауз также оставалась бы отменной половинкой для искристого музыканта, любимца эстетствующей публики Генриха Нейгауза, но, как и у Козимы с фон Бюловом, тут присутствовала какая-то недостаточность. Вероятно, силы пламени, извечной жажды стать королевой. Если так, то в случае Зинаида¹ проявилась основная формула жизни: «За все нужно платить!» И заплатила она жестоко — по двойному тарифу. Жизнь ее разбилась вдребезги. Она, может быть, не ожидала, что Пастернак-разрушитель будет отчаянно искать новую жену, новую семью, дабы сберечь Пастернака-творца? Минула страсть писателя, с которым она не могла играть на рояле в четыре руки, а сестрой по разуму изначально стать не могла.

Потому что собой никогда всерьез не занималась. Не исключено, что и трагическая кончина старшего сына — все та же часть расплаты и удручающего самопрограммирования отрезвевшей Зинаиды. Не потому ли она своего среднего сына боготворила как пианиста (ностальгия по утерянному счастью с первым мужем), а младшего (от Пастернака) снисходительно ограждала от музыки. Нет, младший играл, конечно. Но какой тайный шифр можно обнаружить в записанном одной наблюдательницей восклицании матери: «Зинаида Николаевна возмутилась: как я могла перепутать блистательную игру Стасика с Лениными экзерсисами?»

А как же Козима? Почему у нее все сложилось с демоном, и как ей удалось этому демону подрезать крылья? Ответ если не прост, то математически просчитан. Сильная и уверенная в себе личность, рожденная в огне страсти пламенного музыканта

Ференца Листа и лучистой графини д'Агу, Козима ориентировалась, в первую очередь, на могущество духа. Уловив мятежную суть Вагнера (еще девчонкой, когда тот дружил с ее отцом), она обожгла его своим огнем и усмирила, создав дымовую завесу от всего мира. Она с самого начала была ему другом и оставалась им до самого последнего мгновения. И только где-то в промежутках дружбы становилась женщиной-любовью, женщиной-самкой, женщиной-матерью.

Козима знала себе цену, тогда как Зинаида в себе путалась, не зная, что истинная королева должна быть не «*при короле*», а «*с королем*». Вот почему Козима всегда оставалась деятельной и духовно растущей, Зинаида же опустилась и к собственному духовному развитию не прикасалась. Козима сохранила осанку и величавые манеры и на девятом десятке, а Зинаида уже к концу четвертого превратилась в бесформенное никого не привлекающее существо. За все в этой жизни надо платить!

Выводы из интимной истории Бориса Пастернака, вне всякого сомнения, различны — и для участников этой истории, и для читателей этой книги. В личной жизни он предстает довольно безалаберным игроком, относящимся спустя рукава и к своему мирскому счастью, и к формированию пространства любви для людей, его окружающих. Дело не только в его романтичности, поэтичности, природной мягкости и неуклонном желании быть хорошим буквально для всех. Дело в непродуманных решениях, оказавших заметное влияние не только на частную жизнь, но и на творчество. В частности, инфантильная, импульсивная женитьба на девушке, к которой он не испытывал любви, вкупе с эгоистичной формулой бытия привели к слому и разрушению первой семьи.

Удивительно, как что-то одно роднит в несчастливых отношениях с мужчиной и тяготеющую к аристократизму Евгению, и профессиональную пианистку Зинаиду. И это общее

— отсутствие способности бороться, отсутствие желания блистать и очаровывать всегда, во всякий момент своей жизни. Эти неспособности у двух женщин проявлялись по-разному.

Если принцесса может временно не соответствовать принцу, полагаясь на свою молодость, свежесть, красоту, сексуальность и прочий инструментарий привлечения перспективного мужчины, то королева - никогда. Чтобы стать истинной королевой, а не тенью короля, нужно не только вдохновлять избранника, формировать ему достойные цели, помогать преодолевать преграды, но и самой становиться личностью. Весомой, деятельной, уверенно играющей свою роль. Это — непреложный закон королев. Ведь принца нужно не только взрастить до короля, но еще и удержать подле себя. А это намного труднее, чем привлечь.

Каждой из них было по-своему трудно жить с человеком, любящим преимущественно себя, ищущим свое отражение в глазах близких ему женщин, жаждущим доказательств своего прикосновения к вечности. Ведь он, этот рафинированный эстет, на самом деле брел по жизни таким безвольным увальнем, как и его доктор Живаго. Речь здесь идет исключительно о мирском, ибо в мире духовном он был несравненным художником слова (как бы там ни кривился обделенный вниманием Нобелевского комитета Владимир Набоков). Но с Борисом Леонидовичем не было рядом такой, как Вера для Набокова, или Анна Сниткина для Достоевского. Негативный опыт самовлюбленного и отстраненного от мира Пастернака — как в женитьбе без любви, ради формального создания семьи, так и в безудержном броске страсти — довольно убедителен.

Для женщин уроки еще более очевидны.

Во-первых, принцы бывают разные, и па-стернаковская версия — далеко не худшая. Мужчин с огромным потенциалом как достоинств, так и пороков брать необходимо даже не твердыми руками, но железными щипцами! В точности как Анна Сниткина: когда она сама взялась решать экономические задачи семьи, то инфантильные страсти писателя как-то враз улетучились!

Во-вторых, если принцесса может временно не соответствовать принцу, полагаясь на свою молодость, свежесть, красоту, сексуальность и прочий инструментарий привлечения перспективного мужчины, то королева — никогда. Чтобы стать истинной королевой, а не тенью короля, нужно не только вдохновлять избранника, формировать ему достойные цели, помогать преодолевать преграды, но и самой становиться личностью. Весомой, деятельной, уверенно играющей свою роль. Это — непреложный закон королев. Ведь принца нужно не только взрастить до короля, но еще и удержать подле себя. А это намного труднее, чем привлечь.

Наконец, в-третьих, мужчину нужно чувствовать. Находиться с ним в одном вихре вибраций. Во всем диапазоне — от самых низких частот до самых высоких. Если жена витает в облаках, а муж вкопан в землю, ничего хорошего из их союза не выйдет. Или когда жена чрезмерно заземлена, а муж движется ввысь, жаждет полета. Идеальный случай — это тогда, когда женщина научается играть роль ускорителя ракетного двигателя. Главное — чтобы мужчина был способен превратиться в ракету. Кстати, куда лететь — часто вопрос сугубо женский...

Глава шестая. Роль, вывернутая наизнанку

Упоминаемые образы: Фрида Райхманн, Карен Хорни, Агата Кристи, Мария Давыдова-Куприна

Мария Давыдова-Куприна с сыном

Агата Кристи

Карен Хорни

История отношений Эриха Фромма — одного из крупнейших мыслителей XX века — с его первой женой Фридой Райхманн интересна тем, что и мужчина и женщина к моменту сближения представляли собой сформировавшиеся, психологически зрелые, самодостаточные личности. Социально весомые,

признаваемые в своем научном окружении. Казалось бы, именно между такими индивидуумами и возникает крепкая связь на всю жизнь. Но что же произошло на самом деле?

Бытует устойчивое мнение, что люди приходят в психоанализ, в первую очередь, для решения собственных проблем. Скорее всего, эта гипотеза недалеко от истины: во всяком случае, очень многие овеянные мировой славой психоаналитики и психотерапевты, включая Зигмунда Фрейда, имели едва ли исправимые комплексы. Кажется, что и герои этой главы не избежали такой участи, но тем интереснее представляются их истории — ведь каждый из них вырос до уровня мирового светила.

Надо сказать, что Фрида, когда на жизненном пути ей встретился молодой и малоопытный исследователь, только что получивший ученую степень, была состоявшимся ученым. У молодой женщины за плечами была сложная и интересная работа ассистенткой у крупных психоаналитиков, и даже у выдающегося создателя системы психофизического саморегулирования, легендарного практика аутогенной тренировки Иоганнеса Шульца. Пройдя курс психоанализа, Фрида, эта необычайно деятельная и активная натура, создала еврейский психоаналитический пансионат. Благодаря своей будущей избраннице Эрих Фромм фактически и стал психоаналитиком, — кстати, первым, не имеющим медицинского образования. «Благодаря психоанализу [то есть благодаря Фриде. — В. Е.] социологическое мышление Фромма превратилось в социально-психологическое», — утверждает его биограф Райнер Функ. Среди прочего, это дает основание предполагать, что профессиональный авторитет Фриды Райхманн для еще мало известного Фромма был непререкаемым.

Принимая во внимание, что Фромм некоторое время был фактически учеником Фриды, не исключено, что он был подавлен амбициями и знаниями своей наставницы. Или, по меньшей мере, жил с осознанием, что ее достижения существенно выше его собственных. Нет абсолютно точного ответа на вопрос, демонстрировала ли Фрида свое превосходство избраннику. Важно другое: Фромм это превосходство ясно ощущал, а сменив роль наставницы-покровительницы на роль жены, Фрида, очевидно, никак не изменилась. То есть она не сделала перенос на поддержку деятельности мужа, на ободрение его начинаний, а преспокойно продолжала собственное развитие как бы в параллельном русле реки, немного впереди избранника. У этой пары наметилось две версии будущего: реализация совместного дела — или расставание. Третий путь мог бы получиться, если бы они занимались различными проектами, пусть даже в пределах одной дисциплины. Но в паре, где мужчина и женщина заняты одним и тем же делом и где нет предпосылок разделения деятельности, неизменно наступает разлом. Если провести аналогии, то в том и величие четы Кюри, что они сумели создать общее дело, выступая равными партнерами. То же можно сказать о Николае и Елене Рерих или Станиславе и Кристине Гроф. У Фромма с Фридой все складывалось по-иному: она не могла принять его как равного партнера, которого следует ободрять на реализацию великих проектов. И потому они вместе неминуемо приближались к точке расставания. Каждый должен был в итоге пойти своим путем.

Конечно, анализ семейной попытки Фромма был бы неполным, если не упомянуть расстроенную за год до встречи с Фридой помолвку с девушкой, которая вышла замуж за его друга. Этот факт мог усилить экспрессию восприятия нового женского облика, тем более наделенного столь яркой

активностью и целеустремленностью. Тем не менее Эрих и Фрида Фромм прожили вместе лишь около четырех лет. Нет сомнения, что в этой семье безраздельно главенствовала Фрида, которая тем более была на десять лет старше самого Фромма. Она влюбила начинающего ученого не в себя как в женщину, но как в символ науки, властный и бескомпромиссный, порой авторитарный.

Вот что написал об этой женщине выдающийся психоаналитик и мыслитель Ролло Мэй: «Другим великим психотерапевтом, которого я знал и под чьим руководством работал, была Фрида Фромм-Райхманн. Она была прототипом психиатра из книги и фильма *«Я никогда не обещала сад из роз»*. Фрида была беспристрастной личностью. В Нью-Йорке в психиатрических и психологических кругах говорили, в качестве очень искаженной шутки, что на самом деле название первой книги Фромма было *«Сбеги от Фриды»* (книга Фромма называется *«Бегство от свободы»*. — В. Б.)... У нее всегда были проблемы со взаимоотношениями. И при этом у нее была удивительная пронизательность по отношению к людям. Она действительно умерла в одиночестве».

Обладательница нестигаемого и, по всей видимости, неуступчивого характера, Фрида имела необычайное стремление к профессиональному росту. Само по себе качество превосходное, однако если оно реализуется на подавляемом самолюбии мужа, то это слишком хрупкий фундамент для семейного дома. При всей необъятной пронизательности у Фриды не хватило ни мудрости, ни желания сделать из своего мужчины прославленного аналитика. И причина тут ясна: ведь она подсознательно рассматривала мужа как конкурента и соперника. Да, Фрида Райхманн в конце концов добилась мировой известности и признания на профессиональной ниве — этому способствовала 22-летняя

целенаправленная психоаналитическая деятельность в области лечения и изучения психически больных. Именно жесткий и эгоцентричный характер позволил ей стать прототипом героини популярной книги, позже экранизированной. Райнер Функ цитирует запись одной из студенток Фриды Райхманн: «Ученики и любили ее, и боялись. Любили за ее теплоту, понимание и чуткость по отношению ко всем, боялись ее острого видения невротических реакций у кандидатов в психоаналитики, когда они переносили свои комплексы на пациентов». А ведь Эрих Фромм фактически и был таким кандидатом в психоаналитики, и можно только представить себе, сколь неуютно и некомфортно ему было в обществе своей безальтернативной и исключительно интеллектуальной жены.

Брак — тайный заговор двух посвященных в проблемный мир друг друга, это не всегда озвучиваемые, но всегда присутствующие в отношениях поддержка и ободрение. И если такового не случается, мужчина становится особенно уязвим. В виртуальном меморандуме о взаимной поддержке Фрида Райхманн не поставила своей подписи, отказавшись от важнейшей функции жены. Потому этот брак был обречен. Более того, для мягкой натуры Фромма закат отношений с женой стал таким мучительным, что он даже заболел туберкулезом и целый год лечился в Давосе, — разумеется, без жены, чья терапия, как видно, имела обратный эффект для близких ей людей.

Брак — тайный заговор двух посвященных в проблемный мир друг друга, это не всегда озвучиваемые, но всегда присутствующие в отношениях поддержка и ободрение. И если такового не случается, мужчина становится особенно уязвим. В виртуальном меморандуме о взаимной поддержке Фрида Райхманн не поставила своей подписи, отказавшись

от важнейшей функции жены. Потому этот брак был обречен.

Кстати, не исключено, что предположение Фромма о первичности социальных связей в противовес фрейдовской концепции сексуальной мотивации поведения было рождено как раз персональным негативным опытом создания семейного очага. Ведь в разрыве двух сильных и деятельных личностей именно социальный фактор оказал решающее значение. Эрих Фромм издал «Бегство от свободы» в 41 год, через десятилетие после расставания (и через год после официального оформления развода, после которого они формально остались друзья-ми-коллегами). С этого момента родился новый мыслитель XX века, крупнейший ученый с великой миссией. И дело даже не в том, что Фрида не уловила этих перспектив, будто бы упустив свой шанс жены выдающегося человека. Она об этом даже не думала и явно не рассматривала будущего супруга в такой ипостаси. Она была сосредоточена на себе, на своей персональной миссии и небезынттересной работе, наполнявшей ее жизнь смыслом. Тут важен итог, который состоит в безнадежном отрыве ее личного, дорогого, душевного — того, чем также живет человек помимо миссии, — от односторонней концентрации на работе. Такая работа, даже с ее неординарными результатами, теряет смысл, ибо какой прок от великолепного терапевта, тонущего в пучине собственных нерешенных психологических проблем? И пример самого Фромма тут показателен, поскольку даже гигантские объемы решенных исследовательских задач не помешали ему впоследствии организовать свою личную жизнь гармонично. Фрида оставила этот мир с ощущением скорби, в непримиримом одиночестве, в возрасте 67 лет; Эрих Фромм не дожид пять дней до своего 80-летия и умер счастливым,

окруженным заботой близкого человека, с ощущением выполненной миссии... Но, может быть, это непреложный закон, что сильные, активно заряженные личности в конце концов отталкиваются от друга?!

Чтобы рассказ о женщинах-психоаналитиках приобрел необходимую полноту, стоит рассказать еще об одной, без сомнения, легендарной фигуре, отдавшей предпочтение персональному развитию и не сумевшей испытать счастья в семейной жизни. Карен Хорни по праву считается одним из мировых столпов женской психологии. Источник шокирующих откровений, революционерка в науке, она представляла собой нечто цельное и яростное. В период отношений с нею Фромма Карен являлась едва ли не центральной фигурой той ветви американского психоанализа, которая сосредоточилась на постижении женской психологии. В годы расцвета культа Фрейда она подвергла его теорию жесткой критике, что свидетельствует о смелости ее характера. Она сделала это, невзирая на резкое расхождение во взглядах со своим руководителем — директором Чикагского института психоанализа Францем Александером, в итоге чего их сотрудничество прервалось. Ее непримиримость ко всему чуждому не знала границ. К этому остается добавить, что, формально имея семью и родив трех дочерей, женщина избрала для себя путь ученой дамы, фактически устранившись от материнских обязанностей. Не перечисляя громадного количества ее собственных психологических проблем, отметим лишь, что именно они привели ее в эпицентр исследований женской психологии и сделали одной из самых заметных персон этого направления.

Небезынтересно, что Карен Хорни, как и Фрида Райхманн, сильно притягивала Фромма (тут, вероятно, следует искать причину в его собственных комплексах, определяющих

влечение к более старшим, властным и авторитетным женщинам; кстати, его вторая жена также была на десяток лет старше его). Не известно, было ли место интимным отношениям в их жизни, но к тому, что они старательно учились друг у друга (она у него — социологии, он у нее — психоанализу), Райнер Функ многозначительно добавляет перечень мест, где они вместе проводили отпуск. Хотя Карен практически не общалась с мужем задолго до встречи с Фроммом, известна любопытная деталь: ее официальный развод был оформлен как раз в пиковое время их контактов. Тогда Эрих Фромм как раз писал свою первую книгу, которая сделала его знаменитым; влияние такого крупного аналитика, как Карен, на этот труд переоценить невозможно. Но и сама Карен в кульминационное время их сотрудничества издала свою первую книгу, посвященную анализу роли социальных факторов в возникновении неврозов. Вполне естественно, что такой знаток социологии, как Фромм, участвовал в обсуждении многих вопросов, которые затрагивала исследовательница. Но дальше этого их отношения не продвинулись.

О Карен твердили, что, при всем ее обаянии, в личном общении она отличалась отчужденностью, порой холодностью, а стремление к влиянию у нее оставалось непомерным даже с учетом презрительного отношения к формальным должностям. Биограф утверждает: проблема личных отношений Карен и Эриха существовала и была связана со статусом последнего. А именно: после опубликования первой книги популярность Эриха Фромма резко возросла, как бы оттеняя статус в психоанализе самой Хорни. К этому добавился успешный «учебный психоанализ» Фромма в отношении ее дочери (проведенный по ее же просьбе), в результате чего возник справедливый мятеж дочери против собственной матери. Это настолько потрясло Карен, что через несколько лет она со

свойственной ей решительностью выступила за то, чтобы психоаналитики имели медицинское образование (то есть фактически против Фромма, который такового не имел).

Итак, статус и социальное положение не позволили Карен Хорни организовать свою личную жизнь. Вероятно, в том числе поэтому, как и Фрида Райхманн, Карен Хорни умерла в 67 лет — от поздно диагностированного онкологического заболевания.

Наверное, всякий любитель детективных романов помнит замечательное высказывание Агаты Кристи. «Сюжеты своих детективных романов я нахожу за мытьем посуды. Это такое дурацкое занятие, что поневоле приходит мысль об убийстве», — иронично заявила уникальная женщина. Это великолепное свидетельство того, что она сознательно не меняла традиционной для данного исторического и социального контекста полоролевой функции. Другими словами, она оставалась женщиной и женой.

Есть такая негативная форма сосуществования полов, когда надменность и излишняя величественность женщины подавляет находящегося рядом мужчину. И такое подавление в большинстве случаев постепенно разъедает чувства, расстраивает отношения, вплоть до полного разрыва.

Жизненная мудрость проистекает из понимания, что задачи верной спутницы мужчины состоят, в первую очередь, в стимулировании его самооценки, пусть даже и за счет замалчивания своих заслуг. Сама писательница умело придавала особую важность деятельности своего мужа, подчеркивая это при каждом удобном случае. Более того, она порой даже чрезмерно старалась на этом поприще. Заполняя графу «Род занятий», госпожа Кристи не колебалась, указывая: «Замужняя дама». Намеренно принижая свой социальный

статус, она этим подчеркивала статус мужа. А ведь это происходило в то время, когда многомиллионные тиражи ее книг легко раскупались в нескольких десятках стран. Агата никогда не обижалась, когда Макс Мэллоуэн утверждал, будто не читал ни одного романа своей знаменитой жены. Она прекрасно понимала, что это его своеобразная защита от ее высокого социального статуса и повсеместной узнаваемости. «Я писала детективные истории, Макс — книги по археологии, доклады и статьи», — в этом часто приводимом высказывании писательницы заложено убеждение в ее социальном равенстве с мужем. Она, конечно, отлично сознавала, что достижения и признание титулованной «королевы детектива» не могут равняться успеху мужа-археолога, пусть даже удачливого. Но, однажды выбрав роль жены, она никогда не позволяла себе даже намеком опровергнуть главенство мужчины в их союзе. В этом — главная причина успеха этого союза, и муж, который был на четырнадцать лет моложе, платил ей той же монетой, говоря, что с возрастом она становится как выдержанное вино — лучше и лучше.

Есть такая негативная форма сосуществования полов, когда надменность и излишняя величественность женщины подавляет находящегося рядом мужчину. И такое подавление в большинстве случаев постепенно разъедает чувства, расстраивает отношения, вплоть до полного разрыва. Небезынтересным примером может послужить брак известного писателя Александра Куприна с его первой женой Марией Давыдовой. Мнительный и самолюбивый до крайности, Куприн столкнулся с чрезвычайной значимостью жены в его творческом росте как писателя. Работая над рассказами, он доверительно все читал жене, которая после смерти матери унаследовала издание журнала. Но такое сотрудничество со временем переросло в отчуждение. Вероятно, женщина применяла

слишком острые инструменты критики, которую еще не достигший признания Куприн воспринимал так, будто бы его оперировали без наркоза. Известно, что когда он читал жене первую часть своей впоследствии знаменитой повести «Поединок», Мария, отменно знавшая литературу, холодно заметила, что в монолог одного из героев писатель вставил слова Чехова... Куприн изорвал рукопись и целых полтора года не притрагивался к повести. Закончить работу над произведением в конце концов потребовала жена, не пуская его в дом, пока он не принесет новых глав. С одной стороны, она стимулировала его писательскую активность, с другой — вызывала в нем ощущения оскорбленного, неполноценного и едва ли не затравленного мужчины.

Естественно, что и другие отсеки их отношений через несколько лет с семейной жизни были затоплены неприязнью и непониманием. Но кингстоном, потопившим корабль, стала надменная прямолинейность женщины, подавлявшая и без того подверженного фобиям мужчину. Так же, как Фрида Райхманн не желала подыгрывать Эриху Фромму, убив брак демонстрацией своего профессионального превосходства, так и Мария Давыдова не сумела (или не пожелала) уберечь ранимого Куприна. Вот почему писатель расстался с ней, выбрав спутницей жизни другую — настолько бесконечно преданную, насколько неправдоподобно деликатную — женщину.

Итак, какие выводы можно сделать из жизненного опыта женщин, которые в качестве рычага манипуляций избрали статус мужчины? Вполне очевидно, что если женщина намеревается укреплять отношения с избранным мужчиной, то ей необходимо принимать во внимание важнейшую особенность мужского восприятия семейной ячейки. Оно заключается в том, что мужчина не должен чувствовать себя ущербным или неполноценным в семье. Если он действительно

такovým является и у женщины нет сил и желания сделать его другим, лучше сразу оставить затею семейного строительства с таким человеком. Нет ничего худшего, чем мужчина, вызывающий жалость у своей жены. Нет ничего худшего, чем жена, испытывающая чувство жалости к своему мужу.

Женщинам стоит помнить: *подавляя мужчину, пусть даже справедливо или непреднамеренно, они разрушают самих себя. И потенциал союза.* Подавление — худший из механизмов взаимодействия с мужчинами, как и худший способ подчинения своему влиянию. Это не женский инструмент.

А вообще, возможна ли коррекция образов? Могли ли Фрида Райхманн, Карен Хорни или Мария Давыдова измениться? Коррекция, вероятно, возможна, если только существует достаточное желание самой женщины. Но бывает и так: сама женщина полагает, что желает измениться, а ее неумолимая с детства сформированная природа говорит ей твердое «нет»...

Что же в таком случае жизнь сулит женщине, упорно отталкивающей свое простое мирское счастье? Не только страдания и неудовлетворенность. Отказ от гармонии женщина порой способна компенсировать неким эрзацем, позволяющим либо лицезреть холодный, одинокий огонь собственной миссии, либо жертвенный огонек неразделенной любви и милосердия. Если говорить о женщинах, избравших путь гордой, ошеломляющей миссии, то именно к ним мы и можем отнести Карен Хорни и Фриду Райхманн, многое прояснивших в женской природе, но ничего не взявших для себя лично. Только сама женщина способна решить, какой путь для нее правильный. Каждая женщина имеет право принести свою душу на алтарь надежд или сжечь ее в схватке за признание. И то и другое все равно будет называться жизнью.

Глава седьмая. Быстродействующим яд: Умирание веры в мужчину

*Упоминаемые образы: Любовь Белозерская, Мария Исаева,
Анна Цакни, Клара Джейн Брайент*

Любовь Белозерская

Мария Исаева

Анна Цакни

Клара Джейн Брайент

Если женщина намеревается жить с мужчиной долго и счастливо, она должна принять важный постулат мужской сути: маленький, но гордый мальчик, живущий во всяком мужчине, нуждается в ободрении и поддержке. Так было всегда, и едва ли не самым главным условием достижений мужчины является вера в него жены — самого близкого человека, отлично знающего все уязвимые места его открывшейся души.

Можно вспомнить тысячи историй, когда вера женщины вселяла в мужчину невообразимую уверенность, побуждала к настоящим подвигам, творила чудеса. Благодаря ободрению жены, верившей в его счастливую звезду, Генри Форд в 36 лет решился оставить компанию Эдисона и пост солидного менеджера, чтобы взяться за собственное дело — автомобилестроение. Поддержка жены позволила Владимиру Набокову произвести на свет двенадцатый роман, ставший бестселлером и обеспечивший ему мировую славу. И наоборот, вследствие неверия, душевной слепоты женщин рушились многообещающие отношения многих умных и красивых людей. Тление веры женщины в своего мужчину — лучший шлагбаум для гармонии, самый крепкий яд, убивающий чувства. Это касается любого вида деятельности.

Да, Любовь Белозерская, разлучница и разрушительница первой семьи Михаила Булгакова, получила тот же результат, но совсем по другой причине. Вторая жена Булгакова, словно в противовес первой, чрезвычайно много времени уделяла себе, любила скачки, шумные компании и много других глупостей. Все биографы указывают на одну судьбоносную фразу Белозерской, брошенную мимоходом. Прямо над письменным столом писателя висел телефон, нещадно эксплуатируемый женой в то время, когда он работал. Однажды он сказал ей: «Люба, так невозможно, ведь я работаю!» И она отвечала беспечно: «Ничего, ты не Достоевский!» «Он побледнел, —

говорила Елена Сергеевна, — рассказывая мне это. Он никогда не мог простить этого Любе», — так написала об этом судьбоносном эпизоде Мариэтта Чудакова. Самая пикантная подробность — рассказ Булгакова об этом третьей жене. О, он точно этого не забыл!

Если женщина намеревается жить с мужчиной долго и счастливо, она должна принять важный постулат мужской сути: маленький, но гордый мальчик, живущий во всяком мужчине, нуждается в ободрении и поддержке. Так было всегда, и едва ли не самым главным условием достижений мужчины является вера в него жены — самого близкого человека, отлично знающего все уязвимые места его открывшейся души.

Надо сказать, что Федор Достоевский испытал то же самое. Его первая жена Мария Исаева отсутствием веры в мужа разрушила союз. Вот как написал об этом автор его биографии Юрий Селезнев: «Тихо в кабинете Федора Михайловича. Только перо поскрипывает да слышно, как за дверью Мария Дмитриевна бранит «одного литератора», возомнившего себя Гоголем. Как-то не выдержал, сказал, что Гоголь, если б его так постоянно бранили, не то что «Мертвые души», вряд ли бы вообще что-нибудь написал, на что Мария Дмитриевна, хмыкнув, заметила: «Но ты-то ведь не Гоголь!» После чего он предпочитал помалкивать». Видать, власть жены и ее авторитет в доме были для писателя непробиваемыми.

Вообще, создается впечатление, что неверие жен в дело мужей чаще всего касается писательской деятельности последних. Например, успешная семейная жизнь Ивана Бунина и Анны Цакни (первой жены будущего нобелевского лауреата) длилась менее двух лет. Главной причиной сама Анна назвала

отсутствие писательского таланта у мужа. Женщина откровенно считала своего избранника бездельником, уверяла его в необходимости заняться чем-нибудь стоящим, а марание бумаги оставить тем искателям счастья, которых Бог одарил получше него. Насмешки и ироничная надменность женщины очень быстро заставили увянуть робкие побеги благодати и обоюдной радости. Кстати, обладая дивной красотой и тонким умом, умея быть эффектной, много лет спустя Анна Цакни завершила свой жизненный путь в доме престарелых, лишившись всего — мужа, ребенка, благосостояния, Божьего благословения. Конечно, к конкретному эпизоду с Буниным это не имеет прямого отношения, но определенно проясняет взаимоотношения женщины с окружающим миром.

Мужчины-короли предпочитают видеть рядом с собой не только сильных и преданных женщин-королев, но и подруг, способных помогать производить на свет все то, что создает самого короля. Слово «помогать» можно разложить на две части. Первая - верить. Вторая - делать то, что сигнализирует мужчине о наличии этой самой веры.

Мужчины-короли предпочитают видеть рядом с собой не только сильных и преданных женщин-королев, но и подруг, способных помогать производить на свет все то, что создает самого короля. Слово «помогать» можно разложить на две части. Первая — верить. Вторая — делать то, что сигнализирует мужчине о наличии этой самой веры. Одной из иллюстраций могут служить отношения автомобильного магната Генри Форда со своей женой.

Вот как представляют эти отношения биографы. Две приведенные ниже цитаты можно встретить едва ли не во всех биографических справках о жизни этого неординарного

человека. Первая касается встречи девушки с молодым Фордом, вторая — поддержки мужа, который всерьез взялся за автомобилестроение далеко не сразу. И вряд ли бы сумел достичь титула автомобильного короля без тихого, на первый взгляд, участия своей подруги жизни.

«Клара Джейн Брайент была серьезной девушкой, она знала, что брак не праздник, а испытание. Из человека, которому хватило терпения собрать часы, должен выйти хороший муж».

«Генри Форд никогда не пожалел о том, что сделал предложение Кларе. Она была отличной женой: когда он принес домой свой первый мотор, Клара, оставив полуторамесячного сына и праздничный пирог, стала прилаживать восьмидесятикилограммовое чудовище к кухонной розетке (заработав, мотор разнес на куски и плиту и раковину). Когда он собрал свою первую машину и та не смогла выехать на улицу через слишком узкий дверной проем, Клара схватила кирку и выбила дверную раму: кирпичи и щепки посыпались во двор, обомлевшие соседи увидели, как из сарая выехало какое-то голенастое, пыхтящее, звенящее велосипедными цепями чудовище, увенчанное раскрасневшимся мистером Фордом».

Смиренная и спокойная, она все-таки была королевой, а не прислужницей. Она учила яростного мужа умиротворению. Например, рассудительно и без истерик уговорила его (уже миллионера) прекратить войну с профсоюзами. Замаливала его грехи, тратя баснословные суммы на благотворительные цели. Дома же была настолько терпеливой, что сумела не замечать внебрачной связи мужа и внебрачного ребенка (это, впрочем, гипотеза, которая ничем не подтверждена, кроме скандальной книги о Форде). Клара умела балансировать, но главной ее чертой на протяжении жизни оставалась вера в своего мужа. Она верила даже тогда, когда толком не понимала, что он делает.

Ключевой штрих веры в мужчину-избранника состоит в охране и развитии женщиной его самооценки. Собственно, именно так и создаются короли. Перефразируя слова Сальвадора Дали, уверовавшего в свою гениальность после встречи с русской женщиной (вбившей эту установку ему в голову), можно сказать: «Если долго подыгрывать мужчине в его попытках стать королем, он все-таки станет им». Естественно, жизнь непроста и порой бросает рьяных наездников, как говорится, в грязь лицом. Но настоящая жена всегда способна отыскать необходимый мужу flipside — обратную сторону негативных обстоятельств. Близкая женщина, как никто другой, может своей эмоциональной силой заставить отчаявшегося мужчину изменить точку зрения на неблагоприятные обстоятельства. И затем победить. В этом, пожалуй, и состоит первейшая миссия жены, создающей короля. Но только делать это нужно методически правильно. Как?

Знаменитый ливанский писатель Халиль Джубран в своей книге «Пророк» высказал очень любопытную мысль о принципах счастливой жизни мужчины и женщины:

*Стойте рядом, но не слишком близко друг к другу,
Так как и меж колонн храма есть просветы,
И не растут дуб и кипарис в тени друг друга.*

Разве этот мыслитель, прославивший защитником права женщины на любовь, говорит не о самодостаточности личности?! И еще одна небезынтересная его мысль кажется знаменательной: «Любовь, которая ежедневно не возрождается, ежедневно умирает». Таким образом, любовь, ведущая к счастливому браку, есть не что иное, как дорога к тяжелому ежедневному труду, в основе которого — ободрение и вера друг в друга.

**Глава восьмая. Если эгоцентризм мужчины
непоколебим**

*Упомянутые образы: Ольга Хохлова, Мария-Тереза Вальтер,
Дора Маар, Жаклин Рок, Франсуаза Жило, Анаис Нин,
Женевьева Лапорт*

В самом деле: как поступать женщине, если на жизненном пути ей встретился мужчина-демон, неисправимый эгоцентрист? Жить с ним в ожидании его пренебрежения или предательства? Раствориться в нем, идя на предельный риск? Бежать от него, как от живого воплощения сатаны? Попытаться переделать его?

Пабло Пикассо, Рихард Вагнер, Карл Маркс, Владимир Ленин — да мало ли таких среди каменных монументов в истории цивилизации, а еще больше их проекций в обыденной жизни. Некоторые из них страдают приступами, казалось бы, беспричинной депрессии, у кого-то возникают странные комплексы или еще какие-нибудь темные тайны бурлящей личности, которые создают извечные проблемы в отношениях. Так или иначе, это одержимые люди, эгоцентристы, презирующие весь мир, а к близкому окружению относящиеся исключительно под углом зрения служения идолу самого себя. Такие мужчины не обязательно гении или невообразимые таланты, они могут занимать любую ячейку в социальном улье, но выделяются цинизмом и деспотичностью там, где могут себе это позволить. Естественно, дом для них — место демонстрации иерархии, близкое окружение — неизменная среда утверждения, независимо от того, производит ли такой тип подлинные шедевры или он просто отъявленный светский фат.

Для исследователя женских моделей организации отношений с мужчинами Пабло Пикассо — поразительно ценный персонаж, ибо он сумел за свою долгую жизнь сжечь в топке своего творческого демона слишком много женщин. Он — со своей откровенно шокирующей фразой «Я не даю, я — беру» — является типичным представителем поглотителя энергии ближнего. Одним из тех, кто живет в облаках женского поклонения. Биографы, уделяя много внимания вампирической натуре темного и окаянного призрака живописи, выдвигают различные разъяснения, главное из которых, по их мнению, — ненасытность мужчины. Однако возможен и другой подход — взглянуть на модели отношений глазами женщин, попытаться понять те едва уловимые различия в диапазоне восприятия магической персоны, которые одних сохранили, а других превратили в невольниц собственного влечения. Попробуем

рассмотреть хотя бы некоторые из тех неприкаянных мотыльков, что прилетели на манящие импульсы великого сатира.

Не будем акцентировать внимание на роковом магнетизме любвеобильного художника, который, подобно пауку, всегда наготове держал ловко сплетенную сеть для доверчивых юных сердец. И в этом магнетизме было что-то иррациональное и неестественное, не поддающееся логическому объяснению. Ведь каждая из его жертв слыла красавицей, и едва ли не каждая могла бы стать превосходной спутницей жизни. Все эти женщины сами желали быть ослепленными и парализованными. Итак, остановимся на наиболее ярких образах из целой вереницы потерпевших крушение. Нет, не обманутых, а обманувшихся, потому что они, подписывая свой контракт с демоном, могли разорвать его в любой момент, но отчего-то не делали этого, попадая в фатальную зависимость.

Ольга Хохлова, великолепная балерина, не обделенная интеллектом, породистая славянка, была первой, кому художник отдал предпочтение. Начало романа было многообещающим: Ольга, в социальном смысле, была не менее значима, чем художник; она сама выступила принцессой, которую следует завоевывать. Ольга не просто стала женой живописца, но оказалась первой и, наверное, последней в его нескончаемом списке жертв, кому удалось на время обуздать его разрушительную и исключительно развратную натуру. Тридцатишестилетний Пикассо поначалу явно имел серьезные виды на семью: он во многом потакал Ольге и даже обвенчался с нею в православной церкви. Не станем, однако, концентрировать внимание на личности противоречивого мастера, перенесем взор на избранницу, которой, как она полагала, выпало великое счастье. Возможно, так оно и случилось, если бы у нее хватило мудрости распорядиться этим счастьем.

Ведь он на первых порах боготворил ее, ревнуя ко всем подряд, безоговорочно принимая ее порой коробившие его представления о манерах и образе жизни. Пикассо был в восхищении от того, что именно он стал первым мужчиной Ольги, которой к моменту замужества было уже 26 лет. Потрясло его и то, что в период ухаживания казавшаяся неприступной балерина из русской труппы (на самом деле Ольга была украинкой) отсылала назад его подарки. Ей удалось снабдить свой собственный образ некоей философской мистикой, неким надуманным антуражем, который, тем не менее, подействовал на впечатлительного, увлекающегося символами и мифами художника.

Казалось бы, устремления Ольги имели верную направленность — сузить и замкнуть в своих руках круг общения мужа, устранить потенциальные раздражители в виде доступных фривольно мыслящих женщин. Нельзя не отметить и того, что Ольга выучила испанский только для того, чтобы разговаривать с Пикассо на его родном языке. Но при этом молодая жена обнаружила довольно жесткий и, как утверждают некоторые биографы, даже деспотичный характер. Интересно, что она не позволила художнику изображать ее в кубических формах. Среди прочего в этом поступке содержится важная информация: Ольга не воспринимала создаваемую ее мужем живопись. Это, конечно, жирный минус их возможному счастью. Но очень продолжительное время ей удавалось навязывать избраннику с его столь размашистыми творческими порывами и не поддающимся структурированию убеждениями совершенно не свойственный ему стиль. Она вынудила его одеваться и вести себя подобно светскому льву, а разговаривать — подобно записному снобу. И что же?

Ее беды начались тогда, когда наброшенная на мужчину узда ослабла самым естественным и предсказуемым образом —

вследствие ее беременности. Вынашивание и рождение ребенка всегда делает женщину уязвимой. Особенно тогда, когда потеряно взаимопонимание, трещит по швам доверие, а горделивое величие артистки уже стало ее индивидуальной историей. Каковы были действия Ольги? К сожалению, самые заурядные и отнюдь не вызывающие уважения к ней. Она стала невыносимо склочной, она жаловалась всем знакомым на мужа, называя его воплощением зла. Но и он словно добивал жену, говоря при ней без стеснения своим друзьям, что если он хочет полюбить новую женщину, то «должен сжечь ту, что была последней». Уйти от него у Ольги не было сил. Говорят, она начала медленно сходить с ума, заговариваться, у нее все валялось из рук. Конечно, она желала мужу зла, обида обволакивала ее невидимой болезненной пеленой. Она не уставала устраивать мужу публичные сцены, закатывать скандалы даже после развода. Был случай, когда Пикассо даже ударил бывшую жену по лицу, чтобы заставить ее замолчать. Но наверняка самым мрачным было устойчивое чувство мастера, что женщина поглощает его творческую энергию.

Заслуживает внимания одно из признаний художника: он всегда чувствовал себя неполноценным рядом с женой. Вместо поощрения и побуждения к великим целям она начала подавлять его, что, естественно, создавало дискомфорт, душевную тревожность. Она не желала вникнуть в суть его творчества, понять его побуждения, и уж конечно, ей не приходило в голову ободрять мужа, искренне считая его выдающимся живописцем. Она не верила и в саму себя, и это отсутствие веры и достоинства не позволило ей простить измены мужа, отпустить его из своей жизни.

Ее чрезмерная опека, попытки изменить мужа больше, чем он хотел сам, и особенно намерение влиять на его творческую мысль — вот самые разрушительные действия Ольги, которые погубили ее и отвратили от нее мужа. Более того, она старалась привязать Пикассо к себе и, конечно же, чем больше это делала, тем больше у него возникало желания бежать, ускользнуть, искать другого пристанища. Она считала себя обладательницей изысканного вкуса, неподражаемой манерности и интеллекта, но... оказалась не способным к гибкости снобом.

Заслуживает внимания одно из признаний художника: он всегда чувствовал себя неполноценным рядом с женой. Вместо поощрения и побуждения к великим целям она начала подавлять его, что, естественно, создавало дискомфорт, душевную тревожность. Она не желала вникнуть в суть его творчества, понять его побуждения, и уж конечно, ей не приходило в голову ободрять мужа, искренне считая его выдающимся живописцем. Она не верила и в саму себя, и это отсутствие веры и достоинства не позволило ей простить измены мужа, отпустить его из своей жизни. В основе неуверенности Ольги лежит потеря своей былой самодостаточности (того, что привлекло к ней Пикассо), что оказалось фатальным. Любой мужчина безумен в своем алчном собственническом желании привязать жену к очагу, но любит он всегда тех, кто являются кем-то. Той возвышенной богини, которую полюбил художник, больше не существовало. Красавица и умница Ольга быстро растеряла себя после рождения двоих детей, предлагая ему в их лице некую замену. Но женщина не рассчитала уровня эгоцентризма своего мужчины, не поняла, что разрушитель такого масштаба не остановится ни перед чем. Если и возможно привязать подобных людей к семейному очагу, то лишь собственным блеском, отстраненностью, превращенной в неугасаемую силу, а

также искренним интересом к делу мужчины, поддержкой его перспектив и демонстрацией веры в семейные ценности.

Роковых мужчин покоряют только роковые женщины. Слишком большой набор порой несовместимых качеств? Слишком мало веры в способность достигнуть такого уровня? Что ж, тогда лучше самой оставить такого мужчину. Причем как можно скорее. Но Ольга не думала об этом. Держа обиду на мужа, внутренними терзаниями она сокрушила себя. Собственное развитие, духовный поиск она заменила причитаниями. Женщина ушла из жизни относительно молодой — ненасытный рак медленно и мучительно съел ее к 63 годам. Отношения супругов до окончательного разрыва выдержали шестнадцать лет, и это представляется немалым для бесноватого импульсивного Пикассо... Он ни разу не навестил ее в больнице, вычеркнув из своей жизни навсегда.

Следующей жертвой нашего минотавра стала Мария-Тереза Вальтер, которая на момент встречи была молодой привлекательной девушкой, годящейся живописцу если не во внучки, то в дочери. Когда они познакомились, ей было всего 17. Любопытно, что эта девушка была лишена нездорового влечения к материальным ценностям (пожалуй, единственная из всех, с кем он встречался), что не ускользнуло от мужчины. Ей импонировала варварская напористость Пикассо, который вел себя с ней, как вождь дикарского племени. Он предложил ей позировать ему, и уже во время третьего сеанса они стали любовниками. Авторитетные исследователи убеждены: именно юная Мария-Тереза, с ее неопикуемыми сексуальными дарованиями, обратила Пикассо к самым темным вершинам его «Я».

Да, эта девочка была очень удобна художнику: ласковая, податливая, женственная, спокойная. Она интересовалась лишь спортом, и ничем более. Такая ограниченность явно была на

руку любвеобильному Пикассо. Он просто питался ею, как пьют воду из внезапно обнаруженного прохладного источника. «В поэтическом смысле она озаряла его жизнь, не соприкасаясь с нею, но в практическом, едва его сны начинало тревожить ее отсутствие — становилась досягаемой», — пишет о ней благосклонная и незлобивая Франсуаза Жило. Но если ей было так же удобно с ним, то зачем было давать жизнь общему ребенку? Ее интеллектуальная ограниченность не позволяла мысли о временности таких отношений. Она как-то не замечала того, что секс — этот важный деликатес в меню мужчин — почти никогда не занимал в их жизни главенствующего места. Ее не настораживало то, что художник никогда не появлялся с нею среди друзей, словно стыдясь ее неисправимой неотесанности. Она не подозревала, что ей следует хоть немного заняться собой, собственным преобразованием и развитием! Если бы это произошло и ей удалось бы перейти на новый уровень отношений с избранником (или с мужчинами вообще), она никогда бы не потерялась в этой жизни, окончившейся петлей на шее. Правда, сделала она это в 68 лет, но вряд ли жизнь подарила ей хоть несколько крупиц счастья. Можно было бы заявить, будто это счастье украл посланник дьявола Пабло Пикассо. Но на самом деле виновата она сама, — отсутствие решений и действий тоже рассматривается как выбор. Сознательный или неосознанный — не важно. А ведь Мария-Тереза Вальтер определенно могла претендовать на большее — хотя бы благодаря своей внешности. Ее привлекательность откровенно признавала Франсуаза Жило: «Внешне я нашла Марию-Терезу очаровательной. Поняла, что это определенно та женщина, которая пластически вдохновляла Пабло больше, чем любая другая». Просто она себя недооценивала, попросту говоря, не любила достаточно. И не занималась собой, своей личностью.

Очень полезно сфокусировать внимание на жертвенности Марии-Терезы Вальтер. В обширной галерее Пабло Пикассо она занимала особое место — она была совсем необразованной и действительно влюбленной в мастера абсолютно самоотреченно. Изумляющая преданность и монашеская покорность этой женщины сжигали ее изнутри, изредка прошибая душу даже такого невыносимого вампира, каким был Пикассо. Биографы утверждают, что Мария-Тереза была единственной в огромном гареме живописца, кого он в порыве нежности назвал лучшей из женщин. Зная о комплексах и фобиях своего возлюбленного, эта тихая, робкая женщина нарекла родившуюся от него дочь именем

Кончиты — умершей в раннем детстве сестры художника. Как известно, это первое столкновение впечатлительного Пикассо со смертью не давало ему покоя в течение всей его необычайно долгой жизни. И таким символическим актом влюбленная продемонстрировала, что готова отдать ему все без остатка, даже полностью обнажившуюся душу.

Ее слепое идолопоклонничество можно было бы списать на юный возраст. Она полностью подчинила свою судьбу воле живописца, безропотно позволила ему стать автором картины, на которой он неумолимой рукой вывел ее линию жизни до логического обрыва, — тот, кто перестает быть хозяином самого себя, рано или поздно плохо заканчивает. Непреклонный Пикассо предал ее символическому огню, как и всех своих избранниц; темный художник питался образами женщин и, насытившись одной, обращал свой взор к другой. Но даже после этого Мария-Тереза забрасывала своего повелителя страстными письмами, была согласна хоть бы наблюдать за его дальнейшими любовными связями и видеться с ним лишь раз в неделю, когда он приходил навестить дочь. Бедная женщина, мечтавшая о маленьком счастье, желавшая оседлать луч

исходящего от художника таинственного света, была ослеплена и обожжена им. Выдержать черную магию Пикассо оказалось ей не под силу, — она повесилась через четыре года после смерти живописца. Желание воссоединиться с ним победило инстинкт жизни.

Тем временем неумолимый фавн шел дальше, — благо, число жаждущих его ласк не уменьшалось. На очереди была Дора Маар — одаренная интеллектуалка, обладающая бесспорным художественным вкусом. Ей приписывали недюжинный талант фотографа и весьма легковесные взгляды. Вне всякого сомнения, эксцентричность в ней порой, как говорится, зашкаливала. Но она была первой из женщин Пабло Пикассо, кто заявил ему о его гениальности и бессмертии. Это был сильнейший козырь, независимо от того, как реально относилась она к его творчеству.

Пикассо же умел изводить своих женщин! Это он беззастенчиво спровоцировал потасовку между новой пассией — Дорой — и уже принесенной в жертву Марией-Терезой. Знали ли они, что понятие «бороться за своего мужчину» не тождественно понятию «драться за мужчину»? Возможно, обе они были инфицированы его магнетическим колдовством. Не потому ли обе проиграли, что забыли о достоинстве женщины? И об оружии, которое должна пускать в ход женщина, если она желает обрести власть над мужчиной. Ведь как только женщина начинает действовать по-мужски, она теряет свою силу. И даже преуспев на мужском поле игры, она слишком рискует проиграть.

В его обширном меню Дора Маар была блюдом поистине изысканным. Впервые Пикассо встретил женщину, с которой можно вести на равных интеллектуальную беседу. Но разумом своим она и расплатилась: женщина, претендовавшая на жизнь в обители богемы, завершила свой путь в психиатрической

больнице. Однако, подобно другим жертвам, она сама повинна в такой развязке. То был ее собственный выбор. Главным ее просчетом стал отказ от собственного проекта, при неспособности рассмотреть насмешку в уголках губ своего избранника. Многие, и в том числе умные, женщины почему-то свято верят словам мужчин, а не анализируют их поступки. У Доры отсутствовала собственная внутренняя жизнь, и она не выдвигала никаких требований своему избраннику. Таким образом, между ними установились неравноценные отношения, и Дора благодарно приняла их, как домашнее животное принимает еду из рук хозяина.

Жаклин Рок, вторая и последняя официальная жена Пикассо, познакомилась с художником, когда тому был 71 год. Потому она, с ее остервенелой жертвенностью, пугающим и неестественным заискиванием как бы не в счет. Она — не женщина мастера. Она — его добровольная прислужница, с радостью приковавшая себя к его ногам. Возможно, у нее имелся свой расчет, ведь живописец был несказанно богат и всемирно известен. Не исключено, что истоки этого странного идолопоклонничества и животного терпения, которые снисходительно принимал престарелый художник, крылись в болезненном самолюбии и деньгах. В конце концов Пикассо обеспечивал стабильность, а это немаловажно для еще молодой женщины, имеющей на руках малолетнюю дочь. Кроме того, проницательный биограф Карлос Рохас недвусмысленно указывает на схожесть образов матери Пикассо и его последней жены: сочетание почти самоотверженной любви и монашеской покорности с жадной полнейшего контроля над жизнью любимого человека. Вероятно, живописец уже находился в том возрасте (да и на той ступени всемирного признания), что ему импонировало отношение к нему, как к ребенку. Но стоит поверить тому же Рохасу, что «жизнь Пикассо с Жаклин Рок не

была ни счастливой, ни нормальной». Это если смотреть на нее глазами мужчины. Точка зрения Жаклин, возможно, была совсем другой. Ведь она решала задачу первого уровня: обретение статуса легитимной жены со всеми его атрибутами. Но и Жаклин Рок в итоге не избежала проклятия гения — она застрелилась накануне открытия выставки Пикассо, через тринадцать лет после его ухода в вечность. Овдовев, она едва не впала в безумие.

История Жаклин Рок дает основания утверждать, что жертвенность женщины приносит ей дивиденды лишь в одном случае — когда ее мужчина находится уже в таком возрасте, что впадает в детство. Тогда он возвращается в состояние заблудившегося в незнакомом пространстве ребенка, а женщина способна если не успешно, то вполне сносно исполнять роль подруги-матери. Карлос Рохас указывает, что Жаклин по возрасту могла бы быть внучкой живописца, а ее ухаживание за стариком с подобострастием ревностной матери вызывало какую-то неловкость у окружающих. Но даже в таком случае женщина остается в ущербной позиции, которая может обеспечить ей богатство и относительное благополучие, но никогда не сулит гармонии и счастья.

На фоне многих обманувшихся образ Франсуазы Жило выглядит более светлым. В итоге она победила чары мага. Позволив себе попасть под его влияние, она затем сумела трезво проанализировать ситуацию и сбросить путы. Начало было, как у всех предшественниц (кроме Ольги Хохловой): пребывая в милом заблуждении относительно воздействия тела на разум, она с готовностью разделила ложе с тем, кого молва представляла как великого творца. Но реальная жизнь для нее очень скоро оказалась важнее мифа. В конце концов она стала единственной из женщин Пикассо, которая сама его оставила. При этом особо подчеркнем, что Франсуаза с самого начала

выдвинула мужу свои требования. Так, она собиралась покинуть его уже через несколько месяцев: ее возмущали получаемые от Марии-Терезы Вальтер любовные послания, а также необходимость некоторое время находиться в доме, принадлежащем ее предшественнице Доре Маар. Один раз женщина действительно ушла куда глаза глядят, но художник настиг ее, и после долгих объяснений она дала ему еще один шанс. Однако ловелас фактически обманул возлюбленную, убедив родить ребенка; естественно, таким ходом он надолго связал ее. Юная Франсуаза оказалась во власти минотавра еще на несколько лет (вслед за сыном через два года родилась дочь).

Но она продолжала бороться за себя. В частности, когда Пикассо уехал на какой-то конгресс в Польшу, обещая вернуться через 3—4 дня и явившись через 3—4 недели, женщина вlepила ему пощечину и заявила, что уйдет, если такое повторится. «С тех пор Пабло всякий раз, когда уезжал, неизменно писал мне, по крайней мере, раз в день», — торжественно сообщает она в своей книге. Разумеется, это лишь паллиатив. Потому что о какой любви могла идти речь, если Пикассо, не показываясь почти месяц, отдыхая с друзьями на полную катушку, даже не написал ни разу? То есть не вспомнил о женщине, которая делит с ним крышу над головой и имеет от него сына. Да и впоследствии он лишь обязал своего помощника ежедневно отсылать Франсуазе телеграммы... Он не давал, он только брал — и это следовало понять каждой, кто приближалась к роковому мужчине.

В конце концов Франсуаза Жило, много размышляя над своими отношениями с Пикассо, пришла к четкому выводу - строить будущее без этого человека. Открыв новый раунд жизни, она просто спасла себя.

В конце концов Франсуаза Жило, много размышляя над своими отношениями с Пикассо, пришла к четкому выводу — строить будущее без этого человека. Открыв новый раунд жизни, она просто спасла себя. В конце своих мемуаров она дала великолепное объяснение своему решению уйти от мастера. А заодно и объяснение своей философии, направленной в будущее, а не в прошлое. Философии, благодаря которой она не сгорела в демоническом пламени. «Когда я впервые пришла одна к Пабло в феврале сорок четвертого года, он сказал, что наши отношения принесут свет в мою и его жизнь. Что мой приход представляется ему открывшимся окном, и он хочет, чтобы оно осталось открытым. Я тоже хотела этого, пока оно пропускало свет, — когда перестало, я закрыла его, в значительной степени против своего желания. Тогда Пабло сжег все мосты, соединявшие меня с нашим общим прошлым. Но поступив так, он вынудил меня найти себя и таким образом выжить. За это я всегда буду ему благодарна». К этим словам нечего добавить.

Продолжая историю спутниц Пабло Пикассо, стоит заметить: чем выше был уровень способности женщин эпатировать весь остальной мир, оставаться самостоятельными, психологически автономными, тем более защищенными они оказывались. Скажем, некоторое время любовницей живописца была эксцентричная Анаис Нин. И что же, она страдала? Вряд ли. Пикассо пил ее как крепкий напиток, но и она откровенно наслаждалась им; они обогащались взаимно, учась друг у друга сильной сути пола. Это было временное обладание друг другом, но каждый остался при своих убеждениях и правилах. Никто не сдал позиций, не пошел в услужение другому, не пал жертвой любви. И, кажется, они расстались нераспознанными друг для друга. Но это не важно, ибо никто из двоих не был удручен, ни

для кого переживания не стали кризисом, не говоря уже о губительных стрессах.

Чем выше был уровень способности женщин эпатировать весь остальной мир, оставаться самостоятельными, психологически автономными, тем более защищенными они оказывались.

Или другой пример — Женестьева Лапорт. В момент встречи с 63-летним художником она была хрупким подростком. Одни считают, что их любовная связь возникла позднее, когда Пикассо было около 70 лет, другие утверждают, что через год после знакомства. Главное другое: влюбившись в демона, девушка не приручалась, не одомашнивалась, не связывала себя с ним надолго. Дело не только в том, что она ощущала за пылкостью любовника холод опасности, а в том, что она была основательно занята собой, своим собственным самоопределением, своим жизненным проектом. При всей своей влюбчивости она преодолела желание раствориться в бушующей личности партнера. Так же, как Анаис Нин и Франсуаза Жило, она нашла свой индивидуальный путь к самореализации, покою и балансу. Небезынтересно и то, что Женестьева Лапорт и Франсуаза Жило весьма плодотворно использовали интимную связь с творцом, превратившимся еще при их жизни в монумент.

Женестьева написала прекрасные мемуары — *«Солнце восходит в полночь»*. Франсуаза, вовремя покинувшая обольстителя, не только продолжила карьеру художницы (пусть и воспринимаемой по-разному критиками), но и издала замечательную книгу *«Моя жизнь с Пикассо»*. С невидимого поля брани обе женщины вышли победительницами.

Что следовало бы вынести из таких историй искательнице счастья, если она попадает в сети демона? Неравноценные, подчиненные отношения, которые он молчаливо навязывает,— верный признак демонизма. И жертвы очень скоро становятся, говоря словами Франсуазы Жило, «расчлененными куклами», над которыми демон властвует. Женщина не имеет права быть абсолютно доступной, расплачиваясь с мужчиной исключительно сексуальностью. Это убедительно доказала Мария-Тереза Вальтер. А вот Дора Маар пошла еще дальше, показав, что тонкий ум женщины не выдерживает интриги, если нет четкости целей и намерений. Анаис Нин и Женевьева Лапорт убеждают, что отсутствие привязанности во временных отношениях — лучший эликсир, а расчетливый разум — самый верный советчик. Наконец, Франсуаза Жило словно твердит подругам: если проект безнадежен, его следует прекратить самой.

В конечном счете все зависит от силы личности. Скажем, не приняв темных сторон своего возлюбленного, Франсуаза Жило ушла от него. Но бывают и другие случаи, когда личность женщины подобна океану, поглощающему и умиряющему демонов. Среди преуспевших в борьбе с закоулками мужской души можно назвать, к примеру, Козиму Вагнер, которой удалось из вероломного разрушителя сделать достойного мужа, а также изумительно плодотворного творца. По меньшей мере, в сознании очень многих людей.

Вместо выводов. Правила принцесс, или что делать женщине, которая собирается выйти замуж за принца и сделать из него короля

Деятельность всякой женщины, которая решила преуспеть в браке, подобна айсбергу. Видимую часть ледяного царства составляет все то, что относится к проявлению личности, включая силу характера, отношение к себе и к окружающему миру. К невидимой же подводной части относится вся та неприметная кропотливая работа, сотканная из тысяч актов терпения, рассудительности, заботливости, предусмотрительности, эластичности, требовательности, обаяния, сексуальности, успешного материнства и многого другого. Одним словом, всех тех многогранных проявлений сугубо женского естества, которые, оставаясь за кадром, создают ощущение уюта и душевного комфорта для двоих. Именно женщина обживает и обустроивает пространство вокруг очага и создает его тепло, и крайне редко эта часть ее способностей не интересует мужчину, связывающего с нею судьбу. Хотя, разумеется, всякий семейный проект, всякий союз — дело сугубо индивидуальное. Однако мы договорились вести речь не просто о счастливом союзе, но о привлечении принца и умелой доводке его до статуса короля. Тогда вынесем за скобки все обычные принципы счастливого союза и выделим лишь дополнительные, суть которых — *повышенные требования*.

Принцы женятся на принцессах. Потому глобальным вопросом становится образ мышления принцессы. Все в нашем мире начинается с мышления. И даже простая, скромная, ничем не выдающаяся девушка становится принцессой тогда, когда принимает в сердце эту мысль, облакает свой образ в

пелену представлений о том, как должна вести себя принцесса.

Начать стоит с главного: принцы женятся на принцессах. Потому глобальным вопросом становится образ мышления принцессы. Все в нашем мире начинается с мышления. И даже простая, скромная, ничем не выдающаяся девушка становится принцессой тогда, когда принимает в сердце эту мысль, облекает свой образ в пелену представлений о том, как должна вести себя принцесса. И начинает все делать именно так. Она не просто играет роль принцессы, — эта роль становится неотъемлемой составляющей ее образа. Роль может быть сыграна фальшиво, образ жизни — никогда. К этому следует добавить, что принцесса отлично знает: она — лучшая. Потому всегда избирает она. Принцесса не бывает ведомой длительное время — она может лишь играть роль ведомой в союзе, тактично и в меру подыгрывая партнеру. Позиция ведомой противоречит активной социальной позиции.

Попробуем представить все описанное в нашей книге схематично. Попробуем трансформировать все успехи женщин в короткие послания, преобразовать в мыслеобразы, которые можно употреблять, как бальзам для сознания. С той оговоркой, что делать это следует не механически, но сообразно персональной природе. Помня, что эти правила выведены самими женщинами, преуспевшими в организации жизни с принцами. Сделавшими их королями. Итак, начнем.

НАВЕСТИ МОСТЫ МЕЖДУ ВНУТРЕННИМИ МИРАМИ

Как любой человек способен стать выдающимся, так и любая девушка способна превратиться в принцессу. Волшебная

палочка всегда в ее руках, просто порой она не знает об этом. Необходимо желать. В один прекрасный день огласить намерения для себя и с того момента вести себя так, если бы преобразования уже свершились.

Всякое позитивное мышление начинается с ответственности за свою судьбу. Женщина, стремящаяся быть автором своей судьбы, осознает, что судьба эта находится в прямой зависимости от образа мышления, от направленности мыслей. Главная идея позитивного мышления, направленного на привлечение партнера, заключается в принципе соответствия облику принцессы. Эту схему превосходно описала знаменитая писательница-эзотерик Дион Форчун. По ее словам, все люди развиваются неравномерно: «В наше время у среднего человека только первые три тела способны к единению — его физическая оболочка, тело инстинктивное и тело эмоциональное. Иными словами, он способен на физическое совокупление, инстинктивное влечение и проявление нежных чувств к своему партнеру, имея весьма слабое представление об интеллектуальной близости». А далее главное, с чем невозможно не согласиться: «Более развитому человеку присущ и этот идеал, если функционирует его ментальное тело, и он будет искать себе жену, у которой жизненные интересы близки его собственным».

Мы можем отбрасывать любое учение, в том числе эзотерическое. Но жизнь убеждает в том, что подлинный принц всегда ориентирован на интеллект. Стало быть, он будет осознанно или интуитивно искать себе половинку, соответствующую его представлениям. Духовно растущая женщина всегда привлекает развитых, духовных, перспективных мужчин; соответственно женщина легкомысленная и фривольная — подобных себе, испытывающих те же вибрации.

Однако важная оговорка, о которой молчит эзотерическая философия, должна быть сделана в пользу сбалансированности образа принцессы. То есть принцесса — не какое-то призрачное эфирное существо, но уверенная в себе индивидуальность, ясно осознающая свои желания и пути персональной реализации. Она попросту обязана быть обаятельной, излучать и тепло, и сексуальность, и интеллектуальный потенциал. Сложно? Разумеется. Но кто сказал, что принцессой быть легко?

Это тот случай, когда нельзя обойтись без надлежащей иллюстрации. Чтобы не повторяться с уже знакомыми образами, упомянем женщину редкого характера — Надежду Мандельштам. Судьбоносная встреча эпатажного, уже известного 28-летнего поэта Осипа Мандельштама и молодой художницы Надежды Хазиной состоялась в киевском ночном клубе для богемы, и 20-летняя девушка повела себя с приглянувшимся мужчиной, как пишет Юрий Безелянский, «дерзко и раскрепощенно», завершив свидание в его гостиничном номере. Шокирующее совращение друг друга? Возможно, они оба этого жаждали. Но, вероятно, все это осталось бы лишь молниеносным фрагментом в их памяти, если бы к женским чарам в какой-то момент не прибавилась магия сильной личности. И Осип Мандельштам вскоре женился, хотя женатым его вообще никто «не мог представить». Таким образом, интимный мир женщины, ее природная красота, физическая привлекательность могут служить лишь инструментом для привлечения первичного внимания, но никак не для решения глобального вопроса — завоевания и удержания сильной личности. Сексуальная энергия может быть превосходным дополнительным стимулом, но никогда — основой союза.

Следует помнить: *обычно человек чувствует в одном мире, но мыслит — в другом.* Этот разрыв сознания непреодолим и часто

порождает страдания. Считается, что самореализация избавляет от страданий. Конечно, это иллюзия. Она минимизирует их и меняет отношение к ним. Уводит из пространства фактов в некое «зазеркалье», создавая индивидуальный механизм восприятия мира и коммуникации с ним.

ПРИБРЕСТИ НЕОБХОДИМЫЕ ЗНАНИЯ, ВКЛЮЧИТЬ ВОЛЮ

Чтобы стать принцессой, недостаточно мыслить, как баловень судьбы, и театрально играть роль. Нужны, в первую очередь, знания. Те, что порождают интеллектуальную силу, пробуждают ментальное тело. Их можно и необходимо приобрести. Извлекать из признанных книг, получать от верно избранного окружения, выуживать из четко выстроенных жизненных приоритетов. Высекать, подобно искры для будущего огня, из вековой мудрости человечества — из уже имеющихся образов. То есть удачливых успешных гармоничных людей, которые уже прожили жизнь, оставив по себе полезный след. Гений-терапия, предлагаемая автором этой книги, открывает мир поистине дивных возможностей. Гений-терапия, то есть индивидуальная практика использования известных образов, показывает различные действенные пути саморазвития. Опыт даже малообразованных женщин, таких как Коко Шанель, Мэри Беккер-Эдди или Луиза Хей, убеждает, что женщина способна получить необходимые для счастливой и сбалансированной жизни знания в любом возрасте и в любом состоянии своего здоровья.

Подлинная принцесса не позволяет себе оставаться статичной; она всегда динамична. Она действует. Она

весело, с задором совершает волевые акты для организации собственного счастья. Они необходимы буквально для всего: для прибавления знаний, для привлечения ресурсов, для излучения красоты и успешности.

Таким образом, мы приходим еще к одной необходимости для принцессы. Подлинная принцесса не позволяет себе оставаться статичной; она всегда динамична. Она действует. Она весело, с задором совершает волевые акты для организации собственного счастья. Они необходимы буквально для всего: для прибавления знаний, для привлечения ресурсов, для излучения красоты и успешности.

РАБОТАТЬ НАД СОБОЙ. РАЗВИВАТЬСЯ, ДОСТИГАЯ САМОДОСТАТОЧНОСТИ

Красота и успешность всегда находятся в самой девушке — она светится ими, она излучает их. И это — также результат образа мышления. Милovidные черты, соблазнительные формы даются в качестве уставного капитала почти каждой девушке, но, вполне естественно, не обеспечивают счастья. Более того, история нередко утверждает, что менее привлекательная девушка, делая ставки на динамичность и развитие, достигает такого уровня обаяния, которое просто не может не привлечь любого интересующего ее мужчину. «Наше тело есть то, что создала мысль», — утверждал индийский мыслитель Вивекананда.

Принцесса знает, что ее боятся потерять, — это краеугольный тест на самодостаточность. Если девушку не опасается потерять ее партнер, значит, она либо утратила свою

самодостаточность, либо на пути к этому. В этом случае ей стоит задуматься.

Самодостаточная личность, подобно маленькому солнцу, льет теплые и радостные лучи. Ибо самодостаточность — это владение энергиями. Попробуем расшифровать. Самодостаточность, как правило, имеет несколько составляющих или уровней. Психофизический уровень отвечает за привлекательность принцессы. Его достигают не только в спортивном зале, хотя без тщательного внимания к тону тела не обойтись. Не обойтись и без набора женских хитростей — от косметики и прически до стильной одежды. Или создания своего стиля: принцесса ведь существо раскрепощенное, рискованное и азартное. Никто не является для нее авторитетом, никому она не верит слепо, не следует бездумно. Психофизическая красота отражает внутреннее состояние, называемое обаянием. Высшее отражение обаяния называют харизмой. Эта внутренняя привлекательность проистекает из определенной суммы знаний о себе, мире, природе вещей, а также развития способности любить себя и окружающий мир. Не стоит путать такую способность с примитивным эгоизмом, ибо эта любовь глубоко осмысленная, взвешенная. Женщина с тонкой энергетикой, ставя саму себя в центр жизненных приоритетов, при этом способна правильно реагировать на окружающий мир.

Психофизический уровень самодостаточности проверяется *свободой*. То есть принцесса всегда вольна принимать решения, она свободна. И если она начинает позволять посягать на свою свободу кому-либо (и партнеру в том числе), то теряет харизму принцессы.

Есть и иные уровни самодостаточности, часто не менее важные, — социальный и духовный. Достижение их связано с профессиональной деятельностью женщины, ее способностью

играть роль в социуме. Ментальный рост — результат устойчивого намерения и непрестанной работы, работы над собой. Так обеспечивается переход с возрастом на новый уровень, в новый слой загадочности и привлекательности, так проявляются волшебные свойства истинной женщины, хозяйки своего образа и жизненного сценария.

Наконец, принцесса умеет привлекать ресурсы. Ресурсы — это иногда деньги, иногда внезапная, не обязательно материализованная помощь других людей. Ресурсы — это всегда энергия, доброжелательно отданная девушке кем-то. При этом всякий культ ресурсов совершенно недопустим. Достаток не является критерием принцессы. Гала пришла к бедному Дали и сделала его богачом. Вера Слоним вышла за Набокова, когда тот не имел сносной работы. Ни одна по-настоящему выдающаяся женщина никогда не помышляла о богатстве. Оно стало дополнением к счастью. Ресурсы должны течь свободно, без принуждения. Тогда они не ускользают, не приносят вреда. Важным принципом привлечения ресурсов является *позитивность мышления*. Тот, кто умеет добровольно отдавать, дарить свою энергию, способен ее и притягивать в те моменты, когда эта энергия необходима.

Брак — это не соглашение навсегда. Это скорее обещание расти вместе. Статичность убивает любовь так же, как клетка деформирует психику заключенных в нее птиц или животных. История отношений полов свидетельствует, что наибольшие риски для женщины несет желание, чтобы избранный мужчина ей безраздельно принадлежал -при отсутствии стремления к развитию с ее стороны. Но так не бывает!

Стоит помнить: *самодостаточность* — обратная сторона *самооценки*. Брак — это не соглашение навсегда. Это скорее обещание расти вместе. Статичность убивает любовь так же, как клетка деформирует психику заключенных в нее птиц или животных. История отношений полов свидетельствует, что наибольшие риски для женщины несет желание, чтобы избранный мужчина ей безраздельно принадлежал — при отсутствии стремления к развитию с ее стороны. Но так не бывает!

УМЕТЬ РАСПОЗНАТЬ ПРИНЦА. ТРИ МАГИЧЕСКИЕ «Ц»

Подлинная принцесса всегда видит перспективы, распознает потенциального победителя, — в этом принципиальное отличие построения ее мыслительной формулы. Будущего миллионера, генерала или министра — не важно. Но откуда такая необычайная прозорливость?! По правде говоря, это прямое следствие самодостаточности — все мы ищем одинаковые вибрации. Тогда нам есть о чем говорить, тогда мы понимаем, куда можем вместе стремиться.

Все и просто и сложно. Секрет — в обладании знаниями и воле применять их, в ориентации на высшие результаты, в прислушивании к голосу собственного разума. Эти изначальные ориентиры женщина должна расшифровать в будущем партнере. Конечно, она многое воспринимает эмоционально, но коль мужчина в высшей степени рационален, то и принцессе следует научиться ставить себя на его место. Кстати, в пользу приближения к рациональному, аналитическому высказывается именитый семейный психотерапевт Вирджиния Сатир, когда призывает влюбленных больше разговаривать друг с другом до брака.

Рациональным способом выяснения потенциала мужчины может стать *формула трех магических «Ц»*: Цели, Ценности и Центры (влияния). Если девушка позаботится о выяснении всего того, что заложено в трех «Ц», а затем совершит мысленное наложение на собственную систему миропонимания, то она очень быстро осознает, какая именно модель отношений с данным мужчиной возможна. Например, если Клеопатру интересовала независимость Египта (а значит, создание адекватной военной машины), а Марка Антония — наслаждения и любовь, то совместный проект не мог завершиться не чем иным, как крахом. Если девушку интересует построение успешной семьи, создание высокой цели для своей половинки, а ее возлюбленный бредит только дорогими автомобилями и походами в ночные бары, вряд ли получится сильный союз. Кстати, подлинная принцесса не тратит свою энергию впустую, — когда очевидна бесполезность совместного движения, она уходит. Как минимум, из понимания того, что предназначена более сильному мужчине.

Точно так же женщине важно выяснить ролевую функциональность мужчины. Скажем, если она стремится к самореализации в какой-то сложной сфере, как-то: театр, кино или самостоятельный бизнес, — для нее может оказаться неприемлемым союз с мужчиной, ищущим жену-помощницу. А мужчины — тут не стоит тешить себя иллюзиями — всегда моделируют и просчитывают, как будет вести себя в тех или иных ситуациях потенциальная «половинка».

Вот почему принцесса изначально отказывается от жертвенности.

НЕ ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ СВОЮ ПРИРОДУ. ВЫЯСНИТЬ СВОЮ РОЛЬ, ПРИНИМАЯ ЕЕ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Природа каждого из нас есть сияние неповторимой индивидуальности. Когда личность сформирована, она уже не стерпит насилия. Стоит хорошо различать, где развитие личности, а где насилие над природой. Принцессы ведь бывают разными, сходными остаются только принципы.

Речь о том, что если в голове сформирована модель самостоятельно играющей личности, то не стоит примерять маску смиренной помощницы. Или если идеология взращивания из мужчины-увальня «великого человека» вообще не по душе, не стоит механически использовать принципы жены-матери.

Важным ориентиром тут может стать опыт Вирджинии Вульф с ее способом партнерства. Он сигналил нам: *нельзя презреть свои ощущения, но можно найти способ взаимоотношений с мужчиной.*

Принцесса делает осознанный выбор... И пусть даже внешне этот выбор кажется значительно удаленным от гармонии — только сама пара способна определить, счастлива она или нет.

Помните, как Майя Плисецкая однажды заметила: «Я могла стать либо матерью, либо хорошей балериной. Сочетание исключено». Это как раз из серии таких выборов. Можно балансировать, но балансирующая женщина всегда в зоне риска.

ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРИНЦИПАМИ СЧАСТЛИВОГО СОЮЗА

Принцесса пользуется всеми созданными до нее принципами счастливого союза.

Самодостаточность и сила личности ограждают ее от обид, ревности, злости, разрушительных желаний мести. Они предохраняют от фобии одиночества, покинутости. Уверенность

в себе позволяет ей менять мир вокруг себя, экспериментировать, рисковать, действовать.

Принцесса готова к компромиссам. Она гибка в жизни, упрямство — не ее стратегия. Со своим избранником она формирует маленькую, но постоянно действующую в одном направлении команду.

Принцесса признает важность всех сторон жизни союза. В интимной жизни она не менее современна, чем партнер. Но способна смириться с инфантильностью партнера в постели, если твердо верит в его королевское будущее. В то же время самодостаточность воспрещает такой женщине использовать секс в виде разменной монеты в отношениях с партнером. В бытовых вопросах она не теряет, одинаково легко научается жить в аристократической роскоши и в скромных условиях — общение для нее выше абстракций и форм. Она не только сама способна к росту и развитию, но и владеет искусством открывать новые миры своему избраннику. Ибо духовная плоскость в ее жизни составляет фундамент, придающий устойчивость всему зданию.

Для серьезной женщины понятие «энергетическая защита» не является пустым звуком. Она владеет арсеналом средств защиты энергетической оболочки семьи.

И, наконец, главное: *принцесса делает ставки на союз*. Она не собирается стать одиноко играющей фигурой, пусть и очень весомой. Союз с выдающимся мужчиной — ее идеология, доктрина. Потому что ее миссия — создавать короля. Жить и любить, присутствовать в бытии в рамках женской традиции, когда Инь пластично и естественно соединяется с Ян, создавая божественную притягательность.

НАУЧИТЬСЯ С ВОЗРАСТОМ ПЕРЕХОДИТЬ НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ. СТАТЬ КОРОЛЕВОЙ

Наша жизнь обусловлена, мы все когда-нибудь превратимся в прах. Но, зная, сколь короток миг бытия, мы должны еще больше, со всевозрастающим желанием стремиться испытать страсть, любовь, гармонию. Всякий период жизни может быть счастливым, потому-то «осень жизни, как и время года, надо благодарно принимать».

Краткий миг юности, свежести и полноты сил стоит конвертировать в мудрость. Это придает принцессе сил и знаний для того, чтобы стать однажды королевой. Для этого следует научиться трансформировать, видоизменять, корректировать свои цели.

Эта книга содержит немало убедительных примеров таких счастливых переходов. Разве не убедительны образы Елены Рерих, Галины Вишневской или Хилари Клинтон? Разумеется, этому искусству следует учиться, оно — результат особой философии жизни — королевской. Принцесса с самого начала знает, что нет ничего плохого в том, что никому не дано быть вечно молодой. Но когда женщина научается стареть красиво, она остается гармоничной, привлекательной, убедительной, великой. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на фотографии, скажем, Лени Рифеншталь в возрасте 100 лет, Натали Дроэн в возрасте 88 лет или Майи Плисецкой в возрасте 87 лет.

Отличительное свойство королевы: *она всегда знает, чего хочет, она ясно представляет конечную цель.*

УМЕТЬ ДЕЙСТВОВАТЬ АСИММЕТРИЧНО

Это удел выдающихся натур. Людей, которые не разучились думать. Когда нелинейно поступает мужчина, он способен выиграть сражение. Когда парадоксальное мышление развивает в себе женщина, она вырастает до колдуньи, вооруженной арсеналом непредсказуемой магии.

Асимметричные действия в отношениях — это высшая математика, основанная на исключительной уверенности в себе. Нестандартный подход проявляется не столько непосредственно в амурных делах, сколько в поиске уникальных способов организации жизни. Например, удаление в закрытое и неприступное пространство Гималаев — загадочный для всего мира, но тщательно продуманный подход семьи Рерих. Создание своеобразного кокона в Монтрё — личное решение четы Набоковых. Жизнь-путешествие Дюрантов с суперидеей книги в сердцевине — это их новый стандарт. Так же, как бегство из страны, — великолепный ответ Галины Вишневской на блокирование профессиональной деятельности мужа (а заодно и средство сохранения его статуса короля). Таких неподражаемых примеров сотни, и всякий раз за ними легко отыскать тень женщины. Покровительницы, жрицы, ангела-хранителя.

ОВЛАДЕВАТЬ ИСКУССТВОМ СОЗДАНИЯ КОРОЛЯ

Кроме терпения и неизменного ободрения, женщинам стоит *вникнуть в психологию деятельности своего избранника*. Для этого не обязательно понимать все ее детали. Важнее то, что находится на стыке деятельности с другими областями знаний. Важнее понимание функциональных перекрестков. Например, жена политика (дипломата, менеджера) прекрасно работает с окружением. Стоит лишь вспомнить арсенал деятельности

Жаклин Кеннеди, Элеоноры Рузвельт или Хилари Клинтон. Жена ученого или представителя специфической деятельности способна помогать преодолевать трудности текущего момента. Тут могут помочь такие образы, как Маргарет Бор или Клара Джейн Брайент (жена Генри Форда), которые ничего не понимали в физике и автомобилестроении, но очень много сделали для продвижения своих мужей. Конечно, высший пилотаж — это креативные идеи. Как у Галы, Лу Андреас-Саломэ или Елены Рерих. Но порой мужчине достаточно, чтобы кто-то ежедневно убеждал его в гениальности и способности создавать шедевры, независимо от личного понимания предмета. Скажем, Вера Набокова знала мир литературы лучше, чем отличный автомеханик — двигатель. А вот Мерседес Барча Пардо, ставшая женой нобелевского лауреата по литературе Габриэля Гарсиа Маркеса, вообще ничего не смыслила ни в издательской кухне, ни в таинстве производства сногшибательных текстов для бестселлеров. Но обе добились сходного результата.

На самом деле абсолютно не важно, чем профессионально занимаются мужчина и женщина, скрепившие свои отношения печатью союза. Важно только желание мужчины стать выдающимся и желание женщины, чтобы ее избранник добился успеха. Голос интуиции всегда подскажет путь.

Есть и другие формулы. Скажем, когда женщина сама (вместе с мужем) осваивает направление деятельности, и партнер берется за некое смежное направление, прямо связанное с ее полем. Например, в союзе Роберта и Мелани Саш в совместно созданной аюрведической компании мужчина стал основным разработчиком оборудования, но идея компании принадлежала женщине. Похожий пример есть в жизни создательницы косметических препаратов Эсте Лаудер. Или в жизни

Вирджинии Вульф, создавшей вместе с мужем (и для мужа) издательство для продвижения и продажи своих книг.

На самом деле абсолютно не важно, чем профессионально занимаются мужчина и женщина, скрепившие свои отношения печатью союза. Важно только желание мужчины стать выдающимся и желание женщины, чтобы ее избранник добился успеха. Голос интуиции всегда подскажет путь.

Валентин Бадрак

Окончил Рязанское воздушно-десантное училище, Киевский государственный лингвистический университет, был слушателем Школы управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета. Автор гений-терапии, оригинальной методики саморазвития, основанной на активном воздействии образами выдающихся личностей. Практика гений-терапии изложена в популярной серии книг «Стратегии гениев» («Стратегии гениальных мужчин» (2005), «Стратегии гениальных женщин» (2007), «Стратегии злых гениев» (2008), «Стратегии счастливых пар» (2009), «Стратегии выдающихся личностей» (2011)).

Сайт Валентина Бадрака: www.badrak.kiev.ua

Примечания

[1] Самодостаточность в наши дни — понятие не только фактурное и выпуклое, но и воспринимаемое по-разному. Однако, несмотря на многогранность и индивидуальный характер восприятия, следует выделить три условные формы самодостаточности человека — психофизическую, социальную и духовную. Главный принцип самодостаточности индивидуума — его внутренняя свобода, и в том числе свобода выбора. Признаем, что достижения в духовной плоскости менее всего востребованы обществом — в силу поверхностности и примитивности существования подавляющего большинства его членов. При этом духовно самодостаточные люди наиболее редки и могут демонстрировать абсолютную устойчивость ко внешнему миру (для более глубокого понимания можно вспомнить Фридриха Ницше: «...мыслитель не нуждается в аплодисментах...»). Общество живет преимущественно на низких вибрациях и охотно питается стереотипами, производя их на свет и сменяя отжившие свое, потому наиболее важной ценностью становится социальное признание, под которым можно понимать социальную самодостаточность. Ее верхний полюс — слава и почитание того или иного человека, нижний — признание обществом значимости его деятельности и адекватного товарно-денежного эквивалента этой значимости. Вполне естественно, что отсутствие общественного признания или тем более социальное отвержение индивида в большинстве случаев делает его психику уязвимой, вызывает беспокойство, душевные страдания, порой делает больным. Психофизическая самодостаточность для современного общества не менее востребована, поскольку определяет первичный интерес к

индивидууму. Однако когда речь идет о мире отношений двух полов, об интимном взаимодействии, шкала восприятия может существенно меняться. И, тем не менее, изменения психофизической самодостаточности, то есть собственного облика, состояния здоровья и отношения самого индивидуума к этому, приобретает все большее значение в жизни современных пар. Поскольку интимный мир пар, особенно в первой половине жизни, вытесняет по значимости все остальные формы общения. Вообще же, изучение опыта совместной жизни мужчины и женщины упрямо свидетельствует о двух взаимосвязанных тенденциях. Во-первых, наиболее крепкие семьи — это союзы двух самодостаточных людей, и они тем сильнее, чем более приближены к духовной плоскости области их самореализации. И, во-вторых, пары чаще всего распадаются вследствие потери самодостаточности. (Здесь и далее прим. автора)

[2] Хотя значительная часть исследователей, и в том числе такие маститые писатели, как Ромен Ролан и Владимир Жданов, сходятся на 18 «семейного согласия» и 30 годах «безысходных отношений», автор этой книги склонен полагать, что разрушение отношений произошло гораздо раньше, когда обнаружались основные противоречия интимного плана. Это период после 1871 года, когда в течение 9 лет супружеской жизни Софья родила мужу пятерых детей, причем рождение пятого ребенка (дочери Марии) оказалось смертельно опасным. Далее можно говорить лишь о некой инерции зыбкого семейного согласия, сила которой обрывается практически сразу же после окончания «Анны Карениной» (1876). Эти выводы зиждутся на более современных подходах исследования упомянутых авторов были изданы еще в первой половине XX века (Ромена Ролана — в 1911 году, Владимира Жданова — в

1928 году). Впрочем, и сам Л.Толстой склонен был именно к такой оценке своего брака, подтверждением чего может служить написанная в середине 1884 года (почти после 22 лет семейной жизни) фраза: «Началось с той поры, 14 лет, как лопнула струна, и я осознал свое одиночество» (то есть речь идет как раз о времени пятой беременности Софьи).

[3] Петр (1872 - 1873), Николай (1874 - 1875) и Варвара (1875 - 1875).

[4] Конечно, тут следует оговориться, что, во-первых, духовный подход к жизни в семье является краеугольным камнем верных, с точки зрения здоровой традиции, отношений. И, во-вторых, как следствие из первого вытекает, что внезапное ухудшение здоровья или продолжительная болезнь одного из партнеров относятся скорее к плоскости духовных связей и принципов, нежели к упрощенному пониманию отношений, выражаемых словом «интерес». И, разумеется, болезнь человека можно отнести к потере самодостаточности лишь с большой долей условности. Отменным примером тут может служить семейный опыт известного артиста советского времени Марка Бернеса. Когда его жена Полина Линецкая заболела раком, он фактически отказался от нее, а не просто «потерял интерес к жене». За два месяца, которые несчастной женщине «отмерили» врачи, донжуан советской эстрады ее ни разу не проведаль. Не стоит говорить о том, что было до и после, но малодушие мужчины в глазах многих его почитателей превратило его из кумира в презираемого человека. Кстати, через тринадцать лет он тоже умер от рака.